

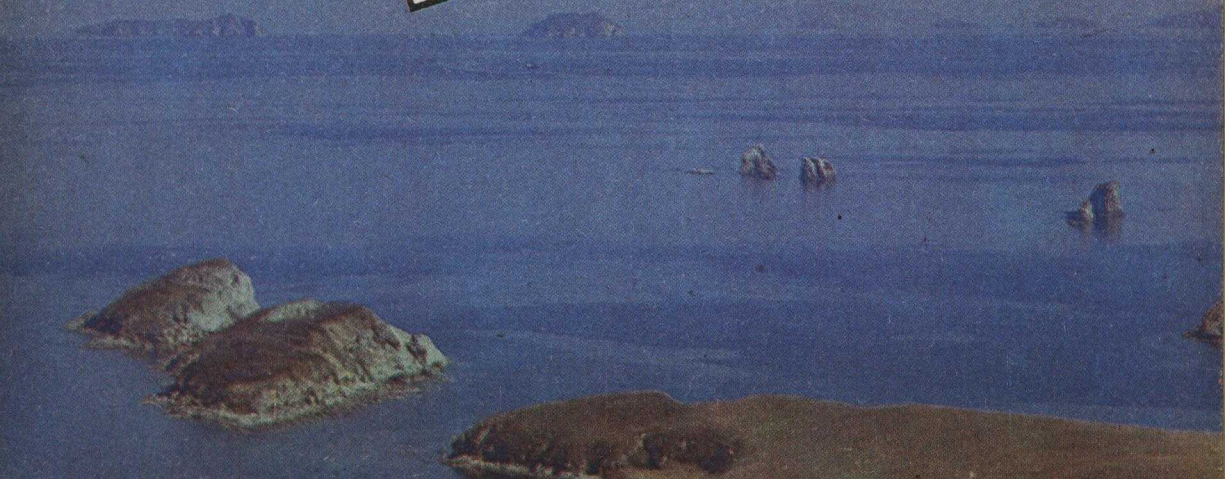

ISSN 0235-2737

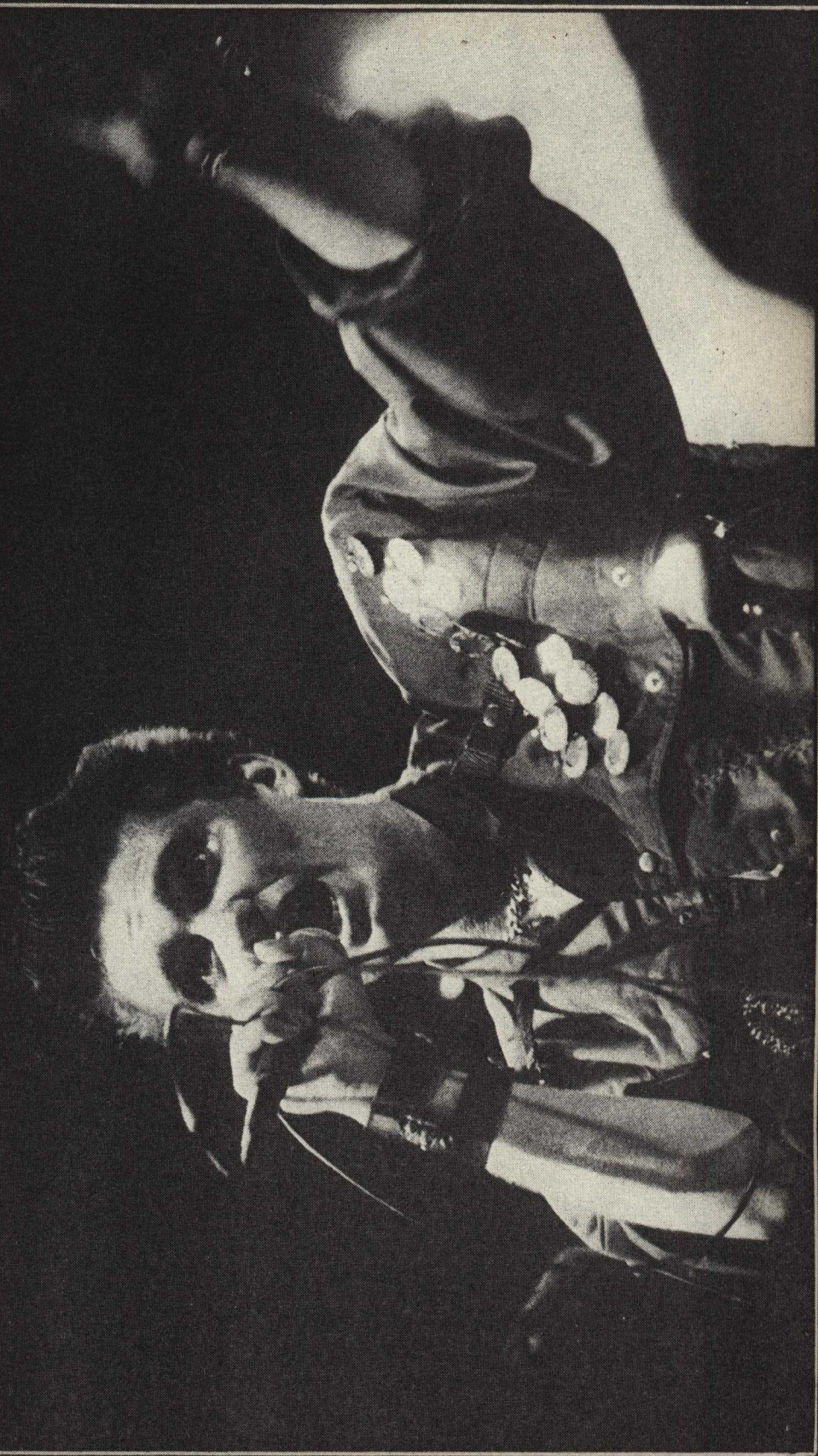
 Парус 11/1989

Как рождаются земные антимирры

Читайте страницу 48

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Парус

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный
иллюстрированный журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

В номере

Выбор

Ирина НОЗДРИНА «...В связи с уходом из ВЛКСМ» 2 2

Работа над ошибками

Светлана САВРАСОВА Судьбы нечестный вариант мы перепишем 7

Время и место

«Интелигены» 16

Открытый урок

Ефим ШУР. Урай без ура 19

По суги дела

Владимир БУЛЫЧЕВ. Знает кошка, чью мидию съела... 22

Камера хранения 23

Планета людей

Лариса САЕНКО. Цыганский романс, или Полукриминальное досье 24

Предъявите права!

Святослав ГОЛИК. Добрый парень — с большой дороги? 31

Газета 32

Ищу друга 40

Эпизод

Сергей ПЛЫТКЕВИЧ. Зачем нам эти пустыни... 42

Оглянись

Валерий ДОБКИН. «Обвиняется в шпионаже» 44

Команда Оли Будиловой

Валерий ПЛУСКОВ. Куда спешит король — большой секрет 48

Трубка мира

Светлана Николаевна. Миры — кумиры 50

Шапка Мономаха

Леонид МИНДЛИН, Владимир ТАРАСОВ. Кем станет Том Сойер? 53

Как хорошо быть генералом... 54

Ученическая тетрадь

Лариса РЫСЬ. Адю. Рассказ 56

Ателье «от Рины» 62

Читатель почитывает, а писатель подсчитывает 64

Оформление первой страницы обложки —

В. РУЛЬКОВ I

Оформление четвертой страницы обложки —

С. СТЕЛЬМАШОНОВ IV

Макет номера подготовили В. Рутьков и В. Жгунцова

11/1989

Здесь, на поле, напротив публикации номера, по десятибалльной шкале проставьте свои оценки, отрежьте анкету и вышлите в редакцию

Здесь по десятибалльной шкале — оцените за оформление публикации

А здесь, с этой стороны нашей анкеты, пожалуйста, основные данные о себе: имя и фамилия (это — если считаете нужным);

возраст;
где учитесь или работаете; давно ли читаете наш журнал.

И последнее: если оценка статей и иллюстраций к ним в баллах кажется вам недостаточно красноречивой, можете приложить к анкете письмо со своими комментариями. Такое развернутое мнение о номере будет для редакции особенно интересным.

выбор

«...В СВЯЗИ С УХОДОМ ИЗ ВЛКСМ»

С такой повесткой дня «Парус» уже дважды проводил заседания комсомольской первички читателей (№ 10, 1988; № 4, 1989). Поток писем заметно возрос, это и понятно — разговор давно вышел за рамки обсуждения ситуации в комсомольской организации одного из цехов Минского электротехнического завода. Помните, группа молодых рабочих-передовиков подала заявления о выходе из Союза молодежи.

Теперь наши корреспонденты заметно помолодели. Старшее поколение решает для себя вопрос: «Уйти из ВЛКСМ или остаться?» Юная же смена на пороге проблемы: «Вступать или не вступать?» Каждый парень или девушка решает эту проблему лично, в рамках собственной судьбы и вряд ли задумываются, что их выбор поистине жизненно важен для организации в целом. Быть или не быть комсомолу? Вот тот самый момент истории, когда ваш личный выбор может быть приговором эпохи.

«А что, если я совсем не собираюсь быть комсомолкой? У некоторых просто волосы дыбом становятся от этих слов. Комсомолец. Каким он должен быть? Если обязанности у него такие же, как у пионера или как у коммуниста, то зачем это промежуточное звено вообще? Я знаю один восьмой класс, там нет ни одного члена ВЛКСМ. И ничего. Дружат, учатся. Я считаю так: если я хочу помочь товарищу в области математики, то не нуждаюсь в звании члена учкома. Если хочу озеленить улицу, то буду заниматься именно этим, а не вступлением в какой-нибудь Зеленый патруль. Если я человек совестливый, то буду делать добро несмотря на то, комсомолка я или «несоюзная молодежь». Для меня комсомол — это красивая обертка, за которой пустота. Сплошной формализм. Только не говорите про исторические традиции. Это не традиции, если их надо тащить «сверху» «вниз».

Юля К., 14 лет, г. Харьков»

«Комсомольский активист — этот титул говорит о том, что тебе откровенно нечего делать. Сама я не комсомолка, так как считаю, что комсомол изжил себя. Ненавижу подхалимов. А ВЛКСМ сейчас в таких условиях: либо, глядя в глаза «старшим товарищам», усиленно «перестраиваешься», либо со скандалом кладешь билет.

Ирина Вахтерова,
Оренбургская область»

«Перестройка в комсомоле? Мимикрия, не более того. Я в классе идеолог. В стране экономический кризис, кризис базиса. Значит, и кризис надстройки, идеологии? Что делать идеологу во время идеологического кризиса? Отговариваю новичков вступать в Союз молодежи. Надо подождать, посмотреть...

Ясик А., г. Кутаиси»

«...Третий год в ВЛКСМ. Выполняю обязанности заместителя секретаря по идеологической

работе. В самом начале была уверена — горы сверну. И только теперь поняла — моя работа никому не нужна. На все мои предложения, знаете, как отвечают? «Учиться, дорогая, надо, а не комсомольскими делами заниматься». И что на это скажешь, если сами же комсомольские вожаки со всех трибун внушают школьнику: «Учеба — твой главный труд!» Но это так, теория. На практике же ничего никому не нужно, кроме дискотек. Мои одноклассники хотят жить беззаботно, прагматично прикидывать кое-что на будущее и наслаждаться сегодняшним.

А может, так и следует делать? Учиться, думать об институте и плевать на заботы комсомольской организации школы. Но не значит ли это плевать на самого себя? Подскажи, «Парус!»

Вика, 10 класс, г. Тольятти»

«Комсорг говорит: «Вступай». Я говорю: «Что мне за это будет?» Он говорит мне: «Шкурник! Думай не о том, что можешь получить от организации, а что можешь ей дать в трудную минуту!» Вот это да! От меня комсомол милости, что ли, ждет? Безвозмездной подачки в трудную минуту? Или, становясь его членом, я могу всерьез на что-то рассчитывать? Не такое уж это гнилое шкурничество, уяснить себе, что может для тебя сделать организация. Или мы в ущерб себе должны вступать? По-моему, организация как бы должна усиливать, резонировать привнесенное благо каждого и выдавать «на-гора» благо для всех — причем, каждый — это есть член не только организации, но и этих самых «всех». Любая организация должна обеспечивать взаимодействие со своими членами. Вступая, я должен знать, на что могу рассчитывать, а то, может, есть больше смысла в аэроклуб податься.

Может мне комсомол гарантировать занятость, помощь в осуществлении свершений — личных, но на пользу общества? Не может... Ну, так и нечего просить нашего бескорыстия!

Алексей Уваров, г. Киров»

«В комсомоле у нас, как верно заметил Ю. Н. Афанасьев, состояние «мифологического сна». Все думают, что ВЛКСМ есть, а его вроде бы уже и нет, одна численность осталась. И причин тут много. Во-первых, жизнь другая, чем в 50-х годах. Появился телевизор. Не один на полмикрорайона, а в каждом доме свой. Так зачем, скажите, устраивать массовое мероприятие, какую-нибудь «Юморину», если в кругу семьи можно посмеяться под «Вокруг смеха»? Зачем вместе собираться после работы и опять работать на субботниках, трудовых десантах? Во-вторых, налицо дифференциация по интересам. У нас пропадает общий «энтузиазм» и появляются индивидуальные увлечения. Зачем пятерым туристам тащить с собой в поход десять палаток, которые увлекаются, скажем, бальными танцами или шахматами? И так во всем. Не может быть у миллионов одного общего, интересного всем и каждому дела, тем более такого, с туманной ясностью определенного, как «воспитание молодежи в духе коммунизма».

С наилучшими пожеланиями —
С. А. Мироненко,
с. Покровка,
Приморский край»

«Мне 18. Могу без опаски на то, что говорю высокие слова, заявить, что люблю свою Родину. И делаю для нее, кстати, побольше иного комсомольца! Развелось сейчас много всякой твари: фашисты, панки, металлисты, рокеры. Все они жалуются на массу свободного времени. Говорят, некуда себя деть. Не понимаю. Я не тащу груз никому не нужной «общественной работы» — времени в обрез. Люблю и изучаю английский язык. Имею мотоцикл, но не рокер и не делаю из техники «корову», уродую тем самым машину. Занимаюсь спортом, слушаю музыку, но не тащусь, как скотина. Тот же металл мне нравится, но цепи, черные куртки, зеленые волосы — не наша, чужая кровь. Изучаю социали-

Фото Игоря ЯКОВЛЕВА,
Дениса КЛИМЕНКО,
Андрея КУДРЯВЦЕВА

стическую литературу. Мои кумиры — Ленин, Бухарин.

Целиком и полностью стою на позициях любителей. Живу в пяти километрах от города, не пропускаю ни одного выхода ребят на охоту «за тенью гнилого Запада». Скажете, жестоко? Нет! Лучше, чем бездельничать, прикрываясь комсомольским билетом!

Андрей,
Стерлитамакский район»

Вот такие и подобные этим письма. Скулеж, равнодушие, презрение, неверие, недоумение, приговор... И в основном — монологи. В одном письме, правда, автору было безразлично мнение того, кого он жалил своей беспощадной иронией:

«Внимание! Из «Календаря для школьника» за 1981 год. Автор — Ярослав Смеляков:

Лобастый и плечистый,
От съезда к съезду шел
Дорогой коммунистов
Рабочий комсомол.
Веселый и безусый,
По самой сути свой.
Пришелся он по вкусу
Отчизне трудовой.

О вкусах не спорят. Тем более с Отчизной. «По самой сути свой...» Так и есть, наверное. Для кого-то уж точно свой. А для молодежи? Какие сейчас дела и планы у «безусого», все так же он вдохновенно ве-

сел? Или задумался кой о чем? В какую сторону смотрят его жожаки с заметными залысинами? Что с тобой будет, комсомол?!

И. Н., 17 лет, г. Минск»

Мы в редакции посчитали несправедливым выплеснуть на читателей их же письма и этим ограничиться. Решили, коль уж самотеком до нас не доходят мнения приверженцев Союза молодежи — а такие, безусловно, есть в стране, только, наверное, не часто читают «Парус» или не находят времени заступиться за свою организацию на читательской «первичке», — надо выступление такого человека организовать. Вручили пачку писем и командировочное удостоверение члену Малой редколлегии Ирине Ноздриной и отправили ее в ЦК ВЛКСМ — искать оппонен-

та, защитника, если хотите, компетентного собеседника, могущего обрисовать сегодняшнее положение дел и дать представление о перспективах развития организации. Такой человек без труда нашелся. Ирина НОЗДИНА провела интервью с заместителем заведующего организационным отделом ЦК ВЛКСМ Александром Леонидовичем АБРАМОВЫМ.

— Александр Леонидович, тема разговора возникла «...в связи с уходом из ВЛКСМ»...

— Неважно сформулировано. Что значит «уход»? Уйти можно из комнаты. А тут — прекращение членства.

— Есть ли какая-нибудь статистика по прекращению членства в ВЛКСМ?

— Такой статистики не ведется. Запрашиваем только информацию о крупных выходах, которые происходят сейчас, в основном, в Прибалтике и Закавказье.

— Как комсомол относится к искусственному задержанию в своих рядах?

— Мы считаем: задерживать никого не нужно. У человека должен быть свой шанс. Может, он потом обдумает все хорошенько и вернется, а сейчас он должен побыть вне организации, один, посмотреть на нее со стороны. Может, через такое «отступление» кому-то нужно пройти, чтобы потом укрепиться в своей приверженности ВЛКСМ. А пока у молодого человека нет выбора. Он привязан. Мы считаем — не должно быть жесткой системы учета!

— Как же с этим сообразуется то, например, что студентам-вечерникам ежегодно необходимо представлять в вуз комсомольскую характеристику?

— Это — издержки прошлой системы, позавчерашний день комсомола, когда первичка отвечала за рост своих рядов, — принимали, честно скажем, без разбора, миллионами. Сейчас мы обсуждаем предложение убрать из всех анкет графу о принадлежности к ВЛКСМ. Мы — «за»! Но тут не от одних нас все зависит. Есть государственные интересы, статистика, в конце концов.

Комсомол не претендует на монополию. Он готов вступить в конкурентную борьбу с неформальными объединениями. И будем бороться на равных!

— Если смотреть на динамику прекращения членства — она возрастает, ясно и без статистики — это объективная тенденция или, скажем, дань некоторой нигилистической моде?

— Немножко, конечно, и мода. Но и посерьезней этой есть причины. Посмотрел человек, что плохо работает его первичка, и решил уйти...

— Однако он и перед вступлением, вероятно, видел, что в первичке не все в порядке. И все-таки вступил, а «прозрел» лишь сейчас. Почему так происходит?

— Вот тут-то как раз мода играет роль. Но могут быть и другие обстоятельства, когда прозрел — без кавычек. Повзрослел, определился в своем собственном мнении.

— Люди уходят из комсомола. Чтобы понять, почему, надо бы знать, кого мы принимаем. Сейчас кругом говорят об освобождении от балласта. Не окажутся ли сегодняшние «новобранцы» лет через пять-шесть таким же пресловутым «балластом»?

— В комсомоле должны быть люди, признающие нашу программу. Остальные, кому эта программа безразлична, — и есть

балласт. Стало быть, вновь вступающий должен перво-наперво уяснить себе цели и задачи комсомола. Но это не значит, что у людей должны быть мысли «причесаны» под одну гребенку. Даже у нас в ЦК есть совершенно разные ребята, разные мнения обсуждаются. Но цель-то у всех одна — святая и благородная — сделать комсомол привлекательнее, интереснее. Он должен на деле защищать интересы молодежи.

— Какой молодежи? Всей или только «авангарда»?

— Сейчас обсуждается вопрос: комсомол — организация, которая будет защищать интересы всей молодежи или только тех, кто в ней состоит? Ведь комсомольцев в стране немало — 35 миллионов, что составляет пятьдесят-шестьдесят процентов всей молодежи. Комсомольцем является каждый третий рабочий, каждый пятый служащий, каждый четырнадцать колхозник. И тридцать семь процентов комсомольцев — учащиеся. У них, несомненно, есть проблемы. Надо помочь с решением. Это и значит — защищать интересы!

— Как это будет происходить на практике?

— Скажите, часто ли вы заглядываете, скажем, в райком комсомола? Правильно, нечего вам там делать. А нужно, чтобы было так: заходишь в райком ВЛКСМ и находишь там компетентных людей — юриста, психолога, ну, и так далее. Допустим, вы попали в трудную ситуацию — вас смогут выручить по-товарищески.

Пока человек учился в школе, он находился в одной первичке. Перешел на завод — новые люди, иная обстановка. Комсомол должен помочь влиться в работу коллектива, похлопотать с квартирой. Тут разговор должен идти не в общем, а конкретно о каждом человеке. Можно себе представить: рабочему уже за двадцать, в тесной комнате двое детей и с деньгами туго... Какая уж тут общественная работа. Тут нужна общественная помощь!

Может, вам покажется не-реальным, но я предвижу, настанет время, когда каждый комсомолец получит право пользоваться материальной базой ЦК ВЛКСМ. Ведь члены Союза платят взносы, а реализации своих денег не видят. Это плохо. Им должны предоставляться бесплатные путевки в санатории, дома отдыха, лагеря.

— Нет ли опасности, что график вступления в комсомол,

могущий реализовать такую программу, резко взметнется вверх, и за каждое место в ВЛКСМ будет жесткая конкурентная борьба?

— Думаю, нет. Например, в школах при вступлении сразу же отсеивается некоторая часть учеников: если ты переваливаешься с двойки на тройку — значит, не можешь быть членом ВЛКСМ!

— Честно сказать, серьезный стимул — помощь с квартирой, психолог и юрист в райкоме... Но ведь комсомол — организация политическая...

— Это разве не политика, чтобы люди жили хорошо? Член ВЛКСМ с двумя детьми мучается в тесной квартире, и ему некуда обратиться за помощью?! Это все политика. Тут каждую тонкость надо учитывать. Сегодня комсомол еще не вполне самостоятелен, еще не осознал себя как экономическую хозяйственную единицу, но это придет.

— Как далеко распространяется, по-вашему, самостоятельность комсомола? Какие предполагаются отношения у Союза молодежи с Коммунистической партией?

— Должно быть только идейное влияние партии. Ведь мы были и остаемся организацией при партии, у нас единая платформа с КПСС. Между двумя большими организациями должны осуществляться партнерские отношения. Ленин говорил: «Молодежная организация должна быть самостоятельной, но за партией должно быть право на критику».

Честно сказать, мы еще сами точно не знаем, что хотим: самостоятельности или партийного руководства. Не мешало бы выпросить место под солнцем у партии. Но там — тоже демократия. И коммунисты сами выбирают, кого на какое место назначить. Следовательно, нужно выдвинуть в бюро райкома партии, например, такого комсомольского вожака, за которого проголосовали бы коммунисты.

Партия будет нас направлять и направлять. Знаете такое «кавээновское» выражение: «Партия, дай порулить!» Мы его взяли на вооружение. Партия ответила: «Пожалуйста! — и тут же спросила: — А вы рулить умеете?»

В комсомоле сейчас намечаются крупные перемены. Некоторые ребята просто не осознают этого. Они смотрят на плохую работу своей первички и делают выводы. А смотреть нужно шире. Вот у вас тут пишут: «Ак-

тивист — это говорит о том, что тебе откровенно нечего делать». Автор разоблачает себя как человек, несведущий в делах ВЛКСМ. Со временем комсомол станет необходимой для молодежи организацией. Случайных людей там не будет. Не забывайте, что из ВЛКСМ можно и исключать...

— Как обстоят дела с исключением из комсомольских рядов?

— За 1988 год было исключено около 220 тысяч человек.

— За что?

— В основном, нарушение устава ВЛКСМ, привлечение к уголовной ответственности.

— Так что же: стоит человеку опуститься, как он автоматически исключается? А если он дорожил комсомолом?

— Нет, почему же автоматически? Это раньше так было: исключали сразу же после привлечения, еще до суда. Но посыпались ошибки: из комсомола его исключили, а на суде оправдали. Тогда было принято решение исключать только после суда, когда будет доказана вина.

— И вы считаете это нормальным? Правильным?

— Да, это нормально, правильно. После окончания срока наказания стоит вопрос о восстановлении в рядах ВЛКСМ. Так что есть возможность вернуться.

— Венгерский комсомол, проанализировав численность своих рядов, увидел, что заметно уменьшилось число молодых пролетариев. Это расценили как очень тревожный симптом.

— У нас наблюдается такая же тенденция. По многим причинам количество рабочих — членов ВЛКСМ продолжает падать. Например, на 1 апреля 1989 года за 3 месяца было принято 507 тысяч человек. Это меньше, чем за три месяца 1988 года, на 130 тысяч. Или такие цифры: в 1986 году приняли 184 000 молодых рабочих, а в 1987 году — 84,9 тысяч. Мы считаем, это вполне нормальное явление. Готовы к тому, что долго еще будем падать в численности. Тут много причин. Многие годы в комсомол принимали валом, а теперь этот «вал» выходит из комсомольского возраста. Повлияла на сокращение приема и демографическая ситуация в стране. Сейчас обсуждается вопрос о создании первичек на работе и по месту жительства. Чтобы человек имел возможность выбрать. Это очень важно.

— Венгерский комсомол, как известно, проанализировав си-

туацию, объявил самораспуск. Как вы к этому относитесь? Не грозит ли подобное нам?

— Что касается венгерских товарищей, не берусь их судить. Раз они так сделали — значит, считали, что это единственно верный шаг. Но через некоторое время им придется принимать какое-то решение. В стране должна быть молодежная организация, потому что маленькими группками, а тем более, в одиночку, ничего не сделаешь. Вот они поменяли молодежную структуру, а партия-то осталась одна! Вы посмотрите. В Польше свыше ста молодежных организаций. У них нет материальной базы, все находится на дотации. Первая и самая главная задача — не затеряться среди других. Они заявляют, что существуют отдельно от партии, в то время, как все знают, что партия дает им деньги.

Я абсолютно не согласен с теми, кто говорит, что наш комсомол изжил себя, что его нужно распустить. Нет! Что же скажут наши потомки? На нас сейчас лежит слишком большая ответственность, чтобы мы могли легко принимать решения. Наш ВЛКСМ мы должны сделать удобным для своих членов. Для этого идет разработка нового Устава.

— Благодарю от имени всей читательской первички «Паруса»!

ОТ РЕДАКЦИИ.

Когда интервью Александра Абрамова Ирины Ноздриной было уже в типографии, завершил свою работу VIII Пленум ЦК ВЛКСМ. Его резолюция, опубликованная в газетах, так и просится на страницы дискуссии читательской первички «Паруса». В ней, в частности, сказано, что «комсомол не претендует на монополию в выражении интересов всей молодежи страны», но «ЦК ВЛКСМ выступает за объединение всей молодежи на платформе перестройки». И еще: «Изменение положения в ВЛКСМ, устранение кризисных явлений зависит от активности и заинтересованности каждого комсомольца, боевитости каждой первичной организации».

Стало быть, и нашей читательской комсомольской первички. Ее «боевитость» редакция по-прежнему оценивает по вашим письмам-откликам. Ждем их с пометкой на конвертах: «Комсомольская первичка «Паруса»».

работа над ошибками

СУДЬБЫ НЕЧЕСТНЫЙ ВАРИАНТ МЫ ПЕРЕПИШЕМ

ВОДИТЕЛЬ!

При въезде в зону
КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАП
РЕЩАЕТСЯ ПРОВОЗИТЬ

1. ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ,
СПИРТНЫЕ НАПИТКИ.
2. ОСТАВЛЯТЬ БЕЗ ПРИ
СМОТРА ТРАНСПОРТ.
3. ВСТУПАТЬ В РАЗГОВ
ОРЫ С ОСУЖДЕННЫ
МИ, ПЕРЕДАВАТЬ И
ПРИНИМАТЬ ОТ НИХ
ЛЮБЫЕ ПРЕДМЕТЫ.

Администрация

III. Университет последней надежды О РЕВОЛЮЦИИ

Коридоры педагогической власти. Широкушие, усталые ковры.

И коридоры, и ковры в Гособразовании — как стрела. Но прямолинейность, перспектива их обманчивы любых закоулков. Первая же развилка — и ты потерялся, сбился с пути.

— Простите, — говорю я даме с царственной куклой на голове, — я ищу товарища Сарафанова.

— Пожалуйста — пожалуйста, — милостиво откидывается дама, не сбавляя темпа.

Сарафанова я все же нахожу. Константин Петрович встречает без радости. У него усталый, но в то же время очень внимательный взгляд, какой бывает только у старых учителей. Он не стар, но лоб весь в морщинках, параллельных бороздках, похожих на тетрадные линейки. Начинает казаться, что Сарафанов — учитель русского, хоть и занимает теперь должность начальника воспитательного отдела.

Мы говорим о стратегии Гособразования в отношении спецучилищ. Ведь на примере одного только Петриковского училища можно, пожалуй, уяснить, что хорошо, что плохо. Но очень

трудно разобраться — почему что-то хорошо, а что-то плохо. И уж совсем невозможно сказать, что и как надо изменить к лучшему. А без этого нечего и за перо браться...

Константин Петрович мою задачу понимает с лету. Недавно состоялась коллегия Гособразования СССР по вопросу «О дальнейшем совершенствовании работы спецПТУ, школ для детей и подростков, нуждающихся в особых условиях воспитания». Сарафанов, что называется, в теме, едва поспеваю за ним записывать.

Сегодня у нас в стране существует 44 специальных профессионально-технических училища, 13 из них — для девочек. Семь «женских монастырей» дислоцируется в РСФСР, два на Украине, по одному в Белоруссии и республиках Прибалтики. В Закавказье, скажем, семейные традиции таковы, что для подобных девичьих учреждений не находится контингента.

Содержатся в СПТУ 22,5 тысячи подростков-правонарушителей в возрасте от 14 до 18 лет. Девушек из них 1,5 тысячи.

В воспитательно-трудовых колониях, где находятся подростки, совершившие преступления и судимые за это, на сегодняшний день отбывают наказание 29 тысяч человек. Общество взяло курс на гуманизацию. В колонии будет отправляться меньшее число осужденных. Плодом гуманизации будет, по идее, снижение числа преступных деяний. Но это в перспективе. Пока же гуманизация вызывает интенсивный приток контингента в зоны спецучилищ. Коло-

нии захиреют, спецучилища расцветут. Заключенных станет меньше, учащихся ПТУ — больше. Эта тенденция развития общества требует немедленно наведения порядка в системе СПТУ с учетом новых условий.

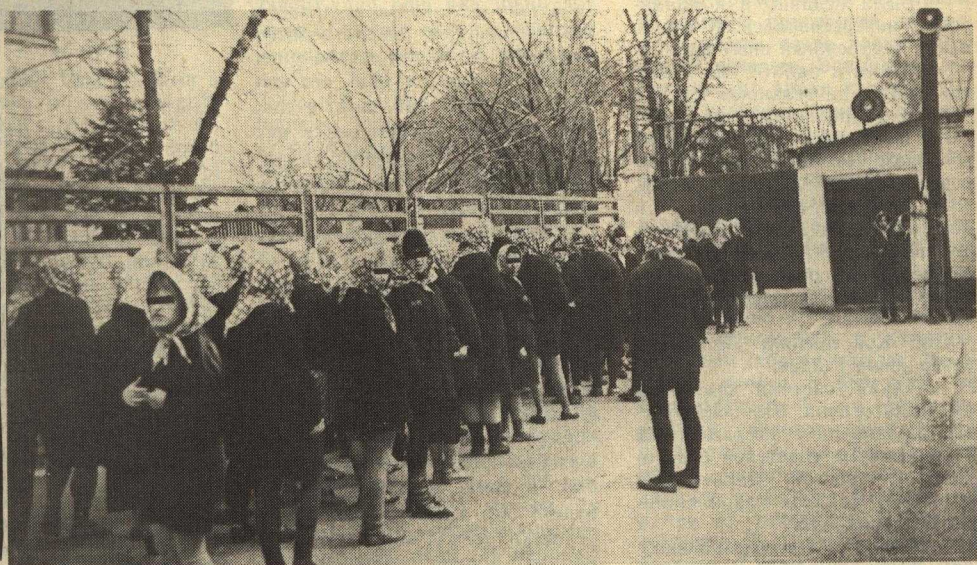
Бич этой системы — смешанный контингент. Малолетние убийцы, насильники, воры живут в спецучилище вместе с бродягами, сачками, грубиянами, прогульщиками школы. Представителей первого «сословия» — 40 процентов.

Надо ли говорить, что к обеим категориям невозможен одинаковый педагогический подход (если уж невозможно на современном этапе обеспечить пресловутую индивидуальную педагогику)? Надо ли говорить, что к моменту выпуска «трудные» в совершенстве владеют всем криминальным арсеналом «отпетых»?

— Согласно решению коллегии, — говорит Сарафанов, — спецучилища будут разделены на два типа. Интернатные — максимально приближенные к обычным интернатам, но закрытого типа, с правом свободного свидания с родными, телефонных разговоров, кратко- и долгосрочных отпусков домой, еженедельных увольнений, более демократичной формы одежды. Это — для подростков, которые не ходили в школу, бродяжничали, но не совершили никакого преступления. Правонарушителям же будет отведены СПТУ с усиленным режимом, таким, какой существует в спецучилищах сейчас («усиленным» он будет по отношению к «закрытому» — интернат-

* Окончание.
Начало в №№ 9, 10.

ному). Разделение СПТУ на две категории — это веление времени, первоочередная задача Гособразования, это революционно.

Еще мы обсудили вопрос о том, что количество учащихся в СПТУ не должно превышать 150 человек. За это борется Гособразование. Нынешние училища принимают до 300 человек, и бунты в них, увы, не редки. Во время последней «бузы» в Петрикове, например, девицы высадили 600 квадратных метров оконного стекла, выпустили содержимое всех подушек, оштукатурили фасадную стену здания сливочным маслом и яйцами, разгромили мастерские и классы. Двенадцать суток специально прибывшее подразделение внутренних войск, милиция блокировали училище, работники Госпрофобра и прокуратуры часами не опускали мегафонов, увещевая развоевавшихся девиц. Жертв, к счастью, не было, все 138 воспитанниц остались целы. А что бывает, когда поднимается училище с тремьями «контингента»... Тут врачи нужнее солдат.

— Может, сто пятьдесят многовато?

— Практика покажет, — оптимистично считает Константин Петрович.

Еще мы говорим о том, что в ближайшее время планируется ввести 22 новых училища. Многие будут со спортзалами, с бассейнами. Каждая такая стройка обходится государству

в пять миллионов рублей. И все эти новые заведения будут максимально приближены к большим городам. Ведь нынче восемь из каждых десяти училищ дислоцируются в весях и городах не крупнее райцентра. Какую в том же Петрикове можно предложить девочкам культурную программу? Ни одного концертного, ни одного выставочного зала, ни одного музея.

— Да и Макаренки, заметьте, живут в столицах, а не по деревням, — Константин Петрович очень переживает за кадровый вопрос. Понятно, ведь ни один вуз сегодня не готовит педагогов с учетом училищного «контингента». А о том, с каким желанием выпускники Минского, скажем, пединститута едут по распределению в Гомельскую область — Петриков в шестидесяти километрах от Чернобыля, — говорить не хочется.

Еще мы затрагиваем проблему многопрофильности СПТУ. В двух белорусских СПТУ для юношей можно было бы уже давным-давно устроить революционное разделение «трудных» и «отпетых» — одних в Могилев, других в Витебск. Но если «отпетый» просится на специальность деревообработчика, а у «трудного» душа лежит к работе по металлу? Все же речь-то о ПТУ, которое при всей его «специальности» обучает ремеслу. Многопрофильность заметного упростит, оздоровит ситуа-

цию, повысит роль труда как воспитательного фактора. И это тоже, кстати, — актуально, революционно.

Тут, правда, я вспоминаю разговор с петриковским директором Федором Федоровичем Сацутой.

— Константин Петрович! И с одним профилем можно кашу сварить. В Петрикове девочки прекрасно шьют. Могут ли они вместе с мастерами открыть свой кооператив?

— Конечно! — Без колебаний отвечает Сарафанов. — Все это должно решаться на местах. Мы вообще сейчас даем республикам и училищам большую самостоятельность, большие права. Добивайтесь, пробуйте, работайте без указки сверху.

А «места» крепко заняты.

Мы закругляемся. Все основные положения новой революционной стратегии мне прояснены, садись — строчи. Но есть еще пара вопросов.

— Константин Петрович, в Чехословакии, если в исправительное учреждение попадает несовершеннолетняя мать, то ей раз в полгода дают свидание с ребенком. У нас будет что-то подобное?

— Такие девочки в училища...

— Направляются! В Петрикове есть одна.

— Ну, одна! У нас этот вопрос пока не прорабатывается. Руки не доходят. А откуда известно про Чехословакию?

— Была недавно в командировке, интересовалась. К слову, какой зарубежный опыт вы анализировали в работе над новой концепцией деятельности СПТУ?

— Это проблемы специфические. Надо не оглядываться по сторонам, не надеяться на готовенькое, а работать самим.

— И последний вопрос,— я невольно выдержала паузу.— Что вам известно о системе информаторов среди педагогического состава и среди учащихся?

Лоб Константина Петровича совершенно гладок.

— Такая система была бы антипедагогична. Доносительство, наушничанье несовместимы с принципами советской педагогики, с простой человеческой моралью. Никакой такой системы не существует.

— Может, неофициально...

— Никаких подобных данных не имеем.

— Какую литературу посоветуете почитать?

Звонок по межгороду не дал Константину Петровичу внятно ответить на этот вопрос. По всему чувствовалось — пора уходить.

О КРАСНОЙ КНОПКЕ

За малый рост матросы прозвали новобранца Кнопкой. На их посудине, болтавшейся в Японском море, обстановка была сложная. Германия уже пала, Страна восходящего солнца еще чинила свои, шокирующие восточным коварством и полудетским героизмом, военные буйства. Задание у судна было секретное настолько, что его, похоже, не знал даже сам капитан. Курс был изменчив, как европейка в представлении японца. Люди были издерганы, взаимно-подозрительны и нервны. Много из офицеров крестили в кубриках не иначе как Скользким типом, а Кнопку со временем переименовали ни с того, ни с сего в Подсклизку. Стоило ему спуститься в трюм, матросья обрывала разговор на полуслове. На палубе же, на глазах начальства, с ним тепло дружили, только что усновить не брались.

Видно, что-то во всем этом было. Когда на очередной стоянке порученец передал капитану приказ откомандировать матроса Кнопку в распоряже-

ние штаба флота, морской волк осенил себя крестным знаменем.

Все войны кончились.

На суше Кнопка, отметившись где надо, дав еще пару-тройку расписок, начал новую жизнь. Поступил мастером в училище. Через два года, в 1964, его вызвал директор: так, мол, и так, есть мнение рекомендовать вас на работу в Госпрофобр, курировать специальные училища. Кнопка понял, чье это мнение, подчинился, даже в пединститут на заочное поступил.

— Такое время было, понимаешь,— рассказывает мне пожилой энергичный крепыш свою дальнейшую историю.—Из ООН Хрущеву говорят: «Вы что ж это, а? Детей в колониях держите под пулеметами. Что, если он в свои 14 лет ползет через забор, в него часовой стрелять будет? Это где ж у вас права человека? А?» И наши скорей — стардон, пardon — покончим со Сталинским наследием. И бабахнули эти училища на мою голову.

Не ручаюсь за дословность диалога между ООН и Хрущевым. Похоже, было не совсем так. Листаю «Правду» 1964 года. Единственное упоминание о детской исправительной колонии встретилось в статье «Чужой ребенок» от 1 июня. Значит, тогда еще колонии были колониями...

Хрущев сошел с политической арены, ничего не «бабахнув» на голову бедного Кнопки. Преобразование воспитательных колоний в спецшколы и спецПТУ было одним из первых шагов на пути гуманизации и демократизации, предпринятых новым руководителем товарищем Брежневым. В прессу об этом «шаге на пути» не просочилось ни слова. В Организацию Объединенных Наций, как утверждает Кнопка, была послана депеша, там успокоились и больше нас не тербали.

Интересная была демократизация — в ООН о ней можно было знать, а у нас, в родном государстве,—нельзя. Что за казусы?

Кнопка чешет пятерней подбородок.

— Да, видишь ли, ООН далеко, а тут-то шила в мешке не утаишь.

В 1964 году колонии были переданы Госпрофобру. Часовых

с вышек сняли, постовые и постовицы службы режима должны были теперь патрулировать безоружными. Все остальные преобразования носили менее радикальный характер. Ни одного офицера МВД, работавшего в колонии, не уволили, не заменили педагогом. Он был передет в цивильное, стал называться воспитателем. Ему в положенный срок присваивалось очередное звание, повышался, согласно «звездочкам», оклад, исправно шли «пайковые». Эта машина должна была работать. Актив колонии тоже передавался по наследству. В Могилевском училище одного пацана, командира отряда, пришлось даже оставить на второй срок. А что было делать, без глаз да без рук оставаться?

Могилевское училище славилось образцовой дисциплиной. Несколько лет назад разразился скандал — дисциплину «старшие товарищи» поддерживали «изжившими себя методами», пацанов истязали. По уголовному делу проходило тогда 11 «воспитателей». Два товарища из числа старых кадров быстро ушли на пенсию...

Конечно, многое менялось со временем, но главное оставалось: весь уклад жизни спецзаведений подтверждает — СПТУ не училища, а «перодетые» тюрьмы, колонии. Подтверждают это и люди, которых нынешнее время освобождает от всех прошлых неправедных обязательств.

Бывший маленький матрос, тридцать лет курировавший «систему», хочет спать спокойно, хочет избавиться от снов о красной кнопке — почерпнутом из «разведческих» книг символе немедленной смерти путем взрыва.

— Знаешь, один и тот же кошмар: ищу, понимаешь, а ее нет.

Искать он ее стал после первой своей инспекторской проверки СПТУ для мальчиков. Идут они с директором, со святой по коридору, заходят в спальню. Видят, сидит на полу пацан лет четырнадцати. Голышом, ноги расставил. Кончик пениса прибит к полу огромным гвоздем. Инспектор обмер. Тут

мастер производственного обучения сноровисто выхватил гвоздь, подоспевший доктор плеснул прямо в рану йодом. Парнишка запрокинулся и завыл хрипло и протяжно.

— Ишь, пароход, загудел, — сказал директор. — Вы не пугайтесь, это он чтобы на работу не идти. Пошли дальше.

Но дальше они не пошли. Инспектор сказал, что хочет отдохнуть. Купил за воротами училища бутылку водки, выпил ее в гостиничном номере и уснул. Вот тогда-то она и пригрезилась ему, Кнопке, — красная кнопка, тянись — не дотянешься.

— Господи! Как бы я все жахнул тогда. Калечим же детей! Уродуем, а? Со временем, правда, попривык...

Это был не самый страшный случай членовредительства учащихся СПТУ. Да и чем тут измерить, что страшнее — история того паца на или история Виолетты, привыкшей уже к костылям.

«УНИВЕРСИТЕТ ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДЫ»

Однако не с шестьдесят же четвертого года, в самом деле, существовала система ИТК (исправительно-трудовых учреждений) для малолетних. Как ты ни назови, подобные заведения — хоть ПТУ, хоть профилакторий, хоть санаторий, хоть Диснейленд! — суть их в том, что это места лишения свободы. А таковые существовали издавна.

В библиотечных каталогах первое, на что я наткнулась, был отчет Правления «Виленского общества Исправительных Земледельческих Колоний и Ремесленных Приютов для несовершеннолетних преступников» за 1900 год (Вильно, Губернская типография, 1901).

С первых же строк отчет немало поразил. Ревкомиссия (оказывается, слова «ревизионная комиссия», «Совет», «комитет» были общепотребимы до Великого Октября и к завоеваниям революции не относятся) отчитывалась, по статьям дохода. Была дотация от государства и плюс к ней: пожертвования частных лиц и городских управ, кружечный сбор (то есть милостыня) да сбор от любительского спектакля, устроенного в Слониме председателем съезда мировых судей.

Допускаю, что и нашим судьям неказано устраивать съезды

и иметь на них председателя. Но чтобы любительский спектакль... Чтоб милостыню... А ведь господин директор Виленской колонии имел еще специально оговоренное право пополнять кубышку заведения за счет благотворительной лотереи. Да вот не расстарался, руки, знать, не дошли.

Статей расходов числом было поболее: купили тарантас, построили баню, мастерские, скотный двор, аптеку (крепись, мой Петриков!). Персонала было 15 человек, включая кухарку, скотницу, прачку, трех рабочих-батраков. Надзирателей — двое, один с образованием фельдшера, второй — музыканта (приплачивали им, конечно). Главное здание — для персонала и для будущих питомцев — отгрохали двухэтажное и «умывальные комнаты и клозеты находятся в обоих этажах» (мужайся, Петриков!). Нарезано колонии 260 десятин земли (26 гектаров). Двадцать четыре гаданы в аренду местным крестьянам, а на двух оставшихся (сколько их у тебя, Петриков!) «разведен небольшой сад, в котором весной 1900 года насажено до 250 фруктовых деревьев и около 70 ягодных кустов, а также устроен питомник и разбиты огороды».

Все. Не держись, не мужайся, Петриков. Плачь. На твоих 2 га — двенадцать саженцев груше-яблонных дичков да три топтанных-перетоптанных клумбы. Зона.

Для кого же этот рай в Вилюанах-поместье отгрохали господа из Общества? Для кого закупили венских стульев дубового дерева, полированных под орех, числом двенадцать, да бричку крашеную на железном ходу, да живой инвентарь — лошадей две, коров две, свиней пять? И была ли у вас «штрафная», или вы всерьез руководствовались соображением, что «наказания, устрашения, строгая регламентация поведения, и вообще всяческое подавление личности в лучшем случае могут предупредить рзкия проявления... в пределах колонии, но эта мьра безвозвратно закроет от воспитателя душу детей, превратить воспитание в простую дрессировку, культивирующую изворотливость и лживость, но не устранившую самых пороков, не облагораживающую душу детей...»

К счастью, личные дела тогдашних колонистов занимали едва по абзацу и были напечатаны прямо в отчете.

Итак, М. К-мь. Вероисповедания иудейского, при поступлении в колонию умел читать, 12 лет, родителей не имеет. В начале 1900 года 2 месяца содержался в Гродненской тюрьме за кражу сукна из лавки. В колонию приговорен за кражу корзины возле лавки. Обучается успешно. Вспыльчив, часто заводит драки с товарищами. Склонен к чисто детским забавам. От труда никогда не уклоняется. Подает полную надежду на исправление.

В. А-ов. Православного вероисповедания, неграмотен, 14 лет, сын жандармского унтер-офицера, жил при вдове-матери. По словам А., он никогда ничего не крал и в краже, за которую приговорен в колонию, виновным себя не считает. В колонию явился с болезнью, не соответствующей его возрасту, которая свидетельствует о его развратной жизни. Только один раз А. проявил грубость к товарищу и больше никогда ни в чем не замечался. Развитой, остроумный, говорит мало, но толково. Судим был один раз. Здоровьем слаб, к обучению грамоте и мастерству относится равнодушно.

Вот такие личные дела. Ни тебе листков поощрений и взысканий, ни рапортов.

А ведь листки, как доказывает петриковская практика, объективно показывают динамику поведения учащихся.

Вот, например, личное дело Ч. А., 17 лет, жила с матерью, направлена в СПТУ за прогулы школы, воровство, токсикоманию. Попыток самоубийства — не было. Форму одежды соблюдает. По характеру — своенравна, упряма.

1. За высокие производственные показатели — благодарность (одна).

2. За недобросовестное отношение к труду в мастерской — выговор (один).

3. За оскорбление работников училища — дисциплинарная комната (семь раз).

4. Попытка к бегству — дисциплинарная комната (один раз).

Или, скажем, рапорты, излюбленный педагогический прием петриковских воспитателей:

«Довожу до Вашего сведения, что воспитанница гр. 51 оскорбила меня нецензурной бранью и постоянно говорит, что я сплетница, в присутствии воспитателей и учащихся. И это было неоднократно.

Прошу принять к ней строгие меры».

«Довожу до Вашего сведения, что воспитанница гр. 52 оскорбила меня нецензурной бранью за то, что я написала рапорт на нее за оскорбление.

Прошу принять срочные меры».

«Довожу до Вашего сведения, что учащаяся гр. 50 на обеденной линейке не подчинилась стать в строй, оскорбляла взрослых («сова»), после моих неоднократных замечаний оскорбила меня — послала «на х...», «поцелуй в ...». Однако после беседы с ней она опять в моем присутствии начала оскорблять взрослых («гибона»).

Прошу принять самые строгие меры».

На торжественное открытие Вилючан съехалась знать четырех губерний (регионы — поставщики контингента), Его Величество государь-император Николай поздравил Общество теплой телеграммой. Призрение малолетних преступников неизменно пользовалось монаршим вниманием.

В первые пять месяцев в колонию пришло 11 душ. Через четыре года их стало 14, так и жили дальше. Первые же месяцы обучения мастерству показали, что есть подростки, «не склонные» к слесарному делу. Тут же, на месте, был закуплен инструмент, открылась сапожная мастерская. Режим в колонии был, считай, тот же, что нынче в Петрикове, исключая обязательный просмотр программы «Время». А вот харчились при царизме куда как хуже — утром ломоть хлеба с солью, через два часа хлеб с чаем, в обед суп да каша, вечером — картошка, мясное дважды в неделю. Все остальное должны были заработать сами. И что ж, зарабатывали. Вон в сельской колонии, что в Мологе Ярославской губернии, воспитанники обеспечивали себя овощами и фруктами, и мясом, да еще на продажу оставалось. И насчет разнообразия режима голову ломать не нужно было. В Костромском ремесленном приюте, к примеру, избредли «в видах поощрения отпускать воспитанников в город с поручениями. В летнее время совершались всем приютом прогулки за город. Некоторые воспитанники увольнялись к родителям».

Если посмотреть на Российское исправительное движение в целом, то находим, что к 1904 году (по материалам постоянного Бюро съездов русских исправительных заведений, органа, какому нет аналога в ны-

нешней практике), действовало 55 детских колоний и приютов. Три из них были расположены в сельской глубинке, но на железнодорожных станциях. Остальные — в городах. Самым большим — 240 человек — был квартал-приют на Невском. За ним — 158 человек — Рукавишниковский в Москве на Смоленской Сенной. За ним — Большевицкий девичий — 100 человек, Москва. Уфимская колония была открыта для семерых подопечных. Каменец-Подольская и Елецкая призвали по десятеро. Средней численности заведения имели по тридцати пяти душ. Тогдашние организаторы понимали, конечно, что «чем меньше состав воспитанников, тем труднее содержание и продовольствие их». Но все же шли на финансовые затруднения ради пользы дела. Ведь в вопросе о перевоспитании малолетних заблудших Россия, увы, не бежала впереди прогресса. Перед соседями могло быть стыдно. Перед Англией, например.

Сия держава первая задумалась до исправительных школ, было это в 1854 году. Уже в 1868 году, осознав всю вредность «смешанного элемента», разделили заведения на 3 (три!) типа: для преступников — исправительные; для бродяг (в основном, сирот, у нас их, по данным Гособразования, пятнадцать процентов «контингента») — принудительные ремес-

ленные и промышленные школы, и для недоразвитых и лентяев — школы с примитивным трудом. В США задумались еще и до реформаторий — «университетов последней надежды» для самых запущенных несовершеннолетних преступников. В 1910 году русская делегация посетила первую в истории международного исправительно-трудового дела Эльмайрскую реформаторию. Нашли, что здесь применяют «наиболее усовершенствованные методы перевоспитания». Еще нашли 8 больших мастерских, гимнастическую залу, бассейн, госпиталь, церковь, фермы, конюшни, парники. Воспитанники могли выбирать обучение по любому из 40 ремесел, в обязательном порядке проходили курсы эстетики, музыки. Каждый «студент» этого университета имел спальню-одиночку, куда заключался на ночь и на час обязательного сна после обеда...

Морская держава Англия позволила себе специфический педагогический выверт — учебные корабли. Буржуй-толстосум, заигрывая с сиротами, как недавно сказали бы, покупал пришедшую в ветхость посудину. Реконструировал и перестраивал ее — снимались паровые котлы, убирались каюты, обустривалась своего рода плавучая казарма. Деятельность пусть даже частного корабля была строго государственной, в администрации ходили отставные

офицеры Королевского флота. Самым большим был «Exmouth» — 600 малолеток команды, самым маленьким «Akbar» — 207. Плюс кораблей был в том, что они прививали любовь к морскому делу, из 293 «матросов» с «Cognwall» двести пошли в морскую службу. А минусом — то, что оторванные от земного уклада жизни юнги, сходя на берег, давали скандальный процент рецидива — 15! Пятнадцать, и это при среднем по Англии проценте — 6! Впрочем, несмотря на серьезно подмоченные «морские» показатели, с 1870 по 1893 год число малолетних преступников Великобритании сократилось на 70 процентов.

Где уж тут было тягаться России с ее-то 15,8 процента рецидива...

...Я закрываю огромный 600-страничный фоллиант «Дети-преступники» книгоиздательства «В. И. Знаменский и К°» 1912 года. Пролитываю свои блокноты. К. П. Сарафанов: СПТУ дают 30—40 % рецидива... Мироненко, выпуски из «Комсомольской правды»: до 60 %. Бывший матрос Кнопка: «И-и, милая, бывает, сотню выпустим, а через год восемьдесят сидят, а двадцать шатаются неизвестно где».

Закрываю блокнот. Думаю, как же так? Почему? Почему в старых дореволюционных книгах исследуются 35 (!) причин проституции (из них только 3 экономические — когда женщина в буржуазном обществе вынуждена своим телом зара-

батывать на хлеб)? Почему мало было тогдашним исследователям преступности малолетних в Москве, скажем, разбить Москву на 55 мировых участков (ныне 23 района), дать характеристики их социальных профилей, разложить статистику по возрастам правонарушителей, по степени опьянения тех, кто был пьян, по степени сиротства, грамотности. Мало им, они еще зачем-то подбили все это по дням недели: понедельник, вторник и т. д. Мало им было специфических российских проблем: перед каждой главой книги считали долгом распатронить практику не меньше как пятидесяти государств Европы и Америки!

Еще я думаю, почему иссякает наша новорожденная гласность? Потому, наверное, что нам просто нечего сказать. Ни о проституции, ни о наркомании, ни о рецидивах, ни о сиротстве.

И еще — о том, что нескоро у нас найдется, что сказать.

Потому что нескоро мы научимся делать дело на уровне, о котором не стыдно будет говорить гласно.

Из хранилища библиотеки имени Ленина любезная Людмила Васильевна выудила десяток томов конца прошлого и начала нынешнего века — исследований о преступности малолетних. «Прочтите все это — станете настоящим специалистом!»

Действительно, стала специалистом. Приобрела навык, возродила ремесло. Умею аккуратнейшим образом разрезать страницы никем никогда не читанных старых книг...

В 1908 году профессор Петербургского университета господин Люблинский П. И. надеждою переполоху в Петербургском юридическом обществе своим сообщением об американских детских судах. Надо сказать, что со времен мрачного средневековья «малолетние преступники подлежали одинаковым правилам уголовного права, как и совершеннолетние». В России в 17 веке в Сысском приказе мелькнуло было: «Аще седми лет отрок убьет кого, то неповинен есть смерти». Но еще целый век потребовался государственной мысли, чтобы признать за малолетними преступниками право на смягчение наказания. В 1763 году Екатерина Вторая издала поистине революционный указ, «коим малолетние до 17 лет были изъяты от казни кнутом». Еще век по-

надобился на осознание необходимости раздельного содержания взрослых и малолетних преступников. И не только содержания, но и самого предания суду. Всякому малолетке назначено было иметь законного представителя — по сути дела, адвоката, — который имел право требовать доследования, привлечения свидетелей и «сведущих людей» (врачей, воспитателей, учителей). Все они подключались на досудебной стадии разбирательства.

И вот переполох, устроенный Люблинским, — Североамериканские Соединенные Штаты с большим успехом используют специальные детские суды. Глядя на них, взялась за дело вся Европа! Люблинский представил сведения об опыте девяти стран-соседей по европейскому дому.

Итак, прежде всего, нужен специальный судья — он избирается населением или судьями из своей среды или назначается правительством из числа лиц, получивших юридическое образование, любящих детей и опытных в обращении с ними». (Во Франции для полноты демократии каждое заседание вели трое детских судей).

Прокурор и судебный пристав — отсутствовали. Ведь «государство в этом случае не нуждается в обвинителе, т. к. здесь важно не наказать ребенка, а изыскать для него наиболее целесообразную меру».

Адвокат, коль не было прокурора, тоже был не надобен. Но законный представитель — попечитель — у ребенка был. Золотым правилом детских судов было ограничение публичности, простота обстановки, отсутствие устрашающих обрядов, торжественности, могущих оказать на судимого тягостное впечатление.

Через два года после доклада П. И. Люблинского о детских судах за границей отворил двери первый такой суд в России.

...Грянула революция. Декрет о мире. Декрет о земле. 14 января 1918 года — Декрет об упразднении Детских судов и создании Комиссии по делам несовершеннолетних.

Разрушая весь мир насилия до основания, этим декретом «впервые в истории отменялось доставшееся нам по наследству от седой старины название юных правонарушителей «малолетними преступниками». Теперь их стали звать «морально-дефективными» и «этически дефек-

тивными»... Комиссии стали в просторечии зваться «комонесами». Они не нуждались в покрове тайны, им присуща была революционная публичность. Устраивались, бывало, выездные, показательные заседания. Состояли комиссии из трех человек — по одному от юстиции, от Комиссариата общественно-го призрения и от Наркомпроса. Профессор теперь уже Петроградского Государственного университета товарищ Люблинский писал о том, что «состав комиссии определен был не совсем удачно. Врачи, педагоги, судьи — не были упомянуты». Комиссия делалась полностью подведомственной и устраняла всякую возможность судебного вмешательства.

Работы у Комиссии было много.

В Берлине с 1916 по 1920 годы первая мировая война вызвала увеличение детской преступности в 4 раза.

В Петрограде — в 8 раз, по сравнению с предреволюционным временем. Только на Украине «после империалистической и гражданской войны было выброшено буквально на улицу около 250 тысяч детей». Старые «спецы» П. И. Люблинский, А. Д. Коротнев, М. Н. Гернет, Е. Г. Ширвиндт, Ю. Ю. Бехтерев лихорадочно подбивают астрономические цифры по всем 4 видам беспризорности.

«Комонесы» перебрасываются из одного ведомства в другое, преобразуются серией противоречащих друг другу декретов (4 только за два года, 1920—22!). Наконец, решили, что это орган педагогический, не могущий никого карать, но... посылающий в суд некий обвинительный листок, который нигде невозможно было опротестовать! Центрального органа в «комонесах» не было, пересматривать их решения в верховных инстанциях не представлялось возможным.

В 1934 году, в связи с полной и сокрушительной победой над беспризорностью, комиссии были распущены. Они неплохо «работали». С 1930 по 1932 год доля несовершеннолетних во всех местах лишения свободы увеличилась в 11 раз.

Следы старой профессуры теряются после 1925 года. Россию охватывает волна юридических новшеств, выпестованных «красной профессурой», хорошо усвоившей, что такое классовый подход. Родилась, например, такая уголовная репрессия, как «объявление врагом трудящихся».

Она предусматривала высылку за пределы СССР на 5 лет и пожизненно. Наверное, предполагалось, что за пять лет пребывания «в стане классового врага» «враг трудящихся» перекуется. Невысланный враждебный элемент то и дело поднимал голову, и ответной реакцией явилось, в частности, создание спецлагерей. Как прокомментировал это пылливый научный сотрудник Рязанской Высшей школы МВД А. В. Маслихин в своей работе «Принцип гуманизма в истории советского исправительно-трудового права»: «Важнейшим направлением Советской власти были поиски новых видов ИТУ, которые не были известны буржуазно-помещичьей России». Правда, первый лагерь был раскритикован за «преувеличение значения индивидуального подхода», «за попытку внедрения... либерально-буржуазной тюремной педагогики», за «увлечение культом изучения личности». Критика была принята во внимание, и, как пишет А. В. Маслихин, «печать начала 30-х годов уделяла большое внимание легендарным успехам строительства Беломорско-Балтийского канала, канала Москва — Волга и другим объектам, на которых работали осужденные, содержащиеся в лагерях».

К слову, в нацистской Германии, перенявшей такую форму организации мест лишения свободы, лагеря назывались накопительными или концентрационными.

В отношении подростков красное законотворчество тоже не дремало. Возраст предания общему уголовному суду с 18 снизился до 16, потом до 14. И, наконец, в 1935 году был принят закон, по которому дети с 12-летнего возраста привлекались к уголовному суду с применением всех мер наказания», включая расстрел. Комиссии по делам несовершеннолетних исчезли за ненадобностью, «тройки» взялись за их контингент.

Возродились они в 1961-62 годах, накануне «преобразования» колоний в СПТУ. Не являясь судебным органом, комиссия тем не менее спокойно лишает свободы несовершеннолетних правонарушителей. Однако в Ст. 54 Конституции СССР сказано, что «гражданин СССР гарантируется неприкосновенность личности». Это значит, что арест невозможен без санкции прокурора, лишение свободы — без суда. С точки зре-

ния нашего Основного закона, деятельность комиссий может считаться антиконституционной. Но почему-то не считается. Как в том анекдоте: «На территории БССР могут разместиться две Дании, но почему-то не размещаются».

В составе комиссии обязательно есть прокурор. Адвоката и судьи нет — повторяю, орган-то несудебный. Можно спорить о правомерности применения к тому или иному проступку термина «правонарушение», но оспорить решение комиссии очень и очень трудно. Сделать это может только прокурор, который в порядке надзора имеет право вынести протест по решению. Прокурор в комиссии, прокурор в надзоре... Протесты в практике не часты, кроме конфузков с унтер-офицерской вдовой, которая сама себя высекла.

Еще реже случается, чтоб комиссия вынесла решение о досрочном освобождении воспитанника из СПТУ. Так, скажем, по заявлению Ветиной мамы петриковская комиссия рассматривала вопрос о досрочном освобождении полупарализованной девушки и... отказала. Вету привезли из больницы домой, а не в зону, только после вмешательства, опять же по заявлению мамы, прокурора.

Прокуратура порой вмешивается и в самую гущу училищной жизни. Начальник отдела по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних Прокуратуры БССР старший советник юстиции Абадовский А. В. уверял меня, что его коллеги обязаны следить за тем, «чтобы не было ухудшения режима содержания в зоне, а облегчение — пожалуйста, дело администрации». Я же в петриковских архивах нашла свежую справку помощника прокурора Петриковского района младшего советника юстиции товарища Пантелеева Н. И. Этот документ содержит 10 пунктов «рекомендаций» и дает срок их исполнения 3 месяца. Восьмая, скажем, рекомендация: «Решить вопрос об установлении внутри училища предзонника из сетки». Прикинули в училище смету — на сетку надо 15 тысяч рублей, да и где ее набрать с сотнями метров квадратных? Это же по всему району на две пятилетки таких лимитов не дадут. Но надо что-то делать, прокуратура не дремлет.

...Вечер. Пора уходить из библиотеки. Но надо же разобрать-

ся с термином «правонарушение». Прогуливание школы — это правонарушение, потому что «раз гуляет, значит, бродяжничает, значит, будет воровать, пить, вести аморальный образ жизни и в конце концов совершит тяжкое преступление». Значит, лучше уж сразу в Петриков, не особо разбираясь, уже крадет или еще только будет.

Переходить дорогу в неполюженном месте — несомненное правонарушение, следуя той же логике, и страшнее, чем прогуливание уроков. Ведь когда еще то воровство начнется, авария же — хоть сейчас, с тяжкими телесными повреждениями, возможно, с человеческими жертвами. Убийство по неосторожности!

А я, бывает, перехожу улицу вне зоны действия знака «Пешеходный переход». Хорошо, что мне за 18, и разбирательству по линии «комонеса» я уже не подлежу.

Беру в руки толстый том Юридического словаря. Читаю: «Правонарушение — действие или бездействие гражданина или должностного лица, выражающееся в неисполнении правовых норм».

И на этой же странице:

«Правовое государство — установившееся в буржуазной литературе антинаучное понятие, изображающее государство таким, в котором якобы нет места произволу исполнительной власти и господствуют якобы закон и законность».

Позвольте...

«Москва. Государственное издательство юридической литературы, 1956 год».

— А поноев ничего нет?

— Надо заказывать из хранилища. Вообще-то все этим пользуются.

ЧТО С НАМИ? КУДА МЫ ИДЕМ?

Было время в истории человечества, когда общество карало малолетних преступников по тем же правилам, что и взрослых. Наказывая, оно как бы говорило: «КРОВИ ХОЩУ, А НЕ МИЛОСТИ!»

С 1627 по 1629 год в крошечном немецком княжестве Виртемберг было сожжено 16 девочек в возрасте от 8 до 12 лет, уличенных в колдовстве. В 1670 году Швейцария тем же способом за тот же грех расправились с пятнадцатью своими дочками, старшей из которых не было пятнадцати.

Прогресс общественной мысли перевернул страшные страницы, закрыл их летописью очеловечивания человечества, гуманизации по отношению к преступникам, особенно малолетним.

Как же так получилось, что 7 апреля 1935 года ЦИК и СНК СССР решили, что «преступление подростка будет караться по нормальному уголовному кодексу, и в этом — главная сила, ударяющая сейчас по детской преступности»? Как удалось Сталину вернуть Россию в средневековье? Запустить неведомый доселе маховик общественного регресса с такой силой, что он крутится и сейчас, в наши дни?

Какой бы жестокой ни была история цивилизации, ни в какие века, ни в какой стране на планете Земля дети и подростки не судились строже взрослых.

Ни в какие века, кроме двадцатого.

Ни в какой стране, кроме Советского Союза, — первого в мире государства рабочих и крестьян, первой в мире народной вольницы.

Лишь у нас сегодня:

1. Взрослого гражданина лишить свободы может только суд. Подростка — прокурор, следователь, начальник следственного отдела внутренних дел. Сталинские «тройки» передали эстафету комиссиям по делам несовершеннолетних.

2. Взрослому преступнику, руководителю группы подростков, совершивших преступное деяние — кражу, угон автомобиля и т. д., — грозит суд, с присуждением, как правило, срока лишения свободы от 1 до 1,5 лет условно. Несовершеннолетним его группы — два года за решетками СПТУ, очно.

3. Взрослого гомосексуалиста не лишит свободы ни один суд — гуманизация приостановила применение соответствующих статей Уголовного кодекса. Комиссии по делам несовершеннолетних не опираются в своей деятельности на УК: подростки, замеченные в гомосексуализме, направляются в спецучилища.

4. Взрослые преступницы, имеющие детей в возрасте до двух лет, имеют право держать своих малышей в домах малюток при «зонах», видеть их, нянчить, воспитывать. Несовершеннолетняя мать, посаженная в СПТУ, лишена возможности видеть своего ребенка в течение всего двухлетнего срока.

5. Для взрослых преступников

существует возможность досрочного освобождения из мест лишения свободы — за ударный труд и хорошее поведение или по амнистии. Подросток может получить свободу досрочно лишь в обмен на увечье.

И нигде, ни в какой инстанции нашей большой социалистической Родины эти вопросы не прорабатываются.

...Тогда, в Гособразовании, выйдя из кабинета учителя истории Константина Петровича Сарафанова, я пошла коридорами прямо. Потом сворачивала, не запоминая маршрут. Набрела на буфет. Педагоги, власть прерожание, подкреплялись. Я со своим подсосом подседа к двум молодым дамам с небольшими еще кокетливыми кукочками.

— Знаешь, — сказала одна другой, намазывая черенком вилки масло, — этот англичанин сказал еще, что в его муниципальной Лондонской спецшколе пятьдесят воспитанников. И еще что ни одного из них он не может принять без письменного согласия самого правонарушителя. Представляешь?

— Ага. А гуляш ничего, правда?

Я опрометью бросилась вон. Понесла по красной взлет-посадке.

— Товарищ Сарафанов! Константин Петрович! Миленский! Вот! Вот что было бы революционно в отношении нашего общества к его заблудшим детям!

Общество, оберегая свое спокойствие, изолирует правонарушителей в принудительном порядке. А можно, оказывается, по-другому. Трудный подросток, опасаясь за свое будущее, доверяется обществу — уходит под его крылышко, спасается, изолируется от «криминогенного образа жизни».

Английские подростки не ПЕРЕПИСЫВАЮТ СУДЬБЫ НЕЧЕСТНЫЙ ВАРИАНТ, ОНИ ЕГО МЕНЯЮТ НА ЧЕСТНЫЙ!

Товарищ Сарафанов а я не наша. Ничего ему не сказала. Ну, а сказала бы, что из того?

Если срубить дерево, пень ошестинится прутиками новой поросли. И что бы ни воображал о себе каждый прутик, он, если выживет, будет расти и развиваться так же, как росло и развивалось до того дерево-отец. Будет питаться его мощным корнем, будет в положенное время грубеть корою и в год наращивать только по одному кольцу. И по тем же законам дорастет до первого цве-

та, до первого плода. И дай ему Бог вырасти хоть на полметра выше старого дерева.

Товарищ Сарафанов не волен ничего изменить в существующей системе. Я не обманываюсь.

Я уже совсем не та, что была полгода назад, приступая к работе над этим материалом. Я уже не верю, что возможно закончить со спецучилищем одним махом — надо, мол, и всего-то, чтоб «трудные» подростки бойкотировали эти учреждения своим хорошим поведением.

И все же я обращаюсь к подросткам. К тем, кому сегодня от 13 до 18, кто, прочитав эти страницы, выберет себе не значащую ни в одном справочнике профессию детского судьи. К тем, кто займет место председателей комиссий, прокуроров, председателей Совета Министров, Верховного Совета, к тому, безвестному еще парнишке, кто станет Генеральным секретарем ЦК КПСС. Я обращаюсь ко всем, кто решит стать хорошим человеком, кто решит сделать нашу страну достойной нашего прошлого, достойной двадцатого и двадцать первого века.

Пусть отныне и присно и во веки веков вашим законом станет:

НЕ КРОВИ ХОЧУ, А МИЛОСТИ!

Светлана САВРАСОВА

ОТ РЕДАКЦИИ.

11—12 июля состоялся очередной пленум Государственного комитета СССР по народному образованию. Пленум постановил: «...разработать и внести в Верховный Совет предложение: о преобразовании действующих комиссий по делам несовершеннолетних в комиссии социально-правовой защиты несовершеннолетних; о рассмотрении в народных судах всех дел подростков, в том числе административных правонарушений»...

Надеюсь, это лишь первый шаг на пути оздоровления отношений общества с его несовершеннолетними членами. Рады сообщить, что в выработку постановления внес свою лепту и наш журнал — в работе пленума Гособразования принимала участие редактор, автор прочитанного вами очерка Светлана Саврасова.

Фото Константина АРТЕМЕНКО

Оформление Валерия РУЛЬКОВА

«ИНТИЛИГЕННЫ» время и место

Интеллигенция — слово русское. Было время, когда переводчики Чехова на английский, немецкий, французский испытывали затруднения с этим словом. Само собой, имелись в тех языках «интеллектуалы», «люди умственного труда», «копфарбайтеры»; но понятия эти не были обременены морально-этическим и общественным смыслом.

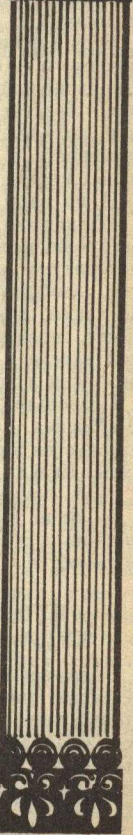
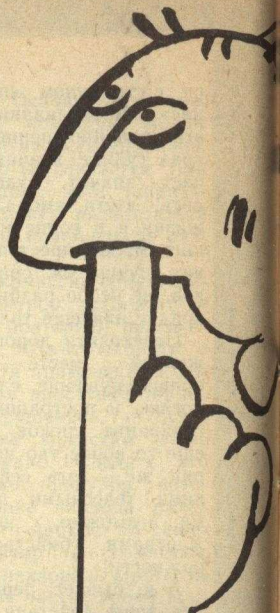
*Анатолий Аграновский.
«Открытие доктора Федорова»*

«РАСКРОЙТЕ РТЫ, СОРВИТЕ УБОРЫ...»

У меня много интересов, все не перечислишь, ношу различные значки. И однажды напоролся на двух, так сказать, люберов. Снять значок они сняли, но через неделю эти люберы лежали в крови перед «мажорным мальчиком». Конечно, мне помогли их отпинать, со мной были другие «мажорные мальчики», и мы громили драных люберов так, что ключья летели.

Я учусь на художника в Архангельске. Когда вырасту, собираюсь поступать в институт кинематографии. А эти люберы будут работать, показывая свои мускулы, таская навоз. Я вообще за создание в СССР светского общества, а мускулистые пусть вкалывают. Каждому свое. Мы будем кушать, как в «лучших домах Лондона», а эти мускулистые пусть бегают после армии по пивнухам и питаются у железных бачков с надписью «Общепит».

Мы — сыны горьковских секретарей, «внуки Сталина и Брежнева» — будем жить богато, а

Не помню, кто сказал, что власти сознательно растят неинтеллигентную интеллигенцию. (Кстати, не надо соотносить это высказывание именно с нашей державой, а то «за державу обидно»; такой принцип действует во многих странах). Почему? Легче с роботизированными людьми, которые мало думают, у которых мало культуры — они управляемы.

Знает ли наша народная интеллигенция то свое высшее предназначение, которое заключается в умалении себя во имя благо окружающих? Его знали в прошлом веке. Русская интеллигенция испытывала перед народом смущенное состояние, потому что благодаря ему она стала грамотной, мыслящей. И стремилась вернуть долг. А наш советский «народный выкормыш» говорит: я сам «народ» и никому ничего не должен. Он не отдает, он потребляет. Ну какой он интеллигент?! Просто специалист, толковый или бестолковый. Теперь еще и хитрый (я имею в виду переход некоторых врачей, педагогов, инженеров на кооперативное поприще).

Сейчас легче найти интеллигента среди простых людей, среди крестьян, например. Я знала одного. Это был человек, который жил по совести. Он не делал другому то, чего не хотел, чтобы делал ему. Поразительно, как менее, чем за сто лет, все поменялось местами, какая произошла рокировка.

В. Ф.

(работаю в библиотеке, еще не вышла из комсомольского возраста),
г. Чита

КОМПРОМИСС — НЕ ДЛЯ НАС?!

Интеллигент — это кто? «Замумный очкарик»? Или человек деликатный, достаточно эрудированный, с чувством юмора? (Вспомним так часто поминаемую сейчас нашу «непредсказуемую» историческую правду: Берия был «очкарик» и на вид умный дядя, но каждый порядочный человек должен был обходить его за версту).

Кто мы? Темная, забытая страна, в которой кучка умных людей сделала буржуинам характеру с помощью уже тогда (!!!) зародившегося энтузиазма масс? Пока шел рукопашный бой наверху, мы по-прежнему оставались серой толпой, которую от самопожирания спасали лишь великая потенциальная сила ду-

ха и этот невероятный, неповторимейший советский энтузиазм. Где уж было до деликатности, тем паче, что она не более, чем «пережиток старого общества»; успевай только уши от грязи вычищать. Шли годы. Мы постоянно жили в состоянии конфликта, запала, когда мягкость, вежливость были предметами странными и ненужными, а ум борющихся людям тоже вроде ни к чему: есть приказы. Этот период сменился спячкой. Мы так и не научились ни слушать, ни говорить друг с другом. Там, где не знаем, что сказать, вставляем матерок. Как я ненавижу эту речь...

Люди! Мы несдержанны, мы не можем обойти острые края, а ударившись, тут же наносим «укол» собеседнику. Только не обвиняйте меня в отсутствии принципов. Они у меня такие: «Нет неинтересных людей» и «Долой максимализм». Я не предлагаю поступаться принципами, но в обычной жизни, повседневной, почему бы нам не пойти навстречу друг другу? В ответ на то, что тебе наступили на ногу, можно рявкнуть: «Мать твою... Смотреть надо!». А можно улыбнуться: «Ничего. С кем не бывает». Твердая уверенность в своей правоте, максимализм очень мешают нашей жизни. Ими можно наделать больших ран и бед.

С. Славянова, 18 лет,
г. Новокузнецк

Получая почту, мы, естественно, работаем с ней, отвечаем авторам, раскладываем письма по темам. Так вот, за последние полгода эти четыре письма — едва ли не единственные в той-щей папке с надписью «Интеллигентность». (А «Любовь» или «Музыка» уже не вменяются ни в какие папки).

Отвечьте, пожалуйста, редакции: что вы думаете по поводу напечатанного, как часто в компании или наедине с собой обсуждаете эту тему? Пока ваши письма еще в пути, прочтите комментарий (честно говоря, почти трактат), который сделал малый редколлег, учащийся ПТУ Саша КУЛИНКОВИЧ.

ПЛОХИЕ ХОРОШИЕ ЛЮДИ

Вначале: «Интеллигенты и как с ними бороться?». Потом: «Интеллигентность и как ее воспитать?».

Эти вопросы обсуждались в разное историческое время и на разных уровнях, и, чтобы вести разговор, нужно разделить понятия интеллигентного человека и

эти будут работать на нас. Всем, кто считает себя «мажорным мальчиком», я предлагаю объединиться... И мне начхать на «дедовщину». Я уверен, что на мне в армии никто кататься не будет. И хэбэ чужое я стирать не буду. Точка.

Сейчас у нас гласность, и люберам глотку затыкать не надо. Пусть наговорятся. А мы будем делать свое дело. Думаю, это письмо мальчика из социальной прослойки украсит ваш журнал.

Андрей С.,
русский интилиген,
17 лет,
г. Северодвинск

РАСТЕРЯЛАСЬ...

Моя компания нравилась мне до тех пор, пока я не поехала в другой город к подруге на каникулы и не встретила там совершенно других людей. Вы мне не поверите, но я думала, что мир устроен так, как вокруг меня. У нас в компании, например, если у девушки нет красивой фигуры, она ничто. Серость. А там, у них, фигура не имеет никакого значения. Ценятся ум, порядочность, доброжелательность, приветливость. У нас если девка парня отобьет, то ей найдется кому синяков наставить. А у них — ничего. Элита нашего класса — это те, кто хорошо одевается, имеет карманные деньги и т. п. Лучше, если есть японская аппаратура. А у них на старом маге такие записи... Они о музыке говорят. Я не думала, что о музыке можно так говорить... У меня папа шахтер, мама старший бухгалтер, хорошо живем, но родители знают только про мои школьные дела. А что я делаю по вечерам — скажу, чего уж скрывать. Собираемся у кого-нибудь на хате, есть вино, шампанское, диско-музыка... А теперь мне это опротивело. Что из меня будет за человек, не знаю. Зачем живу, на что надеюсь? Совсем растерялась...

Лариса,
г. Донецк

интеллигента — все-таки вещи не тождественные. Первое — возможно, второе — под большим вопросом.

На мой взгляд, интеллигент в идеале — это очень туманная личность и практически недостижимый идеал. Нужно иметь прежде всего чистую душу и совесть, что сейчас означает быть святым. И я считаю, что существование этого идеала в нашей стране сомнительно, поскольку в условиях «вечной борьбы» очень трудно сохранить свою душу. И хочется того или нет, но каждому когда-либо приходится идти наговор с совестью, лгать, предавать, что для истинного интеллигента в принципе недопустимо. Ведь ложь во имя чего-то — все та же ложь. Но, конечно, если смотреть на идеал из расчета «плюс-минус кулак», то истинного, разумеется, найти можно. Например, один встреченный мной в Ленинграде человек считает единственным в СССР интеллигентом академиком Сахарова. Может быть, но... Чистая совесть и душа — слишком большое требование для человека.

Издавна люди сравнивали себя (или отдельные человеческие качества) с различными животными. Каждому человеку можно найти подобие среди фауны. Но вот интеллигенту... Как-то не вяжется «прораб духа» ни с одним четвероногим, хотя есть животные гораздо благороднее и симпатичнее некоторых людей. Для одного интеллигент — это просто «очкарик». Для другого — человек воспитанный. Для третьего — эрудированный. Все это далеко от истинного портрета. Внешних признаков явно недостаточно (может, поэтому мы не нашли даже приблизительного «типажа» в мире животных).

Однако существует довольно много людей, считающих себя интеллигентами. По-моему, уже поэтому они неинтеллигентны. Среди них много добрых людей, но все у них не до конца: получеловечность, полубразованность, полуделикатность.

«Интеллигент» в молодежной среде — явление более многогослойное, чем в относительно взрослом обществе. Здесь возможны многие категории. Первая: это люди без определенных занятий, «тусовщики», как правило, получившие немалое развития, немножко воспитания и узнавшие из литературы и устных рассказов, какую музыку модно любить, каких поэтов, писателей читать, художников смотреть. И любят, чита-

ют, смотрят, тихо и никому не мешая, изредка бичуя то, что любить немодно, подстѣбывая* своих друзей обширными «кроссвордовыми» знаниями. Отношения друг с другом ужасно стѣбные и неживые, приблизительно, как в толпе панков, которых снимают для телевидения. Сплетни «во благо» здесь в большой чести. Это сообщество хотя по уровню и выше серой массы, но само серо и скучно.

Вторая категория: «интелигены». Настолько не развиты интеллектуально, насколько чисты их гены: «внуки Сталина и Брежнева», массивный клан, имеющий большое влияние в среде, где дух их дедов процветает вовсю. Среди них есть и «внуки тракториста Пахомыча», как-то попавшего за границу. И просто люди, умеющие делать деньги, часто с помощью состоятельных родителей. Эти считают себя интеллигентами только потому, что модно и дорого одеваются, имеют бабки, не пьют дешевого портвейна и «снимают» девочек за высокую цену, поему могут в какой-то степени сравниться с иностранцами. Эти способны на любую подлость во имя себя. Считают себя элитой, остальных либо не замечают, либо свято ненавидят. Впрочем, про «мальчиков-мажоров» все сказал Юра Шевчук (а что касается детей секретарей горкомов, то лидер «ДДТ» является сыном секретаря парткома крупного уфимского завода — факт известный и еще раз подтверждающий, что интеллигентность — понятие общечеловеческое).

И, наверное, последняя категория: молодые люди, как правило, связанные с творчеством. Неплохие, умные, интересные в общении. Но все же не те, кого мы ищем.

...Когда я это написал, то подумал, что наши разговоры ни к чему. Нужно учиться жить честно и красиво, невзирая на постоянную борьбу с кем-то и чем-то. Просто жить, не загоняя себя в рамки или в бутылку. Просто жить сообществом добрых людей, а не воинствующих гопников. После того, как мы «сделали буржуинам хакари», мы действительно не научились жить миром.

Я могу во многом ошибаться, но все-таки это мое мнение. А вот хакари делают только самому себе...

* Стѣб (молодежный сленг) — розыгрыш, самоирония, подсмеивание над собой и другими людьми.

Я прочтала много книг об Африке и очень заинтересовалась этим континентом. Хотела бы работать в Африке. Как получить такую профессию!

Вика, г. Ленинград

Такой профессии «работать в Африке» нет. Конечно, в африканских, как и во многих других странах, работают советские врачи, инженеры, дипломаты, педагоги, но понятно, что нужно сначала получить какую-то из этих специальностей, а потом думать о зарубежных командировках.

А вот если вы хотите стать специалистом по африканской культуре, экономике, литературе, истории — африканистом, то можете попробовать поступить в Институт стран Азии и Африки при МГУ. Этот институт — ведущее в стране учебное заведение по подготовке востоковедов и африканистов.

В институте два факультета: историко-филологический и экономический. Студенты, получающие специальность «история», изучают историю стран Азии и Африки, археологию и этнографию. Есть в институте и специальность «международные экономические отношения». Избравшие ее изучают высшую математику, экономическую статистику, мировую экономику... А те, кто овладевает специальностью «восточные языки и литература», занимаются лексикологией, диалектологией, теоретической фонетикой и грамматикой, а также историей и литературой изучаемой страны.

Понятно, что все студенты осваивают восточные языки да плюс еще один из западно-европейских.

Выпускники института работают редакторами в издательствах, научными сотрудниками, переводчиками-референтами. На историко-филологическом факультете готовят, кроме того, востоковедов для работы в системе Госкоминтуриста СССР (кстати, почему-то девушек принимают только в эти группы).

Срок обучения в ИСАА — 6 лет. О правилах приема и вступительных экзаменах можно узнать в приемной комиссии МГУ.

УРАИ БЕЗ УРА

Говорят, серьезные ученые провели такой опыт: группу мышей посадили в загон с довольно высоким бортиком. Почти все мыши сидели тихо, как мыши, но отдельные личахи так и норовили через борт сигануть. Их, чтоб не портили общей картины, отсадили в клетку. Родилось новое поколение, среди молодежи опять нашлись отщепенцы, желающие покинуть загон. Их тоже отсадили. Новые родились — еще раз «перелезающих» убрали. И наконец, удалось вывести поколение мышей по-настоящему хороших, то есть таких, которые никуда не лезли.

Такую вот притчу услышал я в сибирском городе нефтяников Урае. Мы к ней еще вернемся, а пока о самом Урае.

Я приехал туда, когда город бурлил и клокотал. Ну, не весь город, а, скажем, педагогическая его часть. Из скважины, пробуренной Евгением Борисовичем Куркиным, взметнулся мощный фонтан взаимоисключающих идей, противоположных мнений, ущемленных самолюбий, кровных обид...

«Идея эксперимента не вызывает сомнения, — говорили одни педагоги, — но нельзя же доводить ее до абсурда. Да, школа растет плохо. Но невозможно ускорить рост дерева, дергая его за верхушку. Это приведет к тому, что оно оторвется от почвы».

«Эксперимент нужен, — говорили другие, — но для него нет базы. Модульное расписание — прекрасно, но с его введением в 4-й школе стало на 100 неуспевающих больше. Кружки и секции вместо уроков труда, пения, физкультуры — превосходно, но кто не ходит в кружки, не ходит и на занятия».

«Не хотим умялить эксперимент, — говорили третьи, — но для тридцатипятиминутного урока нужна новая методика, а методический кабинет ликвидировали. Общегородские кафедры — замечательно, но на них ходит по 3—4 человека готовиться к экзаменам. Вынести работу комсомольских и пионерских организаций за стены школы — разумно, но пока мы вообще развалили эти организации».

«Идеи должны много лет отстаиваться, обкатываться в дискуссиях, — говорили первые, вторые и третьи вместе, — нельзя бросаться в воду, не умея плавать. В эксперименте много риска, необдуманности и амбициозности».

Что же произошло в славном городе Урае?

Пару лет назад педагог Евгений Борисович Куркин, работавший тогда очень далеко от Сибири, отправил в «Учительскую газету» статью, которая так и называлась: «Прошу разрешить эксперимент».

Примерно в это же время педагог Алексей Алексеевич Ратушный опубликовал в

городской газете «Качканарский рабочий» (Качканар — это город в Свердловской области) статью «Школа: возможный путь перестройки».

Пока два этих события никак не связаны между собой.

Главная мысль статьи Куркина: школа не может одна тащить сразу два тяжелых веза — и учить, и воспитывать. Она и не тащит, а только старательно делает вид, что оба «веза» движутся. Поэтому часть поклажи нужно переложить на ее союзников и партнеров — музыкальные, спортивные и художественные школы, станции юных техников, кружки в Домах культуры и Дворцах пионеров, УПК... Короче, на так называемые, внешкольные и межшкольные учреждения, на которые мы давно смотрим как на что-то второстепенное.

Но это возможно лишь при очень четкой координации работы школы и этих самых учреждений, разбросанных по разным ведомствам. Отсюда и идея Куркина: собрать их под одной крышей. Создать учебно-производственное воспитательное объединение в масштабе города. С единым расписанием, хозяйством и производством, со специализацией школ, начиная с первого класса, реальной профориентацией. И чтобы во главе объединения стоял не гороно с его извечными «контролем и руководством», а генеральный совет, в который войдут учителя, ученики, родители.

Статью напечатали, а город для эксперимента нашелся сам. У Куркина был урок истории в 9-м классе. Приоткрылась дверь: «Евгений Борисович, к телефону...» Звонил секретарь Урайского горкома партии Виктор Иванович Мигунов: «Приезжайте».

Полвечера Куркин с женой искали Урай на карте. Нашли.

Если как можно плотнее сжать 45-страничную концепцию урайского эксперимента, то останется вот что.

Школы сейчас практически одинаковые, выбирать ученикам не из чего. Нужно создавать в городе много совершенно разных школ, так, чтобы каждый мог выбрать для себя не только подходящую специализацию, но и учителя, программу, темп обучения.

Но чтобы этот выбор делался не методом «втыка», требуется служба «Педагогическое наблюдение». Пусть психологи, дефектологи, физиологи определяют способности и склонности ребенка перед поступлением в школу, а потом выдают ему рекомендации после каждого класса.

А потом, когда он доберется до школы старшекласников, пусть выбирает один из трех вариантов — профессиональную школу, дающую подготовку по рабочей специальности, реальную — тоже с профессиональным

«уклоном», но с углубленным изучением тех предметов, которые составляют основу будущей профессии, и, наконец, классическую (но тоже с правом выбора нескольких основных дисциплин).

И то, о чем мы уже говорили: четкое разделение школьной жизни на академическую (учебную) и клубную, обеспечивающую самоопределение школьника.

Плюс самоуправление вплоть до создания «Молодежной республики». Плюс Центр профподготовки, собственное производство, фирменные магазины, зарплата ученикам. Все это, естественно, возможно только в рамках УПВО.

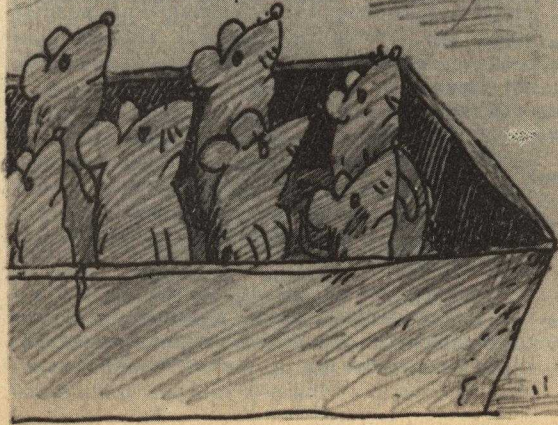
Но вернемся к «Качканарскому рабочему».

Главная мысль статьи Ратушного — нужно, чтобы «главным звеном в системе школьного образования стала не школа, а параллель». То есть все первые классы города или района собираются в одной школе, вторые — в другой, седьмые, скажем, в третьей. Что это дает? Педагоги получают возможность объединяться в творческие бригады и работать с теми классами, к каким «лежит душа». Кроме того, они могут легко заменять друг друга, а значит, не будет срыва уроков. Дети же сядут за парты, подходящие им по росту, а на переменах не получат от старших товарищей подзатыльников. Легче станет проводить профориентационную работу. И, наконец, можно создать модульную школу.

О модуле чуть подробнее. Расписание дня, по замыслу Ратушного, состоит из трех частей: 12 уроков делятся на три блока по четыре часа. Каждые четыре часа и есть модуль. Один модуль («жесткий») в расписании отводится на программу по основным предметам теоретического курса, второй («полужесткий») — на занятия трудом и спортом, третий («гибкий») — занятия по интересам: в кружках, секциях, художественных, музыкальных школах.

В Качканаре Ратушного, мягко говоря, не поддержали. И тогда он уехал в Урай, где уже начинал свою работу Куркин. Модульная школа — и это сразу понял Евгений Борисович — могла стать технологическим обеспечением эксперимента.

Так они начали работать вместе.

Ничуть не уверен, что к тому времени, когда вы будете читать журнал, Ратушного не снимут с работы. Или что он сам не уедет из Урая, как уже уезжал из многих мест. Или (это реальнее), что все, о чем я пишу, он к тому времени признает устаревшим, вчерашним днем, туфтой. А единственно стоящим разговора будет для него идея, пришедшая ему в голову вчера ночью. Абсолютно блестящая идея, способная перевернуть вверх дном всю нашу жизнь. Что-нибудь вроде мерцательных шахмат: гениальной игры, придуманной Ратушным от нечего делать.

Не удержусь от ее описания. Шахматы как шахматы, ходят по очереди белые и черные, но не один ход делают, а сколько хочешь. Правда, каждую фигуру и пешку можно двигать лишь раз. Алексей Алексеевич готов сыграть в эти мерцательные шахматы со всеми гроссмейстерами мира (включая Каспарова и Карпова). И даже дать им сеанс одновременной игры. Причем абсолютно уверен в своем успехе.

Что еще интересует Ратушного? Он пишет стихи и песни. Выпускает радиогазеты. Занимается шахматной композицией. Ну, вот, школу модульную придумал...

Наши разговоры состояли из его блестящих монологов и одной, но зато регулярно повторявшейся, моей фразы:

— Мысль, конечно, спорная.

Сразу же непременно следовало:

— А кому нужны бесспорные мысли?

Что означало: говорить банальности и вы сможете, на это много ума не надо.

Слушать такое обидно, понятно, что многие и не слушают. Если по мерцательным шахматам Ратушный еще неизвестно чемпион чего, то по умению нарваться на конфликты он, безусловно, впереди всего человечества.

За несколько месяцев работы в Урайской 4-й школе он начал... 72 эксперимента. После чего поругался с «рутинерами» и ушел.

Нет, не просто ушел. На собрании зачитал клятву, что никогда не переступит порога 4-й школы.

И тут же переступил порог 1-й, где много, ни мало предложил себя в директоры. Благо как раз намечались выборы. Из простой формальности — претендент был один — выборы сразу же превратились в скандал. Добавили еще одного кандидата. Учеников попытались лишить права голоса. «Можно ли доверять их объективности? — засомневались испуганные педагоги. — Надо подходить к выборам с учетом взрослого понимания жизни».

Похоже, что и Ратушному этого «взрослого понимания» не хватило: вместо обтекаемых «улучшить» и «добиться» в его программе была сплошная крамола. Он то призывал «не повторять ошибок учительского съезда», то отрицал «журналы и дневники», то обзывал педколлектив «легендой»... Ну, и остальное не лучше, тридцатипяти минут.

С. СТЕПАНОВА

ные уроки, рейтинг-листы, учебно-трудовые книжки, модульное расписание...

«Да откуда вы это все нахватали?» — возмущались старые опытные педагоги. Ратушный без оглядки подливал масла в огонь: «У Кампанеллы инквизиторы спрашивали: где ты взял свои идеи? Им в голову не приходило, что человек может сам творить».

Естественно, директором Ратушного не избрали.

Мы, в общем-то, привыкли уже: прежде, чем новая идея овладеет массами, массы должны хорошенечко по ней потоптаться. Выживут (и идея, и новатор) — их счастье, нет — их же вина и беда. Массам некогда разбираться, что и кого они там затюкали, им уже нужно готовиться к запатыванию следующего «кулибина».

Но и к другому мы привыкли: в роли консерватора и рутинера всегда выступает старшее поколение. Если же о школе речь, то, естественно, эта роль без каких-либо проб отдается педагогам. Ученики — наша славная молодежь, — само собой разумеется, бегут на шаг впереди прогресса. Им чужды косность и сомнения. Перемен, они ждут перемен.

Так-то оно так, но когда урайские старшеклассники выяснили, что на обломках старой школы не памятники «ломателям» собираются возводить, а строить новую, да еще черт знает по какому проекту, часть из них засомневалась. Тем более, что основания для сомнений были.

«Модульная школа, — говорили они, — хороша, но расписание стало плавающим, то к восьми утра надо приходиться, то к трем дня, чего-то тут недодумано».

«Уроки по 35 минут, — говорили они, — превосходно, но их бывает по девять в день.

Да еще домашние задания. Ничего себе разгрузка».

«Отметки отменять нужно, — говорили они, — но знают ли о рейтинг-листах в вузах? Что будет в аттестатах стоять? Как мы сможем поступить в институт?»

«Демократия, — говорили они, — это здорово. Но школьный совет пока не действует, не очень он пока виден».

«Право на выбор учителя, — говорили они, — это замечательно. Но «обиженные» педагоги могут и отомстить тем, кто к ним не записался. Влепит «пару» — и привет».

«В общем, — говорили они, — мы за эксперимент, но лучше б он начался, когда мы школу закончим».

Такая вот логика получается странная: изменения в школе нужны, но такие, чтоб нам при этом жилось спокойно.

Впрочем, странная ли? Эксперимент, если подумать, это не модуль и тридцатипятиминутный урок. Это, прежде всего, необходимость делать выбор. Выбор не только учителя и школы, специальности и «интереса», но и выбор между спокойной жизнью, налаженным ритмом, привычными обязанностями, гарантированной «тройкой» и чем-то неизвестным, не очень понятным, а главное — требующим самоопределения.

Не приучены мы к этому. Уж очень долго отсаживали (помните притчу?), то бишь осаживали, тех, кто лез из загона. Теперь приходится пожинать плоды такого просвещения.

А Ратушный... Ну, что ж, возможно, он действительно торопится. Хотя, скорее, у него просто другой отсчет времени. Известно: для дерева день — мгновенье, для кома — вечность.

Тут все зависит от темпа жизни.

Ефим ШУР

Р. S. А эксперимент тем временем продолжается. Рассчитан он на много лет, и подводить какие-либо итоги сейчас по меньшей мере опрометчиво, тем более, что пока удалось лишь, как сказал Куркин, «вывести новые грани проблем, умозрительно уже решенных». Наверное, и то, о чем мы рассказали, тоже одна из этих «граней».

ЗНАЕТ КОШКА, ЧЬЮ МИДИЮ СЪЕЛА...

Говорят, в одном японском городе стоит памятник... устрице. Да, той самой, которую аппетитно уплетают гурманы в основном из чуждых нам формаций.

Вот стоит он, этот памятник, вызывая резонный вопрос: какие такие заслуги могут быть у неразумного беспозвоночного?

Самим нам, пожалуй, на него не ответить. Поэтому сразу призовем в помощники Юрия Михайловича ЯКОВЛЕВА, сотрудника Института биологии моря Дальневосточного отделения АН СССР.

Оказывается, авторитет устрицы, как впрочем и трюфелей, трубачей, мидий и прочих моллюсков, вполне заслужен. (Конечно, если учитывать, что людям свойственно хорошо относиться к тем, кого они могут съесть). Устрица не зря возглавляет список — кушарам известно около четырехсот способов ее приготовления. Мидий тут повезло меньше (или больше?) — в поваренных книгах ей посвящено не так много страниц. Хотя еще французский король Людовик XIV отдавал должное нежному вкусу этого моллюска.

Но мы можем проделывать еще более дальние путешествия в глубь веков.

Итак, 1235 год. Мы вместе с ирландским мореплавателем Патриком Уэльтоном тершим крушение у пустынных французских берегов. Запасы продовольствия катастрофически тают. А голод, как известно, не тетка. И по этому наше внимание привлекают ракушки. Самый смелый из нас расщепляет створ-

ки ножом, пробует мясо моллюска, остается жив, и его примеру следуют другие. Правда, ковыряться в моллюске — дело очень мутное. А вот если его бросить в кипящую воду, створки расходятся сами. Кусочки горячего мяса с легким розово-желтым оттенком, подобным цвету первого загара, оказываются просто лакомством.

В итоге мы, во-первых, спасаем себя от голода, во-

вторых, открываем новое блюдо. Сделав все это, мы возвращаемся снова в наши дни, в Институт биологии моря. А точнее, на институтскую биостанцию «Восток» недалеко от Находки, где мидий не только изучают, но и выращивают.

Да, представьте, есть уже и у нас в стране специалисты-марикультуристы (от слова «марикультура» — наука и искусство выращивания водных животных). Конечно, морской фермер — пока профессия не из самых массовых. Но ведь и с фермерами более традиционного профиля у нас не густо, а надеемся же мы на их грядущую победу над продовольственным дефицитом. Кстати, учитывая, что белка в мясе мидии 30 процентов, а по калорийности оно почти не уступает куриным яйцам, моллюск мог бы внести свой вклад в эту победу.

...Одна из установок для выращивания мидий расположена метрах в трехстах от берега. Это такая «карусель» на воде: скрепленные в одной точке так называемые «модули плавучести», к которым подвешены канаты или коллекторы. Вот на них-то, уходящих под воду, и оседают личинки мидии. Оседает их порядочно: с гектара можно получать до 60 тонн моллюсков — это 15—17 тонн чистого мяса. Впечатляет?

Установка появилась на «Востоке» в 1983 году. А год спустя на одной из научных конференций в адрес института прозвучали привычные, набившие оскомину упреки в отставании прикладных исследований от требований времени. Через месяц «Восток» выдал урожай. Ответственные товарищи такого поворота не ожидали и заподозрили в случившемся подвох: мол, подвергнутые критике ученые просто-напросто ободрали якорные цепи. Им показали установку. Сказали: берите 40 тонн. Из соседних деревень пригласили школьников, выручающих всегда в таких случаях народное хозяйство. Од-

нако больше восьми тонн мидий собрать и обработать не удалось — из них сделали тогда экспериментальную партию консервов. С тех пор лишь несколько раз мидию сдавали на смех... простите, на корм курам, по 12 копеек за килограмм, то есть ниже себестоимости.

Но не будем впадать в отчаяние! По имеющимся у нас достоверным данным, к 1995 году планируемый ежегодный объем сбора мидий на Дальнем Востоке должен составить четыре с половиной тысячи тонн. Производственное объединение Приморрыбпром обратилось в Институт биологии моря за научной помощью в проведении «исследовательских работ с целью создания крупномасштабной марикультуры»...

...Когда мидии, поджаренные в электропечке, окажутся на столе, в нашем повествовании наконец-то появится кошка. Она будет ластиться и мурлыкать и смотреть горящим взором на аппетитный океанский продукт. Мы убедимся в том, о чем нам говорили на биостанции разные люди: кошки мидию просто обожают. Замечено, что многие из них категорически поотворачивались сегодня от колбас. То ли дело в повышенной в свете роста общего благосостояния кошачьей требовательности, то ли — в качестве колбас. Так или иначе, а кошкн инстинкт не обманешь, и ему можно доверять больше, чем госприемке.

Не станем долго и зарзательно расписывать достоинства мидии. Скажем только: чертовски вкусно! И все мы в этом убедимся. Правда, тогда, когда морских ферм, а значит, и морских фермеров, будет много. Будем надеяться, что скоро.

Владимир БУЛЫЧЕВ
Приморский край

Оформление Сергея
СТЕЛЬМАШОНКА

САРАФАН. Идет от персидского «серапа» — почетная одежда. Во многих районах мира сарафан является народным женским одением. А раньше в нем шеголяли только мужчины. Это было длинное платье, поверх которого надевали вторую одежду (кафтан), и на простой ворот его пристегивали обнизь — украшенный жемчугом и драгоценными камнями воротник. Несколько сарафанов, например, было у царя Михаила Федоровича.

ПОКРЫШКА. Пневматические покрышки родились раньше автомобиля. Первым их изобретателем считается англичанин Р. Томпсон. В 1845 году он предложил «воздушное колесо» для конных повозок и экипажей. Второе открытие связано с Д. Данлопом. В 1887 году он разрезал шланг для полива сада, склеил концы, накачал воздухом и «обул» в пневматику трехколесный велосипед. Сейчас за «лысые» покрышки автомобилистов штрафуют. А вот в 1896 году в Англии приняли так называемый «Акт о локомотивах на дорогах», который предписывал строго следить за тем, чтобы поверхность автопокрышек была гладкой. Только в 1903 году в закон внесли поправку, устранившую эту опасную оплошность.

ГУБНАЯ ПОМАДА. Это косметическое средство изобрели египтяне. Им пользовались красавицы Древней Греции и Рима. Второе рождение помады произошло в 1883 году в Амстердаме во время Всемирной выставки. Косметическую новинку, составленную на основе оленьего жира, по достоинству оценили тогда многие женщины, в том числе и знаменитая актриса Сара Бернар. В 1915 году в США впервые появились в продаже удобные тюбики с помадой.

А МНЕ И БЕЗ ВАШЕГО
ТВОРЧЕСТВА НЕПЛОХО...

Драка длилась несколько суток. На штурм цыганской горы стекались не только горожане, но и подмога из окрестных деревень. Прекратить столкновение удалось только внутренним войскам.

Дело было три года назад, и в «верхах» Молдавии признали цыганский вопрос как таковой (и даже раньше молдавского). В ящиках столов ответственных работников разного ранга осели «спасательные мероприятия». Как-то: звать цыганскую молодежь в комсомол, читать им политинформации, агитировать на ударные комсомольские стройки и т. д. в том же духе. Знающие сорокских цыган читали «цеу» с тем же чувством, что и сорокские милиционеры, получающие со всех концов необъятной родины указания «разобрать на товарищеском суде по месту работы».

— Да, вот уж ни на кого не похожий народ, — задумывается Анатолий Иванович Земцов, начальник райотдела милиции. — Чего в них ни намешано — хитрость и доверчивость, прожженность и наивность, вокруг пальца обвести старается — это уж как добродетель, а в церковь отведи — в жизни не соврет. Да,

а на добро памятливые... В общем, что ни человек — карточная колода, и не угадать, какую карту вытянешь. В Сороках особых хлопот не доставляют — держатся миролюбиво, в рамках. Хотя, конечно, народность криминогенная...

ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ. Англичане зовут их «египтянами», французы — «богемцами», голландцы — «язычниками», венгры — «фараоновым племенем», финны — просто «черными». Сами же себя они зовут «рома», что по-нашему означает «цыгане». В I веке они ушли из Индии, а сейчас их нет разве только в Арктике и Антарктиде. Особенно полюбился цыганам город Сороки, где ныне их неофициальная столица. Да и самые настоящие цыгане (не в обиду другим сказано) все-таки в Бессарабии.

ПРАВЫ. Разыскивается Оля Прейда, второклассница сорокской школы № 4 с эстетическим уклоном. После Нового года Оля покинула свой второй класс, несмотря на его хороший уклон, и, по сведениям учителей, вышла замуж. Факт сам по себе не удивительный, так как Оле ведь уже тринадцать. Что же до второго класса — и это дело обычное. В

школу сорокские цыгане поступают, когда им самим удобно, и учебный год длится обычно с декабря по апрель — во время технологического перерыва между кочевьями. В классном журнале в графе «место работы родителей» находчивые учителя пишут «цыгане». А местные власти, желая привить рома любовь к учебе, даже пробовали не выдавать родителям на зиму уголь. Что впоследствии было признано перегибом.

...Брожу по холмам цыганской горы в поисках нужного дома. Вот и он. На диване парень с девушкой перекидываются в картишки (любимый досуг сорокских цыган).

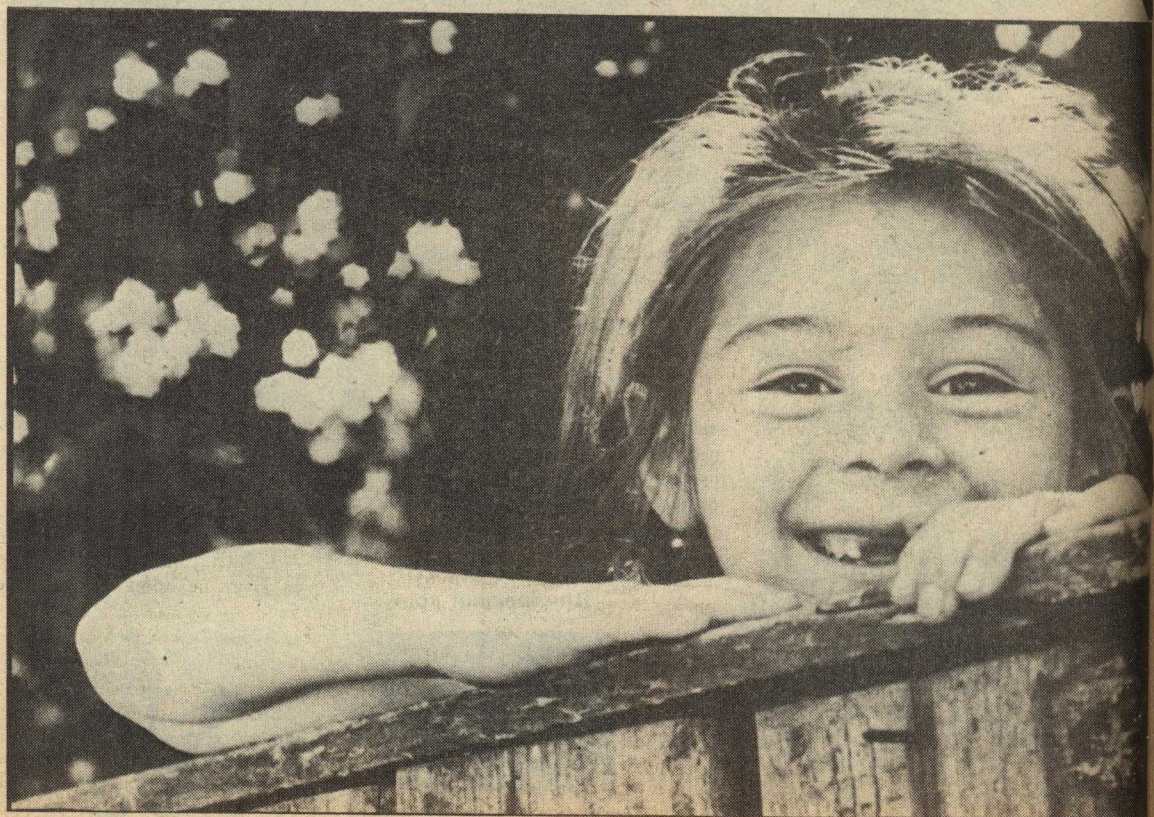
— Я не Оля Прейда, а Оля не вышла замуж, Оля пошла на рынок и скоро вернется... Кому это нужно говорить, что Оля замуж вышла? — пожимает плечами девушка. — А меня зовут Белка!

— Что еще за Белка?! — хмурится мой провожатый милиционер. — Представься, как по паспорту.

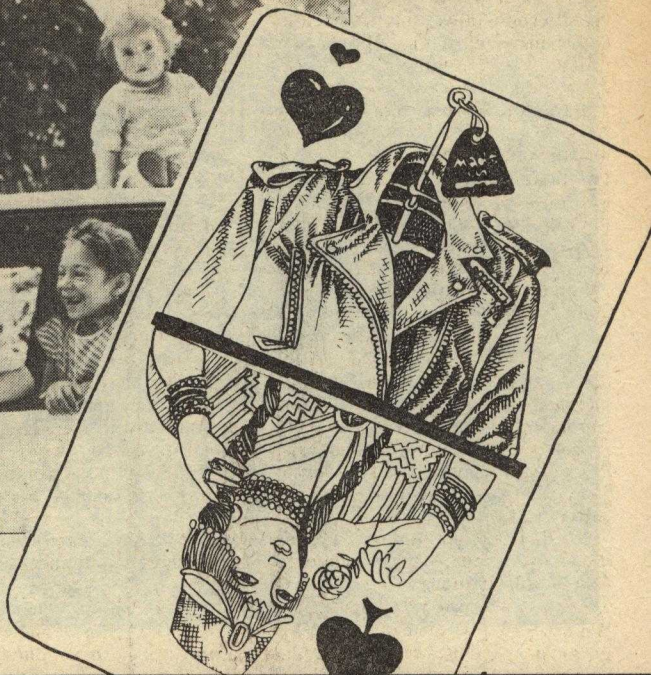
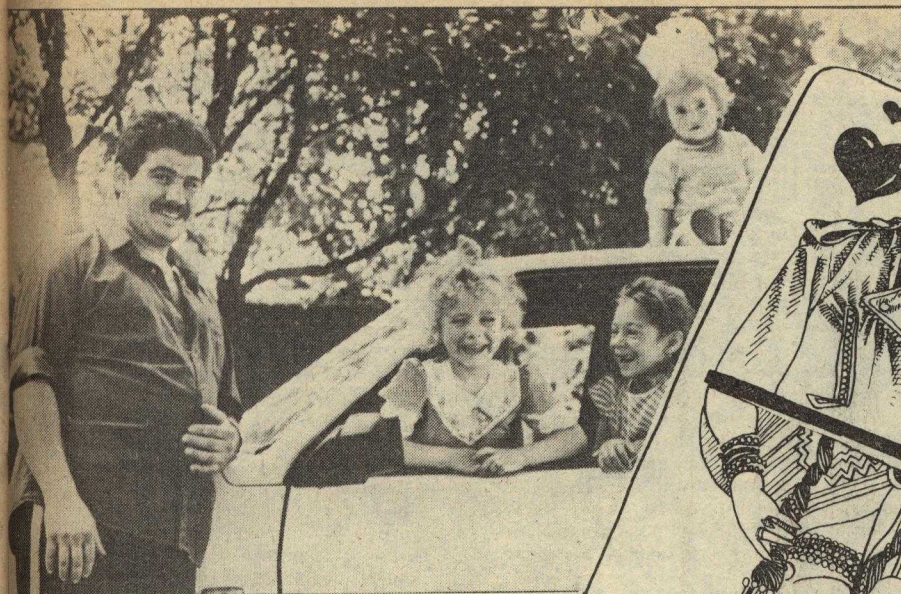
Белка послушно представляет, обиженно поджимая рот:

— Я сразу хотела, как по-русски будет...

Мы разговорились, и выяснилось, что ей тринадцать лет и за

планета людей

ЦЫГАНСКИЙ

РОМАНС, или

Полукриминальное досье

плечами целых три класса. Белка на редкость соответствует своему имени — живая, подвижная, с любопытным взглядом. Среди ровесниц выделяется некоей эмансипированностью — естественно, в пределах допустимого. Кстати, воспитая цыганская свобода относится только к мужской части. Каждый зов чувства и очередной сердечный всплеск ничуть не подмочат репутацию мужчины. Даже в глазах собственной жены, на долю которой остается добывать хлеб насущный традиционными способами, держать дом, растить ку-

чу ребятшек — и никаких вольностей.

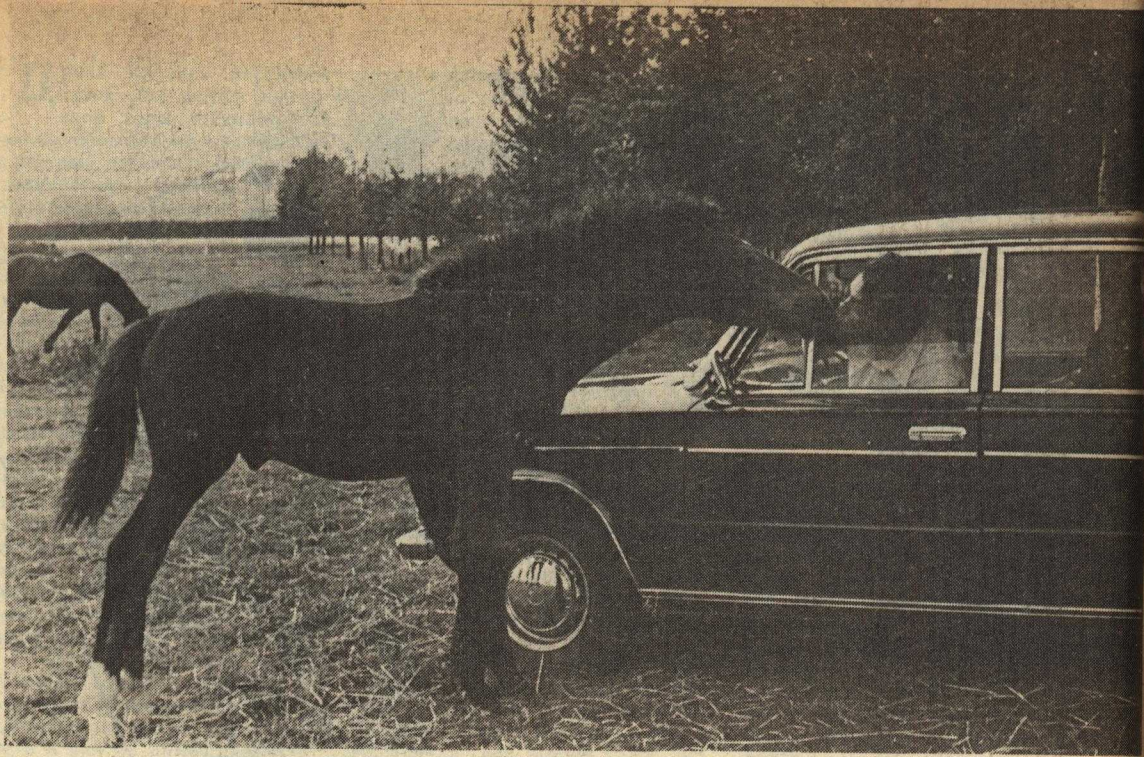
— Да-да, все должна терпеть женщина, — смиренно соглашается Белка. — У нас вообще все строго. Ну, например, не принято краситься, это вообще считается пло-охо, — Белка складывает милую гримаску, красноречивей слов выражая свое отвращение к безнравственности.

— Хотя есть и «ТАКИЕ»... Я, например, — вновь принимает Белка независимый вид и заговорщицки подмигивает подведенным глазом.

— Курить нашим девушкам тоже очень нехорошо, — на лице опять отвращение. Но, поймав насмешливый взгляд напарника, Белка смягчает: — Ну, разве только спрятавшись где-нибудь, а не при всех, как некоторые.

Несмотря на традиционные крепкие браки, Белкина мать не была рабой предрассудков, по личной инициативе покинув уже

второго супруга. (Может, оттого, что она не коренная сорочанка?) Как было дело с первым, Белка сказать не может, а второй — пьет. Мать и уходила, и возвращалась — без изменений.

— Уходила она, видишь! Я бы не принял обратно, — не может долее безучастствовать Василико, Белкин карточный партнер, обращаясь скорее к ней, чем ко мне. — Зачем это она будет себя так высоко ставить?!

Белка продолжает повествование:

— Отец мой хоть мужчина, но цыгане его не уважают. Он в церкви поклялся, что бросит пить, — и не бросил. А мама поклялась, что не вернется, пока он ампулу не вошьет, — и держит слово. Я, конечно, не верю в бога, хоть и крестик ношу. Но клятву в церкви — не выполнять?! — в глазах искренний ужас.

Белкина мать умеет танцевать, что стало редкостью. По молодости ей даже предлагал руку и сердце весьма состоятельный импортный поклонник.

— Я говорю маме, зачем не уехала, вот бы жили! А она мне отвечает: «Но тогда бы у меня была совсем другая девочка, а не ты...»

По резко упавшему тону я понимаю — довод настолько убедителен, что еще чуть-чуть — и Белка всплывает от одной только мысли, что на свет могла не появиться именно такая девочка, как она.

Дочь своей мамы одевается по-европейски, что не заведено в Сороках, и испытывает неловкость, когда на рынке в нее тычут пальцем и говорят: «Смотри, вон цыганка пошла!» Она находит устаревшими многие цыганские законы. Она полагает, что детей стоит заводить не более двух. И даже чувствует, что грамотенки не хватает, и мечтает когда-нибудь еще подучиться в вечерней школе... Следуя логике, кто-то, вероятно, предположит, что Белкина история кончится тем, что она пойдет работать на завод и вступит там в комсомол. Но так далеко ее прогрессивные планы не заходят:

— На завод? ...Работать — каждый де-ень! ...Это так скучно! Да и платят слишком мало...

К тем, по-настоящему советским цыганам, которыми гордится район — втиснувшимся шумными семействами в малогабаритные государственные квартиры и умудряющимся жить на одну зарплату, — Белка относится со смесью жалости и пренебрежения. Они еще больше не-цыгане, чем даже «русские» цыгане (не молдавские). А «русские» цыгане вообще как чужаки. Одна подруга вышла замуж за такого — живет, как среди инородцев все равно.

Приближается пасха — сезон похищения невест. И Белка, бросая взгляды на Василико, вслух переживает, как бы ее не украли. Свободы жалко. Хотя она понимает, что все ее счастье в жиз-

ни — удачно выйти замуж. Мне жалко Белку — воображение почему-то рисует возможного тирана, от которого ей еще придется натерпеться:

— Послушай, а не выйти ли тебе, к примеру, за русского? Ты красивая — командовать будешь.

Тут опять в нашу задушевную беседу врывается Василико:

— Выходи-выходи, Белка! Вот штаны тоже наденешь! — Скользит он по мне осуждающим взором.

Чуть позже я узнала, что брюки на женщине, по местным меркам, куда большая пощечина общественным нравам, чем, допустим, задирание подола с целью оскорбления. «Тыфу ты, бесстыжие бабы, — с чувством сплюнет бывалый оперативник, — ты ее за спекуляцию, а она — подол сверху.

Связываться с ними — позору не оберешься».

— Ну, а тебе сколько лет, почему не в армии? — Василико своей активностью, наконец, привлек внимание провожатого милиционера.

— Мне нельзя, я тяжело болен, — обреченно роняет Василико.

— Да ну-у?! — Столь же деланно поражается милиционер.

— Да, — скорбно поясняет Василико, покрутив пальцем у виска.

Кстати, это еще одно опровержение версии некоторых ученых, что, мол, цыгане — выходцы из древней индийской воинской

касты. Ибо в генах сорокских цыган ни малейшего энтузиазма к военному делу не обнаружено. Все юноши призывного возраста обременены либо многодетными семьями, либо неизлечимыми болезнями вроде сибирской язвы и тропической лихорадки. Впрочем, в последней пилетке удалось найти молодого человека, полностью годного к строевой, после чего уже два года найти его нигде не удается даже всеозоному розыску.

Что родина цыган Индия — не сомневайтесь. Даже слово «хлеб» у них одинаково звучит. А вот что они из военных — это уж извините...

А может, это были самые первые военные, начавшие разоружаться? Значит, пацифистов преследовали уже тогда.

БЫТ. Несомненно, самые богатые дома — на горе. Доброжелатели, показывая их, говорят о счастливой жизни **НАШИХ** цыган. Недоброжелатели — о нетрудовых доходах. Возле одного из величественных особняков мы остановились. Тут же высочил хозяин — на удивление низкорослый человек, ковыляющий, словно на обрубках. Появилась, заполнив все пространство, хозяйка — дородная тетя Лена.

— Когда был молодым, по четыре раза на неделе бил ее, — молодцевато хлопнул себя в грудь кулаком хозяин.

— И пусть бьет, и пусть, а как же? — расцвела тетя Лена, словно ей отвесили лучший комплимент.

Нас торжественно проводят в дом. Верхняя часть особняка кажется по-музейному нежилой. Больше всего впечатляют даже не масштабы и убранство, а национальная ручная роспись по стенам и потолку, напоминающая восточные мавзолеи. А еще стелевая мешанина — рядом со «стенкой» из черного дерева и хрустальной люстрой под «антик» на почетном месте мирно уживаются фаянсовые рыбки с разинутыми ртами, покорившие в 60-е годы всех хозяек со скромным достатком и тягой к незатейливому уюту.

— Вот как живем — спасибо Горбачеву, дай ему бог здоровья! — разводит руками Лена. — Ой, как намоталась я в жизни, не хочу больше никаких таборов, ой, Ларисонька, ты бы знала!... — и тетя Лена в течение нескольких секунд изображает пантомиму пережитых страданий — вот она тянет тяжеленные тюки на спине, вот она, измученная, качает на груди младенца, вот она укладывается спать прямо на сырой земле. А вот уже Шэрбан создает кооператив, и по лицу вновь разливается блаженство — кочевая жизнь кончена:

— Куда идти отсюда, Ларисонька?!

Появляется сын Миша, шестнадцатилетний юноша приятной европеизированной наружности, одетый, несмотря на жаркий день, по-джентльменски — в светлую рубашку, при пиджаке, разве только без галстука. Миша, младший из двоих сыновей, — гордость семьи. Он считается прилично образованным — восьмиклассник («О-о! По-нашему восемь классов, как по-вашему университет!» — уверяет Лена). Миша даже почитывает книги — Дюма, например.

— Про любовь, значит, — осуждающе констатирует милиционер.

— Он такой у меня хороший! — Едва не наворачивается слеза у матери. — Конечно, ему хочется машину иметь — разве я не понимаю?! Но он понимает, что сейчас все деньги в дом вложили, в кооператив...

Романо чаво, или попросту молодой цыган, скромно опускает взор долу в знак умеренности своих запросов. В Кишиневе рассказывали совсем другой случай, когда одиннадцатилетний юноша пытался повеситься оттого, что у соседа был автомобиль, а у него все еще нет. Все-таки вот что такое образование!

А милиционер, между тем, не целясь, попал в «яблочко». Душевную рану разбередил. Всем удался Миша. Только с женьбой не повезло. Чин по чину, со-

гласно предварительной договоренности всех сторон, украл Миша невесту. Та же не подтвердила своей непорочности. Нашлись и свидетели, подтверждающие совсем обратное. Позор и конфуз получился. Я опять качаюсь на волнах темпераментных полемических речей тети Лены:

— Ой, я говорю ему, Миша, может, возьми ее — сам знаешь, какие они, нынешние, пошли, а он: нет, говорю, не хочу позора, ой, а родители, ну почему сразу не сказали, зачем молчали, я же бы ну никому ни слова не пикнула... тогда.

В общем, незадачливое похищение обошлось семье в 5 тысяч отступного, не считая издержек на предсвадебное путешествие.

Пуританские требования к жене и невесте разительно не соответствовали всему, что я прочла в поэме Пушкина «Цыганы». Представляю праведный гнев тети Лены, расскажи я ей историю коварной Земфиры или не менее коварной Мариулы. Лена наверняка бы долго в пух и прах чехостила бесстыжих развратниц и, безусловно, поддерживала поступок жестокосердного Алеко. Неужто так изменились нравы бессарабских цыган? Или поэт перенес в табор обчая более известных ему московских и петербургских рома, распевающих «цыганские романсы», придуманные, конечно же, русскими?

С первого этажа, судя по всему, рабоче-жилого, куда нас не приглашают, выныривает бледное существо явно нецыганского происхождения. Лена поясняет, что это жена старшего сына, глухонемого, что живет здесь уже семь месяцев как родная, что ей очень хорошо. Девушка согласно кивает — она вовсе не скучает по своей Кемеровской области и всем довольна.

— Не семь месяцев живет, а четыре года, — за воротами уточняет милиционер. — Я ее рабыня Изаура зову.

Рабыня Изаура — не такая уж редкость. Порой их подбирают в детстве, и они живут в семье, выполняя по дому женскую работу. У Белкиной бабушки тоже была такая «как дочка». Где бабушка ее взяла, Белка не задумывалась — «нашла, наверное». А лет двадцати она бежала, прихватив кое-что из денег. «Они с нами все равно долго не живут. Потому что ни один цыган на русской не женится».

Бывший секретарь райкома комсомола рассказывал, как за-

бирали русскую малолетку из сомнительного дома. Надо отметить, что спасаемая отбивалась от спасателей из оперотряда и рыдала, расставаясь со своим порочным окружением. А содержатель, утирая слезу, совсем по-отчески совал ей на дорогу «трешку».

Всегда ли, спасая человека, мы делаем ему добро?

ТРАДИЦИИ. Мирчо Черарь — цыганский барон. Нескольких родов в Сороках, и в каждом свой предводитель. Род Черарей, пожалуй, самый почитаемый, хотя бы в силу финансовых преимуществ.

Мы сидим с Мирчо на лавочке в его дворе, и я чувствую его осторожность. Мирчо уже промелькнул в центральной прессе. Описывая вероятные сказочные богатства сорокских цыган, автор, в частности, открыл тайну, что у Мирчиной собаки... золотые зубы! Вероятно, это был еще один из множества забавных анекдотов, но местная общественность восприняла его без всякого юмора. Райгазете пришлось вступить за честь барона с опровержением: факт, дескать, ложный, нет у Мирчиной собаки золотых зубов. А по моему, и собаки вообще нет — не видела. Как вы понимаете, у Чераря есть все основания недолюбливать прессу. И мне не так уж легко разговорить барона.

Мирчо уважают за то, что он культурный, образованный, а это, в свою очередь, объясняют тем, что он давно уже не кочует. Дед Чераря был бароном, и оба дяди были баронами. А сейчас Мирчо признан старшим и мудрейшим в своем роду. Я немало слышана про цыганский «страшный суд». Рома не любят прибегать к государственной власти при выяснении отношений между собой. Полагая, что и суд, и прокуратуру, и милицию вполне может заменить настоящий барон. Его кодекс — традиции и здравый смысл. Мирчо разбирает конфликты и выносит меру наказания: от денежных штрафов, порой довольно крупных, отработки — до просто публичного извинения.

Цыганский суд — самый гуманный в мире! Без лишения свободы и «высшей меры».

Барон — отец рода и должен думать о его проблемах. Строгие нравы местных цыган стали разбавляться пороками, замислованными во время кочевья. Кто-то даже начал баловаться наркотиками. Молодежь не так уж благоговеет перед обычая-

ми предков. «А что мне барон? Я сам себе барон!» — самонадеянно заявил мне бойкий подросток. Должно быть, из «трудных».

Эх, да что говорить, если его, барона, старшая дочь замуж выскочила против отцовской воли! Не за своего, сорокского — за пришлого, за чужака! Провела отца всего рода. Украл ее чужак, увез в свои места — не принял к себе Мирчо беглецов. И свадьбу не справил.

— Ах, Анжела, Анжела!.. Какие женихи ее хотели, — вздыхает на лавочке Черарь.

Прошли годы — отпустила обида. Принял Черарь непорочных в свой род, в свой дом. Простил. Но три года не ходил Мирчо на свадьбы и гулянья,

совестясь соплеменников: родная дочь ослушалась, стыд-то какой...

Я вспоминаю вполне искренние Белкины опасения, как бы кто ее не украл, и вступаю за Анжелу:

— А может, и не виновата она? Может, жених ее против воли увез?

— Ах, против воли и жену не возьмешь, — вздыхает мудрый цыганский барон.

Кстати, он пока не участвует

в соревновании на самую роскошную усадьбу. «Было бы здорово!» Хотя кооператив братьев Черарей — довольно состоятельная фирма. О ней также хватало спорных мнений.

— В жизни бы к ним не пошла — там цыгане всех эксплуатируют, — очень раздраженно сказала местная женщина.

— Эксплуатируют? — удивился Петя Моисей, завог райкома комсомола, и мечтательно закрыл глаза. — Пусть же меня так кто-нибудь эксплуатировал.

Из центра приехала комсомольская ревизия, и весь райком уже неделю почти круглосуточно что-то судорожно считал, пересчитывал, заполнял и отмечал. Комсомольцы из кооператива Черарей, судя по взносам, получают до семисот рублей в месяц. Петя — чуть побольше тысячи... в год. И кто из них больше угнетен — судите сами. Братья Черари не скупятся выделить средства на благоустройство города — сквер с фонтаном, церковь и т. д. Младшего — Валентина — за поддержку местной комсомольской организации даже хотели направить в составе делегации за границу. Валентина вернула домой чуть не с кордона — то ли

фотографию в паспорте он вклеил не туда, то ли не тем, то ли не свою. Жаль, конечно. С документами сорочане обращаются по-цыгански вольно, часто теряя. На встрече цыганской общности с начальником милиции Земцовым кто-то возмутился:

— Мы просим установить твердые цены на паспорта! А то что такое — то двести рублей давай, то двести пятьдесят, непорядок в государстве.

И были просто ошарашены, узнав, что «твердые» цены давно существуют — от десяти до пятидесяти рублей. Подвел «посредник» из своих.

...Мирчо торопится — у ворот ждет автомобиль. Даже в предпасхальный день, когда все цыгане на полную катушку готовятся к празднику, бизнесмену не до отдыха. Мирчо холодно-недоверчиво прощается. И почти в воротах я спрашиваю:

— Мирчо, а сколько вам лет?

— А сколько дадите? — наконец вижу искренний интерес.

Я «даю» на десяток меньше, не кривя душой. И створки недоверия мгновенно распахиваются. Передо мной совсем другой Мирчо — доверчивый, открытый, улыбчивый:

— Завтра праздник, приходи-те в гости, и мы сможем поговорить намного больше.

Теперь мне понятно, отчего на майках собственного производства братьям приятно читать свою фамилию «не нашими» буквами «Ferguson». Но, по-моему, маленькие слабости только украшают больших людей. А уж больше барона — разве только сам господь Бог.

— Вот сюда давай пять рублей, — гадалка извлекает из-под горы подушек книжицу в засаленной тетрадной обложке. Надевает очки и начинает водить пальцем по святым строкам:

— Было у тебя два «шапки». «Шапка», значит, мужчина, поняла? Два «шапки» — были? — поднимает она на меня пристальный взор.

Я, естественно, не собираюсь раскрывать свои карты, желая проверить мастерство гадалки. Отвечаю уклончиво:

— Ну, возможно... Смотри что иметь в виду...

Прорицательница принимает это как знак поддержки и довольно кивает головой, водя пальцем по строкам дальше:

— Был черный «шапка» и белый... Были?

Мы долго торгуемся, кого считать белым, а кого черным. К концу выясняется, что оба могут быть шатенами.

— Грамотные очень все пошли, — недовольно ворчит старушка.

Тут я начинаю оспаривать количество «шапок». На что гадалка резонно возражает:

— А может, он тебя хотел и виду просто не давал? Тогда ты ведь можешь о нем и не знать?

Она снова ведет пальцем по таинственной «арабской» вязи, которой так не соответствует приземленный жаргон:

— Одного «шапку» звали на букву В. Было? ...Ну, может, Витя, Вова, Вася...

— Валера, — продолжаю я ряд возможных имен.

— Ага — было?! — оживает гадалка.

— Не было, — отвечаю, как на духу.

Старушка раздосадована, и мне даже становится неловко — стоит ли за пять рублей издеваться над пожилым человеком.

— Может, В. — это не имя, а фамилия?

— А откуда ж я знаю, как там по-вашему — имя чи хфамилие?! Может, и хфамилие... А что, было?

— А-а-а! Наверное, это тот, второй, о котором я не знаю, — иду на уступки из уважения к старости.

Удовлетворившись доводом, бабушка все-таки меняет тактику, переходя от неудачной разведки к общим размышлениям — о коварстве «шапок», о том, как они нас соблазняют, что обещают жениться, а сами в кусты...

— Не подпускай к себе до свадьбы, потому что может потом и не жениться. А если уже подпустила, то смотри... Только аборт не делай. Может, потом еще и женится, так тоже бывает. Но лучше не подпускай...

Понимаю, что пора менять русло беседы:

— Вообще-то я и так замужем...

— Ну-у?! Дак что ж ты молчишь! Я тут рассказываю, а она молчит!.. Эх, ты!.. Что, и дети есть?

— Дочка.

Прорицательница деловито мусолит палец и переворачивает страницу:

— Ну, дак вот же, смотри! Так тебе и написано: «шапка» у тебя есть и «хустка», дочка, значит. А? Что?! — бабушка победоносно взирает, радуясь, видимо, как ловко она выкрутилась... И тут же сочувственно заглядывает мне в глаза:

— Пьет? Нет? Ну, значит, гуляет. Ты, главное, виду не давай, что знаешь. Придет домой, а ты с лаской к ему. Он, к примеру, злой, не смотрит на тебя, а ты уже и думаешь плохое. А ты не дуйся, у него, может, голова болит или на работе не так. Поласковой будь и не ругайся... А «хустки» у него нет никакой — вот, видишь, так тут написано... Это он просто вид делает. Все будет хорошо, если сделаешь, как тебе говорю, — так в святой книге написано.

Святая книга со своей загадочной «арабской» вязью вполне может быть брошюрой о вреде курения на армянском языке. Но это не играет никакой роли, ибо бабушка, скорее всего, неграмотна. По части же житейских советов старой цыганке не откажешь в определенной мудрости. По крайней мере, то же самое она от чистого сердца пожелала бы и своей родной дочери. И на том спасибо.

Наверное, мне просто не повезло — в любой профессии талант встречается не часто. Из чего не следует, что гадание невозможно в принципе. Была же знаменитая цыганка Маша, предсказавшая Пушкину в расцвете лет скорую кончину?!

Гаданье — традиционный промысел цыган. Сами рома не больно верят в чудеса, полагая, что это обычная работа, средство заработать на свой кусок хлеба с маслом. Без всякой мистики.

Ну, а другие источники доходов? Много веков торговали цыгане лошадьми. Но сейчас в Сороках не найдешь ни одного скакуна, ни одной кибитки кочевой... Следом пришло в упадок кузнечество. И за долгое время упорного государственного «расцыганивания» цыганам почему-то расхотелось петь и плясать.

Из всех исконных промыслов в условиях дефицита пышной ветвью расцвела торговля. Цыгане шумною толпой разбрелись не по степям Бессарабии, а по самым крупным рынкам, торгуя всем, чего нет, — от перца и ванили до «Сен-Лорана» собственного производства. Они знают, что в нынешнем сезоне тапочки местного пошива с руками оторвут на Курилах, а майки «Черари» — в Ялте. Они знатоки в «что? где? когда? почему?». За что их ненавидит обыватель и преследует Закон. Потому как барышничество, много веков считавшееся невинным занятием, у нас заклемили спекуляцией. И исторически сложившийся источник средств существования

автоматически стал преступным.

И я записываю в личное досье все прегрешения рома:

нарушение паспортного режима;

бродяжничество;

тунеядство;

спекуляция;

попрошайничество;

уклонение от воинского долга;

мелкое мошенничество...

Все ли из этих прегрешений преступны, если довериться не догмам, а лишь здравому смыслу? Конечно, закон есть закон, и нарушать его не дано никому. Но, наверное, не так уж он совершенен, если целый народ приходится «подгонять» под него, а не наоборот.

...Единственный русско-цыганский разговорник нашелся... в милиции. Разговор строился по привычной схеме: «Хочешь закурить?», «Говори по-русски», «Нам о тебе все известно», «Будешь говорить правду — суд учтет»... Язык, рожденный в следственных изоляторах и «каталажах». По ошибке многие принимают его за русский. Как и вся мировая цивилизация, цыгане больше всего пострадали от инквизиционного средневековья, которое не окончилось и в XX веке.

На этом я закрываю свое досье — всего лишь пародию на те, что некогда велись на многие нации. И верю, что когда-нибудь, отбросив предрассудки и стереотипы, мы поймем, что и без самых малых народностей планета людей опустеет...

Вероятно, мне стоило расставить акценты, дать всему uvedenному оценку и научить цыган, как им следует жить дальше. Но разве не вправе любой народ делать этот выбор сам?

Лариса САЕНКО

г. Сороки
Молдавская ССР

Фото Якова МЕТЕЛИЦЫ

по сути дела

Я хочу научиться делать протезы, работать там, где их изготовляют. Если вас не затруднит, ответьте, есть ли учебные заведения, где можно получить такую профессию!

Ольга, Свердловская область

В Ленинградском политехникуме им. М. В. Фрунзе (196159, г. Ленинград, ул. Растанная, 20) есть специальность «протез-

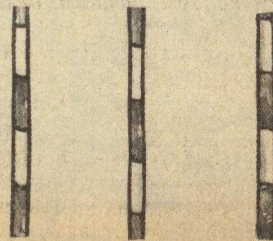
ПОРА УЖЕ
ЕХАТЬ В
ЛЕНИНГРАД!

ное производство». Выпускники получают квалификацию «техник-протезист».

Слесарей-протезистов, а также других специалистов, нужных на протезных заводах (шорников, блоковщиков), готовят непосредственно на производстве.

Сейчас решается вопрос об открытии на факультете транспортного и энергетического машиностроения Московского всесоюзного заочного машиностроительного института (107076, г. Москва, ул. Стромынка, 20) специальности «протезирование». Там будут готовить инженеров-протезистов.

предъявите
права!

Добрый парень — с большой дороги?

Идет телефонное
расследование

— Серого посадили ни за что — я знаю. Он не виноват, он оказался там случайно. Не брал он тех денег, слышите? Он никого не бил!.. Тут девушка всхлипнула.

— Что же произошло?

— Тогда, вечером, на катке — мы там часто бываем — к нам подвалили знакомые ребята. Они не из нашей школы, но Серега их знал. И я тоже. «Слушай, позови вон того, длинного», — это сказал Максим. «Зачем?» — «Поговорить надо. Должок за ним». Серега пошел. Длинный — из параллельного класса. Потом они все отошли в сторону. Было темно, я плохо видела, там, похоже, толкались. Потом вдруг те парни схлынули, а Длинный остался лежать на снегу. Я испугалась, но Серый сказал: «Пошли отсюда, я ни при чем, не будем связываться».

— Так что же случилось на катке тем зимним вечером?

— Те пацаны стали требовать у Длинного деньги. Ну, если не даст — в глаз получит.

— Это называется грабёж.

— Ах, ну они же не тысячу запросили — «пятерку», хо-

тя бы «трешку»... За три рубля — семь лет колонии?! Где же справедливость на свете?..

— Три рубля, три тысячи или три копейки — не имеет значения, сколько награблено. Судя по приговору, делали ребята это не впервой. Суд учитывает не сумму денег, а количество грабежей, их опасность для общества. На глазах у всех, ни с кем и ни с чем не считаясь, они унижали человека, наверняка угрожали.

— У одного из тех был нож, но он же им не бил, просто держал, чтобы поугадать. Да и «нож» — одно название, только ногти чистить, хотел бы, да не убьешь таким... А на суде его припомнили да так преподнесли!..

— Ну-у, какой бы ни был нож, пусть маникюрный, это резко меняет дело к еще худшему. Значит, разбой. Особо тяжелое преступление. Для несовершеннолетнего — до 10 лет лишения свободы, после восемнадцати — до 15, вплоть до высшей меры... И потом, я что-то не понял: парень упал, значит, его били?

— Максим и тот, второй, что с ним, да, они били. Даже когда упал — били... Его потом на «скорой» увезли, что-то внутри повредили, наверное, когда ногами... Я не оправдываю тех, вы не думайте... Вообще-то им правильно

дали, ну, колонию... С такими рядом просто страшно жить... Я сама вечером по собственному двору боюсь пройти... Но Серега совсем не такой. Он добрый, он любит своих рыбок... При чем тут Сергей?! Он не требовал тех денег. Он не ударил ни разу, все подтвердили — он просто стоял рядом!

— Нет, он не просто стоял. Он позвал парня, уже догадываясь, каким будет «разговор». На его глазах отнимали деньги, угрожали, избивали... Он не вступился, не попытался остановить — ни словом. Он бросил лежащего... Ваш добрый Сергей, который любит рыбок.

Да, он не подстрекатель, не организатор, и сам, скорее всего, не пошел бы на разбой, на грабёж. Но он стал пособником. Не оказалось у него за душой того, что взбунтовало бы при виде насилия... А о том искалеченном, униженном парне вы не думали? Быть может, на всю жизнь он останется инвалидом...

— Сочувствую. Но я-то при чем?

— Вцепиться бы вам тогда в своего Сергея, увести, помешать...

— Ну, и я бы схлопотала.

— А сейчас сидит он. Не «ни за что». За преступление..

Телефонное
расследование
вел. Святослав
Герасимович
ГОЛИК,
помощник
прокурора БССР,
советник юстиции

Напоминаем: прямая юридическая линия «Паруса» (номер 26-44-31 в Минске) включена каждый четверг с 15 до 18 часов. На ваши вопросы отвечают работники Прокуратуры БССР.

ГАЗЕТА

АЛЛА И «АЛЛА»

Нас четверо: Юра, Саша, Елена Петровна и Ира. И еще сорок восемь, ожидающих информации и любопытствующих, но всегда одержимых стремлением «принять участие»...

Минский фан-клуб «Алла» недавно переименован в Общество друзей певицы Аллы «Алла». Коротенькая история. Весна 1987 года. Четверка одержима идеей создания клуба. Уже с первых шагов решили отказаться от штампов, от «образа и подобия» иных фан-клубов и от дешевой популярности для себя. Задача — внести свою сильную помощь в дела Аллы Борисовны.

1988 год. Идея создания Театра песни Аллы Пугачевой

была похожа на рыбу, бьющуюся об лед свыше пяти лет. Мы немногими силами развернули кампанию по сбору голосов за создание в Москве Театра. Итог сбора — 25 тысяч подписавшихся, среди которых — В. Тихонов, Н. Гундарева, С. Федоров, Ю. Никулин, Н. Габриадзе, И. Смоктуновский, Д. Банионис, Ж. Агузарова, В. Кузьмин и многие другие. И вот Театр песни получил статус, а мы — слова благодарности. Как сказал директор творческой группы певицы Е. Б. Болдин, нынешний директор Театра песни, что нельзя было не услышать такого хора голосов. Итак, спасибо. И нам, и всем, кто помог в сборе подписей.

А это многие сотни поклонников, заочных членов общества «Алла». Некоторые из них, кстати, были найдены с помощью «Паруса» (тогда еще «Рабочей смены») в 1987 году.

Дальнейшие шаги «Аллы» менее глобальны, но не менее динамичны. Выпуск своего печатного органа — газеты «Пугачевская правда». Редакция поставила целью отразить на своих страницах творчество певицы и ее творческое окружение. Под эгидой газеты выпущено и рекламное приложение — журнал «Белая панاما» — как ответный «удар» по противникам и неприятелям пугачевской песни. Газета двухтрехлистная, с рекламными вставками, интервью, критическими аннотациями, материалами советской и зарубежной печати. Текст выполнен вручную тушью. Работа над макетом — довольно длительная и кропотливая. Благодарность немногочисленным единомышленникам, имеющих отдельные экземпляры, по которым они порой заново открывают для себя великую, на наш взгляд, актрису, являются достаточной компенсацией за наш труд. Конечно, очень желателен был бы больший тираж. Посему редакционная коллегия ищет возможность стать полноправной при каком-нибудь культурном центре, и спонсора, готового помочь, с сум-

АХ, АЛЛА Я ТОРЧУ

ПОМОГИ ОБЩЕСТВУ MEMORIAL

Адрес: 220033 Минск-33
Почтовый ящик 45
Редакционная коллегия
Минское общество «Алла»

ПРОСТЫЙ МНС РАКУ
В ПРОЦЕССЕ СБОРА БУДУТ
СЛЕДОВАТЬ ПОПЫЛКИ И РАЖИ
ПРОСТО МНС РАКУ

Пугачевская правда

Годовая подписка

№8

Трибунал переживов перестройки

Заявление

прямом смысле этого слова, а живого, работающего, действующего. Центра, банка информации творчества певицы, который, как нам кажется, необходим. Кто, скажите, кроме узкого круга «фанов» знает, например, о наличии у певицы двух медалей: бронзовой — от всемирного Совета Мира и золотой — от Всемирной Федерации фестивальных организаций за вклады в дело мира и гармонию средствами музыки? Ее именем называют морские лайнеры, ее портрет японская «Асахи Ивнинг Ньюс» помещает на полосе под рубрикой «Те, чья слава не меркнет». Итак, мы думаем, музей необходим.

Мы обращаемся ко всем, кто готов помочь. Кто готов потратить часы в поисках давней статьи в тиши библиотеки, кто бескорыстен и может чем-то поделиться ради правого дела музея: будь то фотография или старый буклет. Кто просто готов на доброе слово поддержки.

Будем рады и благодарны.

Юрий Тихонович,
председатель

220033,
Минск-33,
а/я 5. «Алла».

ка от аналогичных: тот же ассортимент, то же смущение девочек по ту сторону ряда, единственная особенность — плакат с надписью «Мемориал». Тут же — краткое знакомство с учительницей истории, организатором молодежной секции вышеозначенного общества, Волошиной Ольгой Игоревной, а также с...

Из разговора с Леной Бердочкиной и Наташей Исаевой, восьмиклассницами: «Свою жизнь надо создавать самим. Нас все считали детьми: «Ты не суйся, маленькая еще». А когда родители узнали, что занимаемся серьезным делом, относиться стали по-другому. С какими чувствами пошли к репрессированной в прошлом женщине? С любопытством. А еще растерялись... Когда знаешь, что человек прошел то, что не прошел ты... Боишься сказать лишнее слово, сделать ему больно... А еще — уважение. Почему не все приходят? Скорее всего, боятся черновой работы — ухаживать за больной старушкой не всякий пожелает. Может, придут потом на готовенькое... Мнение некоторых: «Собралась кучка идиотов...»

Из впечатлений от разговора: Две задумчивые девочки, которые не так уж давно пришли сюда, но сейчас уже не уйдут, и делают, и будут делать, быть может, не самую престижную работу, но такую, от которой кому-то легче вздохнется. Мы разговаривали с ними, а рядом продолжалась ярмарка, все деньги от которой пойдут двум людям, живущим на нищенскую пенсию, «чтобы они хоть месяц могли поесть нормально», как сказала Ольга Игоревна. Один из этих людей получил в 30-е пять лет как сын «врага народа», в 70-е — отравили совершенно психически здорового человека в сумасшедший дом. Оттуда он вышел уже инвалидом. Он хочет работать, хочет нормально жить, но, к сожалению, мы уже привыкли к тому, что наше гуманное общество не в силах помочь даже тем, кто в этой помощи более всего нуждается. В том числе, и этому человеку. Реальную помощь смогли оказать простые люди, даже дети — заплатив за сценарий, написанный им для школьной агитбригады (милостыню принимать он просто бы отказался).

Из разговора с О. И. Волошиной:

«В движении участвуют около 30 школ, в каждой школе — 1—2 человека. Провели опрос в но-

мемориал

ДВЕ ЗАДУМЧИВЫЕ ДЕВОЧКИ

Вкус чего-то могучего и значительного — в самом названии общества «Мемориал». «Молодежная секция» звучало несколько загадочно и многообещающе. Иллюзия грандиозности рассыпалась по мере приближения к стандартному зданию школы с красной полоской на фасаде в честь дня выборов. Однако сие здание совмещенно выполняло две важные функции в это воскресное утро: оно было местом выборов и одновременно — местом ярмарки. Несомненно, каждый, кто не так давно покинул свою школу, вспомнит хоть одну школьную ярмарку, где сами дети продают свои поделки и многочисленные печености с последующим перечислением заработанных средств в разнообразные фонды. Ничем внешне не отличалась эта ярмар-

БЕЛАЯ НАМА

ябре прошлого года: Сталин — процентов 10 ответили что-то вроде «выдающийся деятель». Косарев — никто и не вспомнил, что он был первым секретарем ЦК ВЛКСМ в 30-е. Троицкого вообще никто не знал!

Хотя что вы хотите от детей? Взрослые — сами сытые, одетые, обутые и равнодушные... На ярмарке одна нам: «Врете вы все, никаких репрессий не было».

ПИСЬМО: «В доме моего деда не один портрет Сталина, и все на самых видных местах. Думаю, снять их он бы не позволил, если бы мы попытались. И вот я что поняла уже давно для себя: в тех семьях, где нет погибших от репрессий или хоть как-нибудь пострадавших от них, Сталин — кумир, как ни страшно писать это. У нас нет никого репрессированных, но я ярая антисталинистка. Татьяна».

Конечно, до высокой политики они вряд ли выросли. Девчонкам достаточно сказать, что человеку плохо и ему надо помочь. Только потом будет пробуждаться интерес к истории. У них первое — чувство. Вообще эмоциональный настрой семьи, среды решает все или почти все. Складывается человек...

ПИСЬМО: «Вы надоели нам со своими врагами народа. Надоели все эти мерзостные рожи, перекошенные от злости и ненависти к истории пролетарского государства. У вас нет чувства меры, совести. Все ваши передачи в пользу врагов народа вызывают ненависть как к вам, так и к ним самим.

Вся ваша мерзостная пропаганда вызывает чувство неприязни как к вашим политическим покровителям, так и к клеветникам и очернителям. Этого никогда бы не произошло, если бы к руководству страны не пришли враги народа. Страшно сказать, но ваша агитация заставляет людей искать оружие против врагов социалистического отечества. Вы наше страшное сегодня, вы политические бандиты, и вам не будет пощады. Аганесов Сергей Владимирович, рабочий, г. Ашхабад».

...Его не переубедишь. Несомненно, своими действиями мы кого-то раздражаем, насту-

паем на «любимую мозоль», но мы не имеем права молчать, не имеем права не разобраться, тем более, что на нашу страну смотрит сейчас весь мир. Баррикад нет — стрелять не надо, надо спокойно разобраться, узнать все до конца, знать, чтобы понимать, чтобы действовать. Действовать на благо, но не обязательно во имя.

Из разговора с О. И. Волошиной:

«У нас пока — ликбез. Провешиваем и стараемся заинтересовать; устраивали и политическую игру по станциям: были у нас сталинская, национальная, кооперативная, неформальная станции — и везде командам надо было искать свой выход. Первый раз собрались 23 человека. В прошлом году 7 девятиклассников собрали 2,5 тыс. подписей в поддержку «Мемориала», выступали по городам и селам. Серьезная работа началась в феврале. Выбрали три основных направления нашей деятельности: помощь репрессированным, ликбез для ребят, агитация — помочь почувствовать связь времен. Даже не знаю, что самое главное...

Кто те ребята, что участвуют в «Мемориале»? Знаете, отличников, интеллектуалов там нет, их работы и они сами не появляются на ярмарке, они не поедут к большой старушке. А мои девочки, возможно, чувствовавшие себя часто неловко, они даже за этот один ярмарочный час чему-то научились, что-то лучше поняли. Конечно, для молодых что сталинизм, что динозавр — все в прошлом, потому что они сами тогда не существовали. Но, с точки зрения истории, эпоха культуры личности и застоя — не прошлое: 70 лет для страны все равно, что для человека 3 года. Вообще — существует ли прошлое? Не мной открыто, что прошлое есть продолжение будущего, а настоящее — лишь краткий миг. А если позади — зло? «Мы должны делать добро из зла, ибо все равно его делать больше не из чего». Кто это сказал?..

Как реагирую на ругательные письма в наш адрес? Письма — это эхо, болевой синдром: они нам сигнализируют о наших же просчетах. Осуждать же кого бы то ни было нельзя, нельзя поступать по принципу подобия и ворошить грязное белье друга друга. Весь народ не может быть виноват. И роль личности в истории была все же у нас сильно преуменьшена...»

ПИСЬМО: «Хватит все время оглядываться в прошлое и ворошить там все отрицательное. Нужно жить настоящим и будущим, а в прошлом пусть копаются историки. В. И. Матвеева, г. Махачкала».

А все же прошлого нет — есть продолжение будущего...

Внимание! Общество «Мемориал» нуждается в вашей помощи, общество стареет, а молодежная секция — пока только слабенький ручеек. Помогите великодушно и бескорыстно.

Г. УРУШАДЗЕ,
И. ЗЕЛЕНКОВА

ФУНДАМЕНТ ДЛЯ ХРАМА МИЛОСЕРДИЯ

В шестом номере «Парус» рассказывал об Обществе милосердия «Ленинград». Решив не завершать на этом тему, редакция командировала члена Малой редколлегии Александра Куликовича в Ленинград. И вот его отчет о командировке.

На этот раз в Обществе попасть оказалось труднее, чем в феврале, — у «Милосердия» появилось два официальных выходных. Еще одна новость — Алексей Лушников в обществе «Ленинград» больше не работает. Пришлось ждать окончания выходных и надеяться на лучшее. На этот раз в «Милосердии» царил атмосфера смеси ЖЭСа с инспекцией по делам несовершеннолетних, где часть служащих озабоченно ходила по комнатам, не реагируя ни на какие вопросы, а остальные усиленно совещались, закрывшись в

комнате, у которой с видом обреченных хулиганов ждали посетители. Мои попытки пробиться к совещающемуся начальству не увенчались успехом, я был отброшен в далекое завтра-послезавтра. Разговорившись с посетителями, я узнал, что они, прибывшие по делам милосердия, ожидают уже четвертый час, и с ними даже не хотят разговаривать.

Мысленно посоветовав за совещающемуся руководству прибить на двери табличку, как у Ильфа и Петрова: «СВОИМ ПОСЕЩЕНИЕМ ТЫ МЕШАЕШЬ ЗАНЯТОМУ ЧЕЛОВЕКУ», я решил позвонить Алексею Лушникову, чтобы получить ответы на распивавшие меня вопросы.

— Быстро приезжай, все расскажу, есть новости, — сказал мне Алексей.

При встрече выяснилось, что Алексей сейчас стал председателем общества «Молодежь за милосердие», созданного им с группой единомышленников в марте нынешнего года. Я и решил, что чем писать разгромную статью или восторженную ложь о «Ленинграде», лучше рассказать о новом. Когда поняли, что дальнейшего сотрудничества, такого, как хотелось бы, уже не получится, — Алексей и его товарищи пошли на естественный разрыв с «Ленинградом». «Молодежь за милосердие» была создана при содействии ленинградского

комсомола при такой организации как Центр Творческих Инициатив. Общество спланировано так, что является крайней противоположностью «Ленинграду», т. е. оно собирается зарабатывать деньги само и планирует в будущем полностью отказаться от спонсорских поступлений.

В новом обществе главное — компетентность человека в той области, которую он представляет, и это, считает Алексей, должно как-то гарантировать от провалов и проколов. Ведь Общество милосердия это не тимуровский отряд, здесь нужна планомерная, постоянная деятельность и поэтому финансовая независимость. Общество должно строиться на четких экономических законах — тогда оно жизнеспособно. Сейчас оно условно разбито на так называемые «группы поддержки». Руководит и корректирует работу групп правление Общества, мозговой центр, в который, кстати говоря, входит Борис Гребенщиков, являющийся еще и представителем Общества за рубежом.

Так была выдвинута идея создания первого в стране центра по социальной реабилитации детей, инвалидов и сирот — «Ленинградский молодежный культурно-просветительный центр «Храм милосердия». Он разрабатывает план действий и посылает в детские дома, интернаты, спецшколы своих людей, которые ведут там работу. Первое — трудоустройство и профориентация, то есть дать инвалидам профессии, которые не унижали бы их человеческого достоинства. Например, в Ленинграде есть ювелирный кооператив «Аншлаг», при котором открыта школа. В ней учатся около 20 инвалидов, и они уже получают стипендию от 100 до 500 рублей. Да и работа здесь

интересная — все-таки не конверты клеить.

Второе — культурно-информационная адаптация. Это, по возможности, посещение музеев, театров и так далее. Что не доступно инвалидам, переносится непосредственно к ним — встречи с деятелями культуры, науки, искусства, людьми интересными и могущими чем-то поделиться.

Третье направление — общение и досуг. Здесь работает своеобразная служба знакомства, ведь даже здоровому человеку трудно найти верного спутника жизни, а больной практически обречен на одиночество. Общество готовит к выпуску альманахов «Альтаир», в котором будут опубликованы произведения инвалидов и ранее неопубликованные вещи «знаменитостей» — Стругацких, Гребенщикова, Петрушевской, несущие идеи милосердия. По всем прогнозам, появление такого альманаха очень важно для читателей и к тому же принесет прибыль. Еще один пример самфинансирования: опытный литератор в двух школах учит ребят писать прозу, стихи и т. д. В одной школе — здоровые дети, и для них обучение платное. Денег этих хватает на зарплату литератору, чтобы он проводил те же уроки в другой школе, где учатся инвалиды, бесплатно.

«Молодежь за милосердие» старается проводить различные мероприятия, несущие идеи милосердия и по возможности приносящие доход. Так, в июле общество организовало выставку произведений «Ассоциации христианских авторов», которая прошла с успехом. Еще общество начало выпуск календарей-плакатов «Песни Бориса Гребенщикова», «авторские» от которых Борис передал «Молодежи за милосердие». Своими акциями

А ВЫ ЧТО
ДУМАЕТЕ
ПО ЭТОМУ
ПОВОДУ?

общество не только старается укрепить финансовое положение и, как следствие, расширить поле деятельности, но ставит целью поднять общий фон культуры, оздоровить атмосферу в обществе и, в частности, в молодежной среде. Людям хочется добра и любви. Так надо же кому-то учить любить и делать добро.

Будем надеяться, что все планы «Молодежи за милосердие» осуществятся и получатся действительно живая организация. И, как планирует Алексей, она полностью откажется от спонсорских пожертвований, т. е. «слезет с плеч и без того не богатых наших людей». Я верю, что молодежь может реализовать себя в добре, а не в гражданской войне. Сможем ли мы построить храм милосердия?

лит

П. Васильев

ПИСЬМО

Заяц сказал: «Письмо писать не хочу, в карты играть не хочу, в армии служить не хочу! Домой!» — говорит, — тоже не хочу!» И слопал последний наш кекс. Говорит, что у него с детства прекрасное зрение и что он постоянно смотрел у прохожих время. Он достал самый последний наш кекс и начал уплетать. Вот уж поистине обжора! Щеки так и ходят. Подвился. Это я на него долго смотрел («стоял над желудком», как говорит Заяц), и он подавился.

Знаете, я Заяца люблю, хоть он и свинья порядочная. Мы дружим. Мы с ним служим в рядах нашего доблестного Краснознаменного Тихоокеанского флота. Вернее, дослуживаем уже последние недельки. Заяц — сержант. Ему 23 года, выглядит на все 15 — толстощекий, с наивно-глупыми глазами, про таких говорят — телки. Телок, значит. Но он Заяц.

Жжет письмо. Точно — дурак. Обжег руку. Я ему обработал пальчик. Ноет. И все-таки жалко, что у меня кончился валидол. Хреново. Что-то покалывает. Придется клянуться у Бобика-шофера. Бобик-шофер отслужил всего год. И мне его жалко.

А хотите, я вам расскажу о Таисье? Это моя кошка. Я ее подобрал еще котенком в клубе части. И имя дал — Таис Самофракийская. Кормлю рыбными хвостиками и иногда, если достану, — молоком. Я ее тоже люблю. Даже очень. Заяц говорит: «Есть токсикоманы, а есть таськоманы». То бишь я.

А ночью мне опять приснился черно-белый лес. Разгребая замерзшими пальцами снег, худенький мальчик с большими ушами собирает в ладони бруски.

Черные деревья на белом снегу,

Черные птицы на неба белом листе,

Черные пятна глаз на побелевшем лице...

Пронзительно алые, кровавые капли ягод на ладони. Там, дальше — бабушка. Просит свежих ягод перед смертью. Даже не просит, а просто вздыхает: ягод бы, свежих ягод. И внук.

Внук не дослушал бабушку. Ведь правда, она даже не просила! Внук тогда убежал играть.

А потом, лет через десять, вдруг, ни с того, ни с сего появился этот черно-белый сон. Не было леса, не было деревьев, не было черных птиц-глаз, не было ягод на ладони. А сон все снится, снится! Все больше тревожа, пугая, бередя, заставляя метаться, проклинать себя... Знаете, бабушка умерла тогда тихо. Долго, бесконечно, казалось, долго умирала. Она потеряла зрение, слух, не могла говорить, ходить, шевелить руками. Лежала и вздыхала. Целых четыре дня. Понимаете? И умерла, так и не сказав ничего. Только плакала все время. Я-то теперь понимаю, что слезы были не из-за того, что умирает, а потому, что умирает вот так — ничего не сказав, не увидев на проща-

нье. Мне страшно! Я не могу долго думать об этом! А ягод из-под снега я не раскапывал. Вот так уж получилось. И черно-белый сон мне снится. Я не должен расплачиваться за бессердечность худенького мальчика с большими ушами. Но мне должен сниться этот черно-белый лес. Я без этого леса уже не могу. Потому что, исчезни этот сон, самоуверенный парень с большими ушами не пойдет за ягодами в зимний лес. А так я помню.

Не скажете, почему, когда сна нет, мы, двадцатилетние, не помним о том, как умирали наши бабушки? Или это только я такой, молодой, а со склерозом? «Со склерозом души», — как говорит Заяц.

А Заяц — умный пацан. Он иногда говорит стоящие вещи.

Знаете, мне иногда хочется умереть. Правда, зачем я живу?

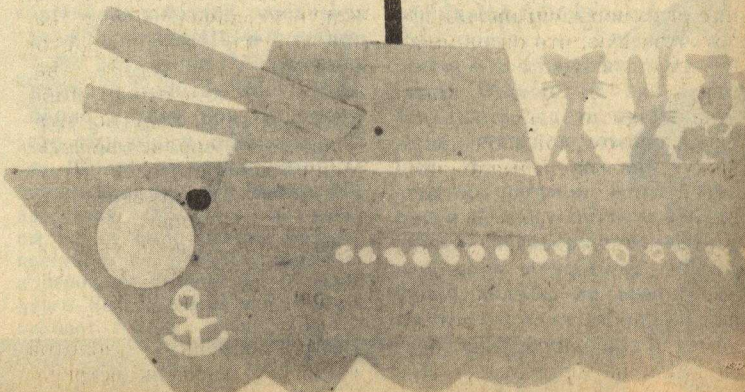
И знаете, у меня есть мечта — долго-долго ехать одному, в пустом светлом автобусе, по длинной-длинной светлой дороге.

Наверное, после армии я не вернусь в институт. А пойду в дом для престарелых. Все равно кем. Хоть горшки буду выносить. Или это мне сейчас так кажется? Хотелось бы, чтобы оказалось, что на самом деле я так хочу.

Заяц говорит, что я — дурак. Что я — ничтожество, и у меня жизнь — ничтожная. Что я мелоч, пытающаяся вбить себе в голову, что я — выдающийся.

А я на самом деле выдающийся. Хочу домой! А то я призвался в армию из института, учусь в Москве, дома не был 5 лет.

Схожу на бабушкину могилу. Я так давно не поливал цветы, которые там растут. А там растет жимолость. Знаете, это такие синие-синие цветы. Самые красивые цветы в мире. честное слово.

Слава богу, выговорился.
Теперь — спать.
Меня зовут Петя. Смешно?

абзац

«Как вы считаете: лидерские качества — врожденные или воспитуемые? Почему я задаю такой непривычный вопрос? Я недавно женился и оказался «подкаблучником». То есть лидер в семье жена. Теперь у меня растет сын, ему шесть месяцев. Что сделать, чтобы он не повторил моих ошибок?»

Во-первых, ты сам себя обозвал «подкаблучником», наверное, от какой-то обиды. Но это не значит, что так и есть на самом деле. Во-вторых, ты хочешь рецепта? Вот: «Сынок, ну-ка дай мамке по уху...» Если серьезно: «обрабатывать» надо не сына, а жену, чтобы не давила на ребенка. Нам кажется, что качества лидера воспитываются с большим трудом, поэтому брось комплексовать. Мужчина всегда может реализовать себя, если, конечно, захочет.

«В седьмом классе я переболела очень распространенной «болезнью» — неразделенная любовь. И после этого ко всем ребятам у меня одинаковое отношение. Я беру от них все, что можно: веселый вечер, ресторан, приятные разговоры, сигареты. Потом чувствую, что он от меня без ума, а я его уже не переносю. Завожу нового. Мне говорили: «Я тебя люблю», а потом: «Я тебя ненавижу», называли мадонной, змеей, грозили украсть, кричали: «Убью». Иногда мне снится сон: все ребята, которых я бросила, собираются вместе и идут на меня стеной. Я просыпаюсь, глотаю димедрол и сплю уже без снов. Где найти человека, ко-

торого я могла бы понастоящему полюбить? И произойдет ли это когда-нибудь?»

А где найти димедрол? Вообще мнения Малой рек-коллегии разделились. Сильный пол считает, что все кончено, человек «перегорел» и на любовь уже не способен. Слабый пол убежден, что все в порядке, у милой девушки впереди и настоящий человек, и любовь, и крепкая семья. Пусть немного потеряет.

«Почти для всех в классе я — девчонка-потребность. Нужна только для того, чтобы можно было списать домашнюю работу. Я поняла закон: если ты тихоня, то ты никто. А я не хочу быть невидимкой. Мне девчонки говорят: будь поблатнее, и тебя станут замечать. И я становлюсь потихоньку такой. Со мной стали больше общаться, мальчишки обращают внимание. Но как это обернулось! Все чаще нарываюсь на скандалы с учителями, полезли «двойки», записи в дневник... Зато я, как все?! Что же мне делать?»

Сама себя сломала, «подделалась» под массу, а сейчас плачет. Обмен совершенно неравноценный: человеческое достоинство на дешевую популярность. Человек, будь самим собой! Ищи свой круг общения.

«С детства я мечтал о юр-факе. Ненавижу жлобов и сукиных сынов. А сейчас эта гниль только в «органы» и лезет. Но я все равно поступаю на юридический. Клянусь, выбьюсь в начальники и буду давить всю сволочь. Хапуг и рвачей. Знаете, какие взятки можно брать? Ого-го! Вам, наверное, хватило 3—4-х взяток, чтобы наладить производство журнала. Где справедливость? Меня это просто бесит. Буду держаться, поступать и давить, давить, давить!!!»

Ого-го! Страшно, если такой человек действительно прорвется в «органы».

«Мой парень — золотой человек. Я таких не встреча-

ла и, наверное, уже не встречу. Самый искренний, хороший, добрый. Пьющий! Если нальют — пьет водку, спирт, одеколон, дезодорант и т. д. Если его не остановить, он сопьется. В этом тогда будет моя вина. «Парус», я тебя, как друга, прошу: посоветуй, что мне делать?»

Проведи эксперимент: кого парень больше любит — тебя или водку. Если водку — можешь прислать ему на дом венок с чентными ленточками. Если тебя — найди хорошего нарколога и устрой консультацию.

«Я получила «святое письмо» по почте. Там написано, что это письмо обошло свет 9 раз и мне надо переписать его и отправить дальше. Иначе меня ждет что-то страшное. Это наверняка неправда, но что ж мне делать с таким письмом?»

Пишем большими буквами: НЕПРАВДА. Теперь веришь? Ну, люди, в каком веке мы живем? Большая просьба: в редакцию «святых писем» не присылать, мы их не читая складываем в архив. Когда наберется достаточное количество, сдадим в макулатуру и купим что-нибудь приличное.

«Меня зовут Денисом. Хочу спросить у своих сверстников, да и у вас, взрослые товарищи, что это за жизнь такая? Мне 17 лет, учусь в школе. С пятнадцати лет связан с «бригадой», в 16 уже курил «химку», нюхал всякую гадость, сейчас почувствовал: мне СТРАШНО. Выходишь на улицу, идешь на «стрелку», где тебя ждут «друзья» и «подруги», после 20.00 идем «стрелять» хату или просто кто-то тащит магнитофон и кассеты с записями «Кинг Даймонд» или «Моторхед», потом к тебе подсаживается какая-нибудь «подружка» из кучи, и ты ее, как говорится, «разлазывает». И т. д., и т. п. Если что не по тебе — бьешь. Да, бьешь так сильно, что сам боишься, ты ли это. Если кто посильнее (а у нас ребята накаченные), то ты стара-

ешься с ними «крутануться», чтобы не получить по хारे. Я не знаю, как можно так жить!..

Была у меня девчонка. Она мне нравилась, во всяком случае. Я ее, если можно так сказать, берег. А через полгода узнаю, что она увлекается другими пацанами. Граждане, товарищи, люди! Неужели у всех так? Объясните мне хоть что-нибудь!»

Денис, ты не безнадежен. Ты сам понял, что не так живешь, решил написать. Сделай еще усилие. Надо открыть дверь и вырваться на свежий воздух! Только в 17 лет это и можно сделать (и нужно!). Но если не изменить себя (это труднее, чем поменять город, компанию и девчонку), то и там тебя ждет «химка», «стрелка», «хата», «друзья» и т. д., и т. п.

НОЧНАЯ РАБОТА

...Я возьмусь за работу
ночью,
И пускай их до белого дня
Обнимаются напрадую,
Пьют вино, кто моложе
меня.
Что мне в том? Непочатая
глыба
На два века труда предо
мною.
Может, кто-нибудь скажет
спасибо
За постылый мой подвиг
ночной.
А. Тарковский

Я сидела на полу, поджав под себя ноги, а вокруг летали дома и бродили разноцветные звери, и переплетение линий и пятен становилось ветром, и зонтики плыли под дождем... Уже два дня я была в Ереванском центре эстетического воспитания, ходила по мастерским, знакомилась с ребятами. Я перебирала рисунок за рисунком и не могла поверить в то, что это рисовали 5—6-летние дети. Работы их сверстников, которые мне приходилось видеть до сих пор, в основном ограничивались военно-патриотической или бытовой темой, а здесь, среди абстрактных и сюрреалистических композиций, я увидела Иисуса Христа

в окружении ангелов, Ноев ковчег среди волн...

— Скажите, у вас какой-то особый метод обучения или особенные дети? — спросила я художника Анатолия Папаняна.

— Да нет, мы просто стараемся не мешать ребятам. Они рисуют мир так, как его видят, а мы помогаем им лучше увидеть и понять, преподаем этнографию, историю религии, показываем репродукции картин. К тому же они учатся друг у друга — в одной группе есть и четырехлетние, и семнадцатилетние дети.

Ту же свободу творчества я увидела и в других мастерских, например, там, где стояли хачкары — камни-кресты с буквами армянского алфавита. Словно таинственные знаки проступали сквозь камень. Я не могла поверить в их сделанность. Казалось, сама природа позволила им прорасти, чтобы люди, осмыслив их, оставляли свой след на листе бумаги, прежде чем уйти навсегда... Я любовалась вышитыми панно. Смотри — подводное царство, где в зеленой воде плавают рыбы и немислимые чудища, и яркие бабочки, и рядом строгий силуэт церкви с острова Ахтамар. Но это еще не все — вот скатерти, вышитые гладью, крестиком и еще каким-то неизвестным мне, прямо-таки нерукотворным способом.

— Одну такую скатерть нужно вышивать 2-3 года, — рассказывает преподавательница. — Вот если сделает девочка скатерть до конца, не забросит, значит, будет она настоящей женщиной.

Услышав наш разговор, подошли сидевшие за работой девочки и стали показывать мне эскизы вышивок, многие из которых были перерисованы со старинных фресок. Каждая художница добавляла в изображение евангельского сюжета что-то свое, и это так органично входило в рисунок, что трудно было сказать, где кончалась легенда и начиналась фантазия. А знаете, как плетут национальные кружева? Называются они айнал — по названию старинного района Армении — и плетутся иглой из тончайшей нити. Глядя на кропотливый труд девочек и сказочные кружева, выходящие из-под рук, я со стыдом думала, что у меня никогда не хватило бы терпения на такую работу, не говоря уже о вышивке.

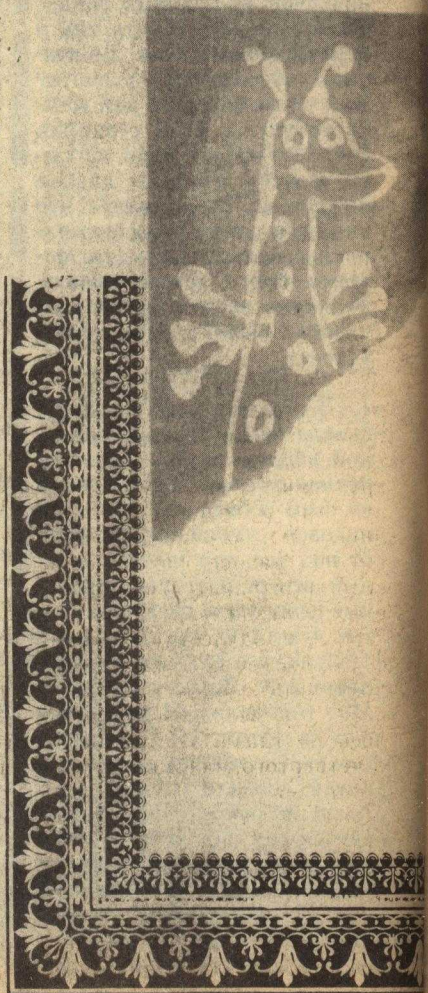
Когда я собиралась уходить, мне протянули книжку.

— Берите. Она, правда, на армянском языке, но здесь есть иллюстрации, так что вы все

поймете. К нам приезжала одна японка, так даже она по этой книжке научилась.

Я переходила от хачкаров к рисункам, от вышивки к кружевам и видела одухотворенные лица ребят, настоящих свободных художников, которым чуткие учителя помогают найти способ выразить себя. И не важно, что большинство из них, повзрослев, выберут другую профессию — любовь к искусству и творческая жилка будут проявляться во всем, чем бы они ни занимались. Будут и ребята, которые поймут, что творчество должно стать делом из жизни, и их судьба волнует меня. Что будет с ними дальше, после окончания школы? Этот вопрос я задала Анатолию Папаняну.

— В большинстве своем они не поступают в художественные институты и училища, рисуют в свободное время. Родители хотят, чтобы их дети получили постоянную профессию. А кроме того, поступить в художественное училище довольно сложно.

Собственная, нестандартная манера часто раздражает экзаменаторов, вот ребята и остаются за бортом.

Позже, разговаривая с учениками, я спросила у мальчика лет семи:

— Ты кем хочешь стать?

— Художником, — убежденно ответил он.

— А ты? — обратилась я с тем же вопросом к подростку, чьи рисунки мне очень понравились.

— Не знаю... Наверное, в политехнический... — пробасил парень.

— Мы хотим создать свой художественный институт, — вдохновенно рассказывал Папанян. — Чтобы там могли заниматься талантливые ребята и чтобы диплом нашего института был равнозначен диплому государственного учебного заведения, — и тут же оборвал себя, — но когда это будет, да и будет ли — неизвестно...

Я перебираю детские рисунки и не могу не думать о том, что будет с их авторами через десять лет. И я ухожу, а в спину мне смотрят нарисованные ими святые с детскими лицами и измученными от предстоящих бессонниц глазами.

Е. ПЕСЕЛЕВА

2.04.1989 г.

4 ч. 45 м.

почтовый ящик «Паруса»

ЭКСПЕРИМЕНТ НА 20 ЛЕТ

Я с детства, буквально с первого класса, усвоил пренебрежительный тон в общении с друзьями. И потому уже в пять лет я довольно сносно читал. Но, как ни странно, именно раннее развитие и сыграло отрицательную роль в моей жизни.

Чтение захлестнуло меня с головой, и я позабыл обо всем на свете. Поначалу я «поедал» все, что попадалось на глаза. Но, начиная с четвертого класса, во мне проснулся вкус, и я, как истинный гурман, стал выбирать и «проглатывать» жемчужины мировой литературы.

Тогда же я увлекся астрономией и в течение двух лет проштудировал около трех-

сот книг — научных и не очень.

В седьмом классе я впервые открыл «Трактат об аффектах» Юма и навсегда выбрал своим будущим философией. Я могу свободно цитировать Канта и Локка, но я до сих пор не прочитал «Три источника...» Я знаю, о чем писали Фрейд и Фромм, но руки так и не дошли до «Анти-Дюринга» (кстати, мне непонятно, как можно читать «Анти», не зная, о чем писал Дюринг).

Учителя меня стали побаиваться, а кое-кто и ненавидеть — я мог без труда парой простых вопросов загнать учителя в тупик — особенно астронома и обществоведа, уж они-то, конечно, не читали ни Тоффлера, ни Арона. Хотя иногда я им помогал вести урок, как мне казалось, обогащая их скудный материал концепциями «буржуазных» идеологов.

Долго во мне боролись два начала: одно, навеянное звездной астрономией и фантастикой (в основном зарубежной, наша, за исключением Стругацких, ничего и не родила, и второе, произраставшее из психологии Фрейда, футурологии Хейлбронера и психологии Маха и Спенсера. Результат: я — индивидуалист и скорее всего (не мне об этом судить) эгоист. Пренебрежение, если не сказать больше, к учебе в последние три года вообще привели к тому, что у меня, бывшего отличника, в аттестате за десятый класс оказалось несколько троек. Для меня это трагедия, и я понял, что дальше катиться некуда. Я остановился.

Я чувствую в себе оригинальность, стремление, может быть, даже талант (это говорить нескромно), но вся штука в том, что я предоставлен самому себе. Надо мной нет контроля. И душа, естественно, стремясь к энтропии (читай: лени), не дает трудиться, работать.

Для достижения цели необходимо:

1. Выбрать цель. 2. Тупое

упрямство. 3. Жесткий контроль. И что-то еще, чего не знаю.

Цель я выбрал: соединить вершину философии и вершину фантастики. Только ради этого стоит положить жизнь на жертвенник науки. Я понял, что только титанический труд может принести глубокие знания и развить талант, и я готов к этому труду.

Меня давно интересовало, властвует ли судьба над человеком или человек над судьбой. И чтобы раз и навсегда решить этот вопрос, я ставлю над собой эксперимент длиной в двадцать лет. Но одному мне не справиться. Я прошу вас мне помочь в этом. Вы будете моим арбитром и судьей. И через 20 лет спросите, достиг ли я того, чего хотел, или нет, и почему?

Я прошу вас напечатать письмо в журнале (хотя бы где-нибудь в углу), оно всегда будет мне напоминать о вас, о том, что через двадцать лет с меня спросят, что я все эти годы делал.

Я буду рад, если мое письмо разбудит некоторых от школьной спячки и заставит сбросить с себя ненужный груз снобизма и высокомерия. Пусть это письмо родит желание Большой, Огромной, может быть, даже непосильной Цели. Но пусть будет желание достичь ее.

Пусть это письмо будет мне напоминать, если я забуду, о Цели, раздражать, злить меня (если я захочу забыть). Именно этим оно мне поможет, одолеет хандру и слабование.

Прошу поставить под письмом только инициалы и больше ничего. Прошу сохранить в редакции мой адрес.

С уважением А. Б.

Оформление Сергея
СТЕЛЬМАШОНКА

Каждое утро после сортировки писем на столе вырастают внушительных размеров стопка — это стихи. Их присылают сотнями, а в «Парусе» всего лишь единственная рубрика, куда они имеют крохотный шанс попасть, — «Стихотворная тропа». И — не попадают. Желающих много, а места мало. И конкурс очень велик. Авторы получают ответ, а стихи уходят в архив. Обидно! Ведь это — стихи. Сырые, колючие, встрепанные, несовершенные с литературной точки зрения. В том ли дело! В них есть температура, которая выше нормальной. Этим ребятам есть что сказать.

Рубрика «Ищу друга» решила представить им свои страницы. Может быть, вам покажется — парни и девчонки мало рассказывают о себе, о своей жизни, увлечениях. Но сегодня за них говорят их стихи. Если захочется познакомиться ближе — пишите. Система остается той же — ваши письма, адресованные тому или иному человеку, мы перешлем.

862 ДМИТРИЙ ПОТАПОВ, г. Борисов Минской области

Перед вами — выпускник средней школы. Отдаю на суд свои стихи. Считаю, что критику читать очень полезно, особенно хорошую. Прочитайте и напишите ответ.

КЕМ ТЫ СТАЛ?

Ты был один, а стал со мной.
Ты мертвый был, а стал живой.
Ты волком был, а стал орлом.
Ты снег, что превратился в ком.

Ты дождь, что выпал за окном.
Ты чьих-то сочинений том.
Ты, как безрадостный монах.
Ты чувством стал с названьем «страх».

Ты стал, как туча вдалеке,
Что позже будет жить в реке.
Ты стал сильнее, чем был вчера.
Ты свет горящего костра.

Ты стал луной, чтобы светить.
Ты жизнью стал, чтоб дальше жить.
Ты ветром стал и улетел.
Но кем хотел, стать не сумел...

863 ТАМАРА, г. Горький
Мне 16. Когда слушаю Гребенщикова, Цоя, увы, возникает чувство собственной неполноценности. Почему я не могу так, как они? Почему не могу быть в их «тусовке»? Почему не хожу по улицам с цепью? Почему не могу небрежно, как они, сказать: «кайф», «шуты»? А жить хочется. Жить свободно, раскованно. Но эта моя скромность и провинциальность...

ДЕНЬ НАЧИНАЕТСЯ

День начинается новым листом из блокнота,
Новою строчкой — и ночь отползает в туман.

Я и не знаю, люблю ли сегодня кого-то,
Может, люблю, а быть может, все это — обман.
День занимается, строчка следов на тропинке.
Вот и сорока летит, чтоб о сплетнях трещать.
Может, глаза твои — просто холодные льдинки,
Может быть, просто ты хочешь меня целовать.
День начинается с пены тумана скользящей,
Я ухожу, чтобы снова забыть о тебе.
Может, и есть ты — тот самый, один, настоящий,
Может быть, вновь я придумала праздник себе...

864 В. Я.
Пишет вам радист, который отслужил в армии полтора года и который знает только одно, что 1990-й год он встретит дома. Живу мыслями о доме, считаю дни до приказа. Когда вернусь, всерьез займусь рок-музыкой. Если не получится, уйду в море радистом.

Я работал, казалось, целую вечность,
От усталости судорогой сводило душу.
А взамен — ни гроша. Бесчеловечность
Тех, кто думал, что я то ли лакей,
то ли шут.
Только шрам на душе оставят два года.
И не счесть луж тоскливых под осенним дождем.
...Пусть расплывчаты лица все на том фото,
Но оно уже вклеено в мой фотоальбом.

865 ВЯЧЕСЛАВ ЮРКИН, г. Саранск
Мы создали свою рок-группу. Теперь имеем возможность выступать. Мне 19 лет, и я считаю себя поэтом, хотя стихи свои никогда никому не посылал, не спрашивал мнения.

СЕРЫЕ ПОТОЛКИ

Если ты слаб, то твой потолок придавит тебя.
Если ты силен, то твой потолок все равно придавит тебя.
Я чувствую боль в затылке.
Это бьют серые потолки.
Истина не всегда в бутылке.
Но и не в Бутырках.

Но истину всем не найти!
Я заблуждаюсь? Скажи мне, в чем?
Я заблуждаюсь? Скажи, почему это так?
Почему мне мешают твои потолки,
Почему мне мешают чужие шаги?
Если кредо одних — невинные руки,
Почему у других невинны мозги?
Но мы сорняки!
Пусть бьются пустые стаканы!
Мы лишние люди, и нас отовсюду изгнали.
Но мы сорняки!
Но мы никогда не смолчали б!
Мы сорняки.

866 К. О. (псевдоним — Хэди Вольная), г. Ульяновск
Доброе утро, ребята!
Краткая справка: я ни во что и почти никому не верю. Много разговоров о жизни, а получается — мышина возня. По инерции меня еще лихорадит от правды. Но вдруг я подумала: если мир делится на черное и

красное, злых и добрых, кому-то надо уйти. Злые не уйдут добровольно. Чем же тогда все кончится? Был бы у меня друг, я бы для него жила. А за абстрактные идеи не хватает энергии бороться. Но это так, к слову. Перед вами — мои стихи. Я пока только слышала, что они «похабные». И никому не нужны. Вам тоже? «Хэди Вольная» ... Да какая я, к черту, «вольная»!

Я люблю выходить из рамок
И не вписываться в общие правила.
Я люблю на песке строить замок,
Чтобы был он покрепче каменного.
Я люблю отвергать все разумное,
Что порочит мне счастье и радости.
Я люблю неизвестно-безумное,
Где возможны подлоги и гадости.
Я люблю ходить неразведанным,
Неувиденным, неслышанным,
Тысячелетия назад мне завещанным —
Необычным и необыденным.

867 СЕРГЕЙ МЕРКУЛОВ,
Иркутская область

Ну, что о себе? Окончил восемь классов.
Главное увлечение — стихи.

НОКАУТ

Я боксер —
Распластан на ринге.
Лежу —
В гордом нокауте раскинулся.
В голове шум.
Мысли —
Их пять:
Первая — встать,
Вторая — лежать,
Третья — жить,
Четвертая — сдохнуть совсем,
Пятая — к черту все
И всех!
Тошно. Подымают.
Чувствую выбитый зуб.
На носилках в раздевалку.
Тело — труп.
Чьи-то рожи
В розовом тумане.
Все — кончилось сознание.
Отрубаясь.
Мания,
Чемпиономания
Беззубым рингом
Злобно
Скалятся.

* * *

Мне снилась сказка —
Я видел войну.
«Металлисты» и брейкеры
В одном строю.
Хиппи и панк,
Любер и рокер
Стояли рядом —
К локтю локоть.
Все на врага —
Нас много стало —
Под рев мотоциклов,
Под звуки «металла»!
Прошу вас, граждане!
Не бойтесь любера.

Он не обидит — он ласков.
Не придерется к вашему
Внешнему виду.
Советский любер
Совершенно безопасен.
Подарите «металлисту»
Кассету с «металлом»,
Приласкайте панка
Не против шерсти.
Тогда всем лучше станет.
Тогда действительно
Все будет вместе!
В самом замечательном
В мире месте!

868 АЛЕКСАНДРА АФАНАСЬЕВА,
г. Москва

Ваш журнал как будто создан для ребят
моего возраста! Просто здорово, что он есть!
Мне 17 лет, я немножко сочиняю и не знаю,
что мне делать со своими творениями. Не
знаю, кому их показать. Некоторые в юности
пробуют писать, а потом бросают. Может
быть, и со мной будет то же?

Ожидание страха страшнее, чем страх.
Ожидание смерти смертельней, чем смерть.
А ведь кажется просто — прямо стоять.
А ведь кажется просто — честно петь.

Ожидание боли сильнее, чем боль,
Ожидание дороги длиннее пути.
А ведь кажется просто — остаться собой,
А ведь кажется просто — однажды уйти.

* * *

Раньше ругали за джаз.
После ругали за твист.
Теперь ругают за рок.
Кто-то пришел с Севера,
Кто-то идет на Запад,
Кто-то уйдет на Восток.
Сперва появились амебы,
Затем родились динозавры,
Сейчас живет человек.
Летом росли листья,
Осенью сыплет дождик,
Зимой выпадет снег.
И кто же выдумал это?
Наверно, он был «с приветом»?
Но сделано, в общем, хитро.
И мы, сколько есть на глобусе,
Все едем в одном автобусе.
— Скажите, идет до метро?

869 СЕРГЕЙ ВАУЛИН, г. Среднеуральск
Свердловской области

Если рассказывать о себе, то начинать
надо с самого, наверное, главного — уже два
года пишу стихи. Люблю рок-музыку, играю
на гитаре и сам исполняю свои песни. Иной
раз мне говорят, что для моих 17-ти тексты
слишком резкие. Но сейчас иначе нельзя.

Вчера я был счастливым,
Сегодня все болит.
Веселье с перерывом,
А в перерыве — быт.
Но лучше в жизни длинной
Не с радостным концом
Быть изредка скотиной,
Чем вечным подлецом.

(Окончание на стр. 60)

ЗАЧЕМ НАМ ЭТИ ПУСТЫНИ...

— Будем эвакуироваться!

Эти два слова вылетели сами, моментально и неожиданно для меня. Водопад, увеличившись раз в десять, уже не просто бурлил — ревел, как раненый медведь, и с ненавистью рвался к двум нашим палаткам, которые испуганно прижались к подножию скалы. Все остальные ручейки, как только ударила гроза, мгновенно выросли в ручьи и, словно взбесившись, бурно неслись вниз.

— Будем эвакуироваться!

Весь день моросил нудный дождь, то сменяясь молочным туманом, то усиливаясь. Мы шли по азимуту, надеясь наткнуться на речушку Джурлу. Потом, думалось, легче будет найти водопад. Мы нашли его, остановились чуть ниже, у подножия миленького и элегантного лисенка. Кто мог предположить, что гроза превратит его в разъяренного медведя? Тогда, спускаясь к группе, я убеждал:

— Сейчас вы увидите красивейшее место и ахнете. Не было еще у нас лучшей ночевки.

И все действительно ахали, полушутя-полусерьезно, потому что водопад и вправду был удивительно красив. Возле него оставался крохотный пятючок сухой земли, вода, огибая его, катилась дальше вниз. Несколько огромных деревьев, которые только вершинами своими выглядывали из каньона, да старое кострище и козырек скалы, нависавшей над нами, дополняли картину и придавали ей законченность и неповторимость. Все было очень красиво. Все, но... не сейчас...

— Эвакуироваться!

Мокрые вещи летели в одни мешки, сухие — в другие. В палатке уже по косточки воды: стоим же как раз на склоне, все к нам стекает. Группа суетится, группа спешит. Опасность — вот она, беснуется рядом.

— А вдруг не затопит? — что-то предположение тонет в грохоте водопада. Все еще складываем вещи.

22.45. Вода в двух метрах от крайней палатки. Водопад бурлит и мечется все сильнее... Но теплится надежда: ведь стекает эта же вода, невелика речушка — метров 50 до вершины!..

23.00. Вода поднимается, приблизилась к крайней палатке сантиметров на 35. Меня охватывает дрожь. От холода? Вряд ли. Втискиваюсь в палатку, протягиваю руки к горячей свечке — они дрожат. Озноб охватывает все тело... Радует одно: все остальные пока успокоились. Они близко к водопаду не подходили, своими глазами не видели, с какой скоростью он увеличивается...

23.15. Вода прибывает.

23.30. Прибывает! Мысли мечутся, как сумасшедшие. Инстинктивно начинаю высматривать место повыше: может, туда перенести палатку? Но как ее на склоне, в темноте, под дождем поставить? Может, уйти? Но куда? Справа и слева крутые подъемы, вверху — водопад, по руслу тоже не спустишься. И вдруг осенило: а почему нельзя увеличить русло? Вода же падает сверху, огибает наш пятючок и исчезает внизу. Увеличение стока воды — вот наше спасение!

24.00. Вдвоем с Игорем Бышневым альпенштоками и топорами рубим землю: в зубах болтается фонарик, по голой спине хлещут холодные и злые капли. Вывороченные камни сталкиваем в мутный поток, и они исчезают мгновенно — русло увеличивается! Увеличивается, несмотря на то, что водопад ревет еще злее. Через полчаса с огромной радостью обнаруживаем: вода перестает прибывать... Последние усилия, ломается и уплывает альпеншток, но уровень

остаётся неизменным. Дежурство продолжается...

А утром снова удивительная красота: водопад — не нежный и тихий, но лисенок, каньон смотрит прямо на восток, и заспанное солнце лениво позолачивает листву, пробивается сквозь реденький туман, отражается тысячами золотистых искринок. Сказка! Мы бегаем с фотоаппаратами, каждый стремится увидеть что-то свое, самое необычное. Мы счастливы, что пережили такую ночь!

Почему именно она вспоминается мне чаще всего? Почему даже сейчас, когда рядом вновь упакованные рюкзаки, когда вокруг спокойно плещется Каспийское море, а паром «Баку — Красноводск», кажется, совершенно не движется вперед, мне снова и снова вспоминается эта ночь? Что ожидает нас впереди? Почему нам снова что-то не дает оставаться в родном городе, снова и снова тянет неизвестно куда, теперь — в туркменскую пустыню?

— Зачем вам эти пустыни, горы?!

Поезд «Кисловодск—Ташкент» уныло ползет вдоль границы: справа бесконечной лентой ползут столбы с колючей проволокой, слева пустота, лишь изредка появляются равнодушные одnogорбые верблюды. Случайный попутчик не унимается:

— Вот города — я понимаю. Москва, Ленинград или

даже Минск ваш. Там есть что посмотреть, есть чем заняться. А пустыня? Зачем она вам?

Что для нас пустыня? Мы выбираем маршрут, вырываемся из оков привычной жизни. Мы жаримся на солнце, несем на себе воду и радуемся, как дети, когда случайно наткнемся на колодец. Отходим от него, и песок оживает под ногами. Солнце и горизонты вновь становятся членами нашей группы. Сначала желанными, потом ненавистными. Мы боремся с ними, преодолеваем себя, и появляется чудо. Озеро сверкает, озеро манит, ласкающе шепчет и смеется. Судорожно разворачиваем карту и не знаем, чему верить: глазам своим или ей. А озеро плывет, отдаляется. Мы идем — оно в такт поматывает синим платочком, мы останавливаемся — оно сокрушенно присаживается, ожидающе поглядывает, подзадоривает: «Ну, что же вы!» Мы все в пустыне первый раз, протираем глаза и злимся на себя. Оно тоже сердится на нас и ехидно улыбается: «Это вам не Белоруссия..» Солнце равнодушно покачивается и потихоньку опускается. В этот момент оно не союзник наш, не враг. Посторонний наблюдатель. Вместе с последними лучами исчезает и чудозеро... Мы ночуем...

А потом хребет Большой

Балхан. После пустыни непривычно карабкаться наверх. Но гора Арлан впереди, как заколдованные, глядим на ее вершину, на телевышку и прекрасно понимаем, что не подняться просто не можем. Редкие грудки снега тают, и вместе с ними таем мы. На секунду присаживаемся, вытираем свои ручки. Где он, верх, где низ? Мы на полпути. Снова поднимаем, снова перед глазами только вибрымы впереди идущего, изредка протянутая рука, когда он считает, что нужна помощь. Мы поднимаемся. Мы приближаемся к вершине, и с каждым шагом все растет пустынное полотно, выползающее за нами. Но некогда оборачиваться. Мы идем шаг в шаг, и ветер, вдруг обидевшись невниманию к его персоне, начинает отчаянно цепляться за рюкзаки. Некогда отмахиваться, не до него. А он вдруг начинает заунывно тосковать о чем-то своем: то удивительно жалостно, то зловеще. Неужели его так никто и не выслушал, не понял? Мы на секунду останавливаемся. Но вершина манит больше, вершина притягивает сильнее десятков магнитов, и движение продолжается. Уже там, наверху, нам не до причитаний ветра. И лишь позже мы поймем: каждого манила вершина, а потом радость победы затмевала все остальное.

Мы хотим ощутить себя мужчинами, хотим проверить себя и своих товарищей в критической ситуации. Мы хотим увидеть что-то новое, необычное, хотим, чтобы наш город снова стал близким и дорогим, работа, привычные занятия — самими желанными. И они становятся.

Мы возвращаемся новыми людьми, включаемся в обычную жизнь. Все хорошо, все прекрасно, но через некоторое время образ бурной речки, непокоренной вершины или непройденного маршрута вновь завладевает нами. Мы не можем уже не идти...

Сергей ПЛЫТКЕВИЧ

Фото автора

«Надоело!!!»

Надоело читать о раскулачивании, голоде в 30-м, репрессиях в 37-м, лагерях и тюрьмах, о расстрелах и пытках, несправедливых приговорах и жестоких вождах...

Надоело читать о Сталине и сталинизме...

Это новый поворот, раньше шли письма о том, что «при Сталине был порядок», что «при Сталине были вера и энтузиазм», что «при Сталине снижались цены и не было проституции...» Теперь другая волна читательской почты: «Надоело!..»

«Хватит копаться в делах давно минувших дней,— требуют не бывшие вохровцы, не тайные осведомители НКВД, не те, кто «с песнями, борясь и побеждая», шли за любимым вождем, а шестнадцатилетние поклонники «Ласкового мая».— Хватает сегодняшних проблем — и личных, и всеобщих. В конце концов, Сталина уже нет, а народ — многострадальный наш мудрый и чистый народ — ни в чем не виноват. Что же мы вновь и вновь сыплем соль на только что затянувшиеся раны?»

Ну, что ж, замолчать и не упоминать о прошлом — нетрудно. У нас уже есть опыт такого замалчивания. Но давайте разберемся.

Ведь народ — сотни тысяч заключенных, но и сотни тысяч с охотой «стучавших», с пристрастием допрашивавших, с энтузиазмом охранявших.

Это сотни тысяч расстрелянных, но и сотни тысяч приводивших приговор в исполнение.

Это сотни тысяч реабилитированных, но и сотни тысяч дро-

жащих от страха, что раскроются архивы, и все узнают, кто на кого донес.

Это миллионы молчавших — при Сталине, при Хрущеве, при Брежневе — и молчавших сейчас: «Кто его знает, как все обернется завтра».

Генная память неистребима. Поколения рабов не могут родить свободного человека. Мы пожинаяем сейчас то, что посеяно тогда. Если полстраны сидело в лагерях, то стоит ли удивляться, что пацаны «болеют» блатной романтикой? Если донес на родного отца считался исполнением долга, то зачем поражаться черствости и жестокости, процветающим в нашем государстве? Если десятилетия царил принудительный бесплатный труд заключенных, то к чему делать круглые глаза: «Мы разучились работать!»? Если выселение из родных мест целых народов — включая грудных младенцев, — называлось справедливой карой, то какие еще причины национальной вражды нужно искать?

Не вырвав из себя корней этого прошлого, мы не дождемся ни новых посевов, ни новых всходов.

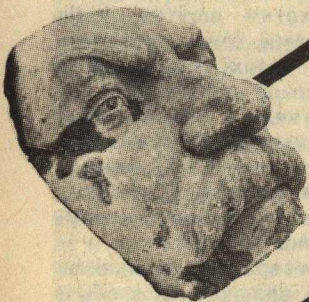
Надоело читать о том, что прошло? А жить по-старому — не надоело?

В тиши читательского зала главной библиотеки страны перелистывал пожелтевшие страницы газет 36-го, 37-го, 38-го, 39-го годов... И в тихом зале все нарастал гневный голос масс, требующих выявить и уничтожить врагов народа, шпионов и диверсантов, троцкистских собак, банды подлых наймитов...

Пробежал глазами многочисленные информации и корреспонденции: выявлен, разоблачен, приговорен... По фамилиям угадывал национальность: белорусы и русские, украинцы и грузины, поляки и литовцы... Признаюсь, в том нескончаемом списке

оглянься

«ОБВИНЯЕТСЯ»

врагов я не заметил тогда фамилии машиниста Минского локомотивного депо Иосифа Викентьевича Беганского. И только спустя три года, встретившись с его дочерью, белорусской детской писательницей Ядвигой Иосифовной Беганской, узнал правду о нем и его семье.

В ШПИОНАЖЕ»

После окончания в Минске филологического факультета Белорусского университета Ядвига Иосифовна начала преподавать русский и белорусский языки и литературу в школе, носившей имя председателя ЦИК А. Г. Червякова. Кроме того, занималась переводами и преподавала польский язык работникам ОГПУ, не предполагая, что спустя несколько лет предстанет перед ними совсем в другом качестве.

В мае 37-го, когда в семье уже подрастала маленькая Галя, арестовали мужа. Два дня шел обыск, искали какие-то документы, бумаги и, естественно, ничего не находили.

— Как я объясню, что не была на работе? — спрашивала Ядвига Иосифовна. — И вообще, могу ли я преподавать дальше в школе?

— Вот вам больничный, — один из тех, кто производил обыск, протянул ей бюллетень. — И никому ни слова.

А ночью снова раздался стук в дверь. На пороге стояли трое в форме: «Беганского квартира?» И, не глядя на оцененных домашних, предложили машинисту Беганскому одеться и следовать за ними.

Потом ей очень вежливо объяснили, что отец задержан до выяснения обстоятельств. Начальник железнодорожного отдела НКВД Глебов так и говорил:

— Ваш отец невиновен — все объяснится.

Однажды Глебов пообещал ей свидание с отцом. Взысканная предстоящей встречей, пришла она в кабинет к следователю.

— Паспорт у вас с собой?

— Зачем? — недоуменно спросила она. — Вы же знаете, кто я.

— У меня есть распоряжение вас арестовать.

Неожиданно куда-то отступил страх. Беганская сказала:

— Вы бы хоть сняли со стены портрет Ленина. Вы занимаетесь политическим бандитизмом...

И тогда Глебов ударил ее. Сильно, наотмашь, так, что маленькая и хрупкая молодая женщина очнулась на полу в другом конце кабинета.

Ее отвели в камеру, битком набитую женщинами, — недоумевающими, еще не знающими, что им предстоит. Начались допросы. Глебов, Дроздов, Зинеев... Следователи приходили и, устав, уходили. На их языке это называлось «держать на конвейере». Трое суток Беганской не давали спать. Она сидела на табуретке, руки за спину, и отвечала на одни и те же вопросы. Суть их: признать, что занималась шпионской, контрреволюционной деятельностью.

— Напишите, что я хотела убить Сталина, — в сердцах воскликнула она.

— Это нереально, — насмешливо сказал один из следователей.

Реальным же, по их мнению, было, например, то, что, занимаясь по просьбе председателя Совета Народных Комиссаров БССР Н. М. Го-

лодеда с его дочерью белорусским языком, она была завербована и принимала участие в антисоветском заговоре.

Ни голод, ни карцер — сырой каменный мешок — не заставили ее оклеветать себя и других. И тогда, вызвав на очередную допрос, ей сказали, что она приговорена к смертной казни и отныне будет находиться в камере смертников.

Беганская почувствовала, что сходит с ума. Решение пришло внезапно. Пусть нет у нее веревки, даже поясок, и тот отбрали. Зато есть коса. Крепкая, шелковистая, она вполне может заменить петлю...

Случай спас: надзиратель в тот самый миг посмотрел в глазок. В камеру были срочно вызваны сотрудники НКВД, и один из них приказал ей следовать за ним.

Они шли по двору. Была чудесная погода. Ядвига Иосифовна еще подумала: какой хороший вечер, вот сейчас расстреляют, и никто не узнает, как она умерла. И тогда она спросила своего конвоира:

— Вы где меня будете стрелять?

— Никто вас не собирается расстреливать, — ответил он неожиданно мягко.

Беганская не поверила. Но ее привели в комнату, в которую вскоре вошли трое во френчах.

— Вы знаете свой приговор? — спросил один из них.

— Меня никто не судил, — с вызовом сказала она.

— Десять лет лагерей в отдаленных местах СССР, — произнес бесстрастный голос.

Для Ядвиги Беганской началась долгая дорога в лагерь на Колыме.

Запомнилось ей, как в Москве их выгрузили из вагонов. Раздалась команда «Садись!» — шел дождь, и они опустились в жидкую грязь. Эта команда, а также «В колонну становись! Шаг вправо, шаг влево — попытка к бегству, конвой стреляет без предупреждения!» вскоре стали привычны.

В той же Москве был еще один эпизод — в санпропускнике, где они смогли, наконец-то, по-настоящему помыться. С наслаждением представляли тело струям теплой воды, смывая грязь, пот. И вдруг — переполох. В баню пожаловали какие-то чины в форме НКВД. Возмущенные женщины стали протестовать. Но чины лишь посмеивались, разглядывая обнаженных женщин.

К слову сказать, мыться в присутствии высокого начальства им пришлось почти во всех банях на долгом пути в колымский лагерь.

По пути она оказалась в огромном пересыльном лагере в Находке. В каждом бараке размещались на трехъярусных нарах по тысяче человек. От скученности и грязи начались эпидемии тифа и дизентерии. Почему-то гораздо чаще заболели и гибли от этих болезней мужчины. Чтобы как-то помочь им, некоторые женщины просились ухаживать за тяжелобольными в мужские бараки.

Одной из них была Надежда Витальевна Олицкая, жена эсера, расстрелянного в 1919 году. В девятнадцать лет она была арестована и с тех пор находилась в лагерях, потеряв всякую надежду на свободу. Но великодушие и доброта не изменили этой не по годам состарившейся женщине. Она стала добровольной сестрой милосердия. Однажды, вернувшись в барак, Олицкая упала на нары и разрыдалась.

— Сейчас у меня на руках, — захлебываясь, рассказывала она Беганской, — умер прекрасный человек. Его звали Бруно Ясенский.

Книги Ясенского Ядвига Иосифовна переводила на белорусский язык.

Наконец за ними пришел корабль, в трюмы погрузили мужчин и женщин. Как здоровых, так и больных. Судно взяло курс на Магадан. Умерших в пути сбрасывали за борт, и каждый думал, что, возможно, и ему суждено найти последний приют в морской пучине.

Не одну неделю продолжалось это «путешествие». Наконец ночью корабль прибыл в бухту Нагаево. Наутро их повели в Магаданский женский лагерь.

Вот «послужной список» заключенной Беганской — строительство первого на Колыме совхоза, работа в больнице, в детском комбинате, на лесоповале, на агробазе, в полеводстве...

В лагере встретила она известие о начале войны. Они были оторваны от всего мира, но работали добросовестно и самоотверженно — верили, что это необходимо для победы. И еще, пожалуй, в каждом жила тайная надежда, что, разгромив врага, страна вспомнит о невинно осужденных. Даже начальница лагеря во время митинга 9 мая 1945 года, поздравив заключенных с победой, выразила уверенность, что вскоре они вернутся домой. Увы, для Беганской и многих других часы продолжали отсчитывать время заключения, обозначенное приговором: десять лет — день в день.

Вернемся чуть назад. Еще в Минске, в тюрьме, она случайно встретила с сослуживцем отца. Тот рассказал, что машинисту Беганскому на допросе отбили почки, но он еще жив. Потом кто-то сказал ей, что отца приговорили к ссылке «без права переписки». Уже в лагере ей довелось поговорить с бывшим сотрудником органов внутренних дел (как известно, многие работники НКВД впоследствии сами оказались жертвами. К слову, был арестован и расстрелян Глебов, начальник железнодорожного отдела НКВД; в тюрьме, но уже в качестве заключенных, оказались и его подручные). Так вот, когда Беганская спросила у того, бывшего, что значит «без права переписки», он ответил:

— Мне страшно вам об этом говорить, но это означает, что ваш отец расстрелян.

Страшно многим из тех, кто «сажал», было не только говорить. Вместе с Беганской

в лагере находилась мать бывшего начальника Магаданского управления НКВД. Он застрелился, оставив записку: «Я больше не хочу». Ядвиге Иосифовне было странно и дико слышать слова матери этого, в общем-то, молодого человека, которые она повторяла как заклинание: «Хорошо, что он не участвует в этом».

Очевидно, пора рассказать о том, как сложилась личная жизнь Ядвиги Иосифовны. Своего второго мужа она встретила там, на Колыме. Как и Беганская, Михаил Яковлевич был осужден за контрреволюционную деятельность. Он служил на Тихоокеанском флоте и, к своему несчастью, очень хорошо рисовал. Во время инспекторской поездки Я. Б. Гамарника получил приказ от своего непосредственного начальства написать портрет заместителя наркома обороны и заместителя председателя реввоенсовета страны. Когда Ян Борисович был обвинен в шпионаже, то художника на всякий случай арестовали, а вдруг Гамарник завербовал и его.

Такая вот сложилась семья «врагов народа», каждый из которых был осужден на солидный срок в лагерях, естественно, с последующим поражением в правах.

Вскоре у Ядвиги Иосифовны родился сын, Владислав. Впрочем, вместе они пробыли недолго: мальчика забрали в детский дом. Им, молодым матерям, так и говорили: «Это не ваши дети, а государственные. Вы же только мамки».

...В первые послевоенные годы, когда до освобождения из лагеря оставалось уже совсем немного, Беганская начала получать письма и посылки от матери и сестры. О том, чтобы вернуться в Белоруссию, можно было только мечтать: после освобождения из лагеря путь ее и семилетнего сына лежал еще дальше, в Певек, где к тому времени находился на поселении муж. Лишь серьезная сердечная болезнь по-

зволила Беганской покинуть Чукотку.

Но и на этом не закончились скитания семьи. В Архангельске им было разрешено находиться лишь 24 часа. Потом, проживая не в Минске — в Речице, все время ждали стука в двери. И он раздался: Беганскую вызывали в Гомель, в органы госбезопасности. Полковник КГБ, которого (как и Глебова) она запомнила на всю жизнь, сказал:

— Я мог бы послать ваши документы в Речицу. Но мне хотелось на вас взглянуть. На вас — одну из женщин, которые прошли через все это.

Долго еще она тщетно пыталась вернуться в школу. В Министерстве просвещения сказали прямо:

— Вам школы никогда не видать. Вы же были десять лет в лагере и после этого хотите преподавать нашим детям?!

— Что же мне делать? — спросила она в растерянности.

— Ну, идите ситро продавать...

И тогда Ядвиге Иосифовна решила, что все равно будет служить детям. Она стала писать рассказы и повести для самых маленьких. Первая ее книга «Далеко на Севере» была издана только после реабилитации. Таким образом, в литературу Беганская пришла, когда ей исполнилось 46 лет.

Свой грустный рассказ хочу завершить словами Я. И. Беганской: «Восемнадцать лучших молодых лет мне пришлось провести в тюрьмах, лагерях и ссылках. Здоровье подорвано, совсем плохо со здоровьем. А так хочется жить, работать, особенно теперь, когда настали, наконец, времена полной творческой свободы, о которой мы так долго мечтали и в которую неизменно верили всю свою жизнь».

Валерий ДОБКИН

В одном из номеров «Паруса» я читала о техникумах, в которых готовят специалистов в гостиничном хозяйстве. Скажите, а есть ли у нас в стране институт, где можно было бы получить высшее образование в этой отрасли!

Татьяна Клецкая,
г. Харьков

К сожалению, до недавнего времени специалистов для индустрии отдыха у нас практически не готовили. В туризме и гостиничном хозяйстве работали выпускники экономических и географических факультетов, институтов народного хозяйства, то есть люди если не случайные, то во всяком случае не нацеленные на данное конкретное дело. В этом году в Сочи появился первый в стране Институт курортного хозяйства и туризма. Пока он работает как филиал Кубанского государственного университета. В этом году на первый курс приняли 150 абитуриентов. Ребята будут заниматься на факультете экономики по специальностям «Экономика и управление в социальной сфере» и «Экономическое и социальное планирование народного хозяйства рекреационных территорий» и на факультете культуры по специальности «Физическая культура».

Поскольку институт будет готовить специалистов не только для курортов Черноморского побережья Кавказа, а практически для всей страны, принимают в вуз всех желающих, однако хотим предупредить, что пока общежитием для студентов новый вуз не располагает.

Ныне в моде
вьетнамские
метелочки...

команда Оли Будиловой

НА ВСЕХ парах, скрипя от перегрузок, мчится карета земной цивилизации. Король Гомо Сапиенс I спешит, торопится, надаёт вождями изо всех сил.

Нет, он не зря прорывался сквозь тьму веков!

Сменялись геологические эры и эпохи, целые народы уходили в небытие, терпели крах общественно-экономические формации, а Гомо Сапиенс лишь укреплялся в своем могуществе.

На финишную прямую XX века он вырулил во всем своем технократическом блеске.

Столбы радиоактивной и прочей экзотической пыли, пускаемые время от времени Его Величеством в ясные очи остальной Природы, простираются до заоблачных высей, удавами расплзаются окрест и плотно зашторивают горизонт. Умирают леса, озера, реки, незабудковые луга. Умирают светлые грибные дожди. В жилых микрорайонах крупных промышленных центров смог примеривает свои черные смокинги.

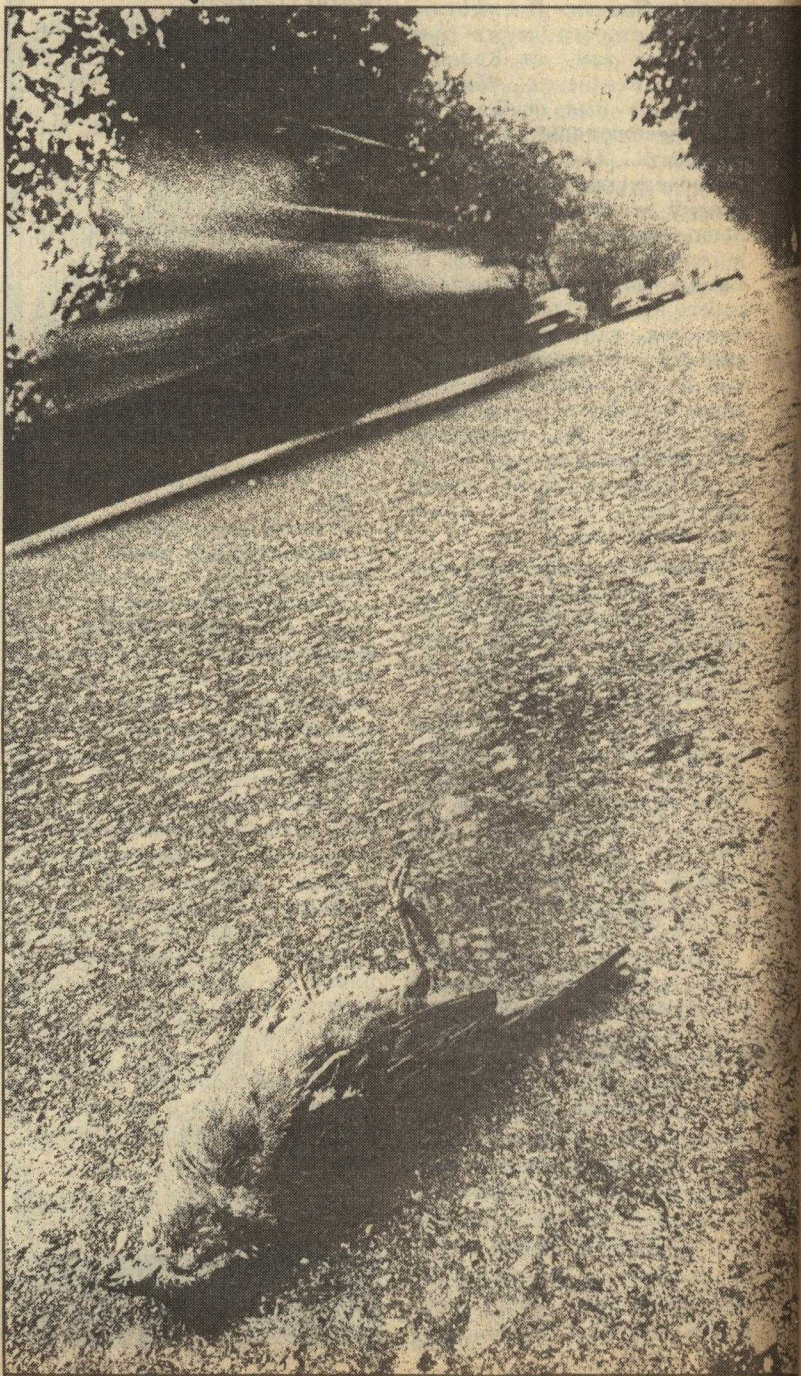
Похоже, как только Его Величество осознал себя достаточно энерговооруженным, он решил направить все свои усилия на то, чтобы сломать устоявшееся земное равновесие. Лихо задумано — лихо исполнено. В считанные годы почти все уникальные механизмы Природы разболтались донельзя. Планету стало бросать то в жар, то в холод.

Королю теперь уже далеко не все различимо впереди, не все ясно, даже в самой ближайшей перспективе. Однако, подстегиваемый извечным человеческим любопытством и неумной жадой преобразующей деятельности, он неотвратимо вынужден спешить в туманную даль.

А может, эта неотвратимость только кажущаяся? И еще есть время притормозить?

— Если безоглядная, дикая гонка продлится еще семьдесят лет, то Короля Гомо Са-

КУДА СПЕШИТ КОРОЛЬ— БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ

пиенса можно будет поздравить с прибытием на конечную станцию, — так изложил свою точку зрения на ситуацию гость нашей рубрики, заведующий отделом проблем адаптации Института эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР, кандидат медицинских наук, автор ряда новых экологических идей и проектов Александр Иванович СЫКАЛО.

— *Иными словами, вы предлагаете к 2000-му году «конец света»? Выходит, библейский прогноз имеет под собой реальную почву?*

— Все почему-то понимают «конец света» как некий единовременный акт. Представляют, очевидно, что однажды серым промозглым утром послышится страшный грохот, земля разверзнется и в одно мгновение поглотит континенты со всеми их обитателями.

Давайте посмотрим на вещи без мистики. То, что мы называем «концом света», для многих живых существ, обитателей планеты Земля, уже наступило. Вот совсем свежие сведения: в результате крупной катастрофы нефтеналивного судна, случившейся прошлым летом у побережья Аляски, животному миру здешних мест причинен невосполнимый урон. Например, обречена на скорое вымирание популяция знаменитого канадского орла, чье изображение украшает герб Соединенных Штатов. Мы, люди, жестоко хозяйничаем в земном доме, грабим, насилуем, самыми изощренными методами умерщвляем природу и при этом смеем надеяться на бессмертие своего собственного рода. Не абсурд ли это, не насмешка ли над здравым смыслом?!

Вот уже полгода я работаю в Минске, в недавно созданном филиале нашего академического института. Вижу, какая и здесь, в Белоруссии, напряженная экологическая ситуация. Это касается, к сожалению, не только района черной катастрофы.

Проблему глобального загрязнения с каждым годом усугубляют промышленные выбросы, автомобильный чад, бесхозяйственность. По сути дела, сегодня на земле уже нет такого уголка, где бы не чувствовалось стремительного приближения экологического кризиса. Так стоит ли говорить о 2000-м годе, как о роковой черте?

— *Александр Иванович, допустим, все мы осознали и готовы бороться с грозившей опас-*

ностью сегодня же, сейчас, немедленно. Но как, какими средствами? Записываться в отряды «голубых патрулей»? Становиться под флаги «зеленого движения»?

— А не кажется ли вам, что слово «осознали» мы произносим походя, легко, не углубляясь в его содержание? Если бы человечество на самом деле стремилось «осознать» всю степень грозящей беды, оно бы, подобно наркоману, не «садилось» с таким упоением «на иглу» удовлетворения своих постоянно растущих потребностей. Погоню за всевозможными благами мы, люди, довели до абсурда.

Я сторонник немедленных и решительных мер: необходима всеобъемлющая система экологического воспитания с принципиально новыми подходами. Почему бы, скажем, в Минске не организовать такой современной Центр?

— *О вашей идее создания в столице Белоруссии комплексного Центра экологического воспитания республиканская пресса уже писала. А не стоит ли за этим, извините за резкость, желание «удивить» мир? То есть, перепрыгнуть в фантастическое «завтра», минуя вопиющий от противоречий и парадоксов сегодняшний день?*

— С реализацией нашей идеи следовало бы потропиться не для того, чтобы «удивить» мир, а чтобы попытаться этот мир спасти.

То, что вы называете скучным, на самом деле призвано потрясать сердца, побуждать к действию в защиту Природы.

Помните, как наши ученые совместно с коллегами из-за рубежа настойчиво моделировали идею «ядерной зимы»? И неоспоримыми теоретическими расчетами и фактами они доказали, что в ядерной войне — ограниченной или глобальной — не может быть для человечества иного исхода, кроме гибели.

Мы, инициаторы создания первого в стране Центра экологического воспитания, хотели бы доступными средствами смоделировать идею «экологической зимы». Причем, не только показать степень деградации живой Природы, несовместимость экологически грязных технологий с жизнью как таковой, но и практические пути выхода из кризиса. Мы хотим пробудить засыпающую человеческую Совесть. Пробудить не призывами, а действующей моделью

вот этой самой «экологической зимы».

Основу Центра составит зоологический парк ландшафтного типа (его строительство в Минске уже запланировано), возможно, в комплексе с дельфинарием. К нему примкнет ряд блоков. В аудиторию школы, ПТУ, вузы получат возможность проводить наглядные экологические уроки. В компьютерном разместится банк экологической информации, связанный с аналогичными системами в других странах. Практическими разработками новых, безотходных технологий займутся специалисты научно-технического блока.

Это будет первый в стране комплекс экологически чистых инженерных решений. Ни один блок здесь не будет действовать вне гармонии с природой.

— *Так ведь не уложится в оставшиеся для решительных действий 7—10 лет! С нашей-то финансовой немощью и бюрократической глухотой создать такое экологическое чудо... Извините, не верится!*

— Мне бы тоже хотелось получить все в готовом виде. Но увы! Нужно закатывать рукава и работать. Заручиться широкой общественной поддержкой. Мое предложение: давайте «пробовать» идею вместе. Кстати, «команда Оли Будиловой» по своей сути может быть одной из первичных ячеек задуманного нами экологического Центра. Нужно шире привлекать читателей к борьбе за жизнь Природы. Земля гибнет, а мы в своей массе пока что — безучастные созерцатели.

На всех парах мчится карета земной цивилизации. Заслышав ее приближение, все живое шарахается прочь с дороги.

Не надо иных антимиров — вот они, рядом. Грохот металла в зловонном чаду — по эту сторону, трепещущие в ужасе сердца братьев наших меньших — по ту.

Самозванный Король Гомо Сапиенс Фабер (человек разумный, созидающий) в раздумье. Есть ли смысл продолжать столь рискованную гонку в гордом одиночестве?

Беседу вел
Валерий ПЛЮСКОВ

Фото Александра ЛЕБЕДЯ

трубка мира

МИРЫ — КУМИРЫ

Отчет о работе
редакционного телефона
доверия

— Вы помните Нелю?

Она говорит это каждый раз. Я поправляю: «Нелли». — «Нет-нет, Неля. Я совсем девочка не «пай», но это не имеет никакого значения».

«Девочка не «пай» мучается Леонтьевым. Счастлива — когда удается раздобыть новую фотографию. Несчастлива — когда пресса «шуршит» гнусность по его адресу. Чаше всего именно тогда и раздается звонок:

— Вы помните Нелю?

— Привет! Что еще произошло?

— Понимаете, Светлана Николаевна...

Я-то понимаю, но не всегда могу развеять тоску. Бедолага. В то странное лето между восьмым и девятым классом они с подругой крутили на «видные» «Музыкальный ринг». И Леонтьев, который был просто приятным певцом, а иногда приятным во всех отношениях, ну уж никак, чтобы больше, запад в душу. И началось, и покатилось... Чем дальше, тем серьезнее, и она не знает, как это назвать, если учесть, что слово «кумир» Нелю просто бесит. Она забыла, как жила до этого времени и жила ли вообще. В чем-то стало легче: мелкие житейские проблемы перестали волновать. Неля училась и даже «беспрекословно, что на меня не похоже, выполняла общественные поручения». Но была вторая реальность, о которой не подозревали до поры до времени ни родители, ни друзья. Засыпала при включенном магнитофоне. Жадно всматривалась в каждую его фотографию, стараясь отыскать то, чего

раньше не замечала: родинку, морщинку. Он был — живым. Ей нужно было видеть, как меняется его лицо, интонация, настроение. Стала писать ему стихи и складывала в коробку из-под зефира. Он стал другом и советчиком. Учила английский так, как будто разговаривала с ним. А учителя ставили пятерки за прилежание.

Прошла зима. Летом ездила в те города, где он выступал, передавала записки со своими координатами, вкладывала в цветы письма. Ничего не вышло. Потом, уже в десятом классе, понравился один парень, и нравился недели две, пока не пришло

в голову сравнить его с ангелом-мучителем. Конечно, второй был в тысячу раз лучше. Она испугалась, что останется на всю жизнь одна, и додумалась до мысли: я могу дружить с парнем, который бы относился к Леонтьеву так же, как и я. Может быть, она полюбила бы этого парня, но... как бы тут выразиться... другой любовью. Плотской, что ли.

Пыталась ли Неля свести счеты с жизнью? В общем, да. Об этом никто из близких не знает; сама себя выручала. В какой-то предпоследний момент на поверхность сознания выплывала фраза из интервью с ним: «Мне нравятся люди, которые не перекаладывают свои проблемы на чужие плечи». И это был спаскруг, потому что она сразу вспоминала про маму с большим сердцем. Мы перепробовали с Нелей несколько вариантов отвлечений, но «отвлекалась» в надувной лодке или танцевальной студии, она все равно думала о своем.

— Что за наваждение, Светлана Николаевна? Мама твердит, что мне «споделили», а отец покрикивает: «Не трогай ее, как влюбилась так и разлюбил!»

— Это не влюбленность. Влюбленность — состояние неустойчивое и действительно проходит. Увы.

Давай, Неля, поговорим «за жизнь».

— Какая наша жизнь! Вчера, например...

И рассказывает. Стояла в очереди за босоножками. Такие легкие, черт те что и сбоку — маленький бантик.

езда, воля, чтобы проникать на самые недоступные концерты, но нет духа остаться одной. Именно так: есть душа, но нет духа.

Душа — это кровь, дух —

Импортные. Еле живая, выбралась с коробкой на волю. Возвращалась в автобусе. Люди липкие, потные. А лица... Нет ничего хуже, чем лица в автобусе. Дома заперлась в своей комнате... Его фотография — воплотился. Смотрит он на нее, грустно так улыбается, все понимает...

...О чем я размышляю, слушая Нелин монолог? Сейчас попытаюсь сформулировать. С чего бы начать?

Итак, лица. Лица в автобусе и его лица. Там мрак, здесь — свет. У-рав-но-ве-ши-ва-ни-е. Леонтьев с фотографии конденсирует то, чего нет вокруг. А вокруг Нели — обычные люди, ломаные, крученые; если умица, то подлец, если порядочный, то зануда, и т. д. А «Леонтьев» всегда прекрасен. Ну как удается ему выдержать эту жизнь «под прессом суровой действительности»? Значит, есть способ сопротивления — очередям, давкам, несправедливости, погоде, мату, стрессам, усталости, чужому и чуждому мнению, сплетням... «Не хочу становиться раздраженной пошлой бабой с вепозными ногами!» Верно, надо сопротивляться «заедающей» среде, иссушающей обыденности, подлому быту. Вопрос в том: как? Не каждый умеет жить без крика, без злости, по-человечески. Духа недостает.

Все есть у этих девочек: характер, чтобы сутками дежурили у заветного подь-

езд, воля, чтобы проникать на самые недоступные концерты, но нет духа остаться одной. Именно так: есть душа, но нет духа.

Душа — это кровь, дух —

это пот. Душа, понятно, то место, где болит Дух... По мне, так это постоянное напряжение, узда над инстинктами, опора в себе самой. Говорят же, сломался человек. Это его внутренняя опора рухнула. Ну, а если ее и вовсе нет, начинаются поиски на стороне, что вполне естественно. Это поиски устойчивости в нашей штурмящей жизни. Лететь, как птица по воздуху, можно, конечно, но и птице приходится от чего-то отталкиваться.

Однако почему опорой для слабых духом (подчеркиваю: говорю именно о таких) стали Леонтьев, Пугачева, Цой, Гребенщиков, Кинчев, Бутусов, Шатунов? (Господи, какие они разные, несоизмеримые, но, тем не менее, сведенные в этом ряду — «скованные одной цепью»). Почему не кто-то другой?

А кто другой? Замотанные родители? Литературные герои? (Вот уж совсем смешно. «Кто назовет хотя бы одну новую книгу, которой зачитывались бы подростки? Ее уже лет тридцать как нет, если не больше», — пишет в «Новом времени» С. Соловейчик).

Было время, и многие опирались на такую систему жизненных координат: «Не убий!», «Не укради!», «Не лжесвидетельствуй!», «Не желай жены ближнего своего!», «Не суди!». Но мы испровергли все былые авторитеты и абсолюты. Хотели построить «наш новый мир» на пустыре и сделать «никого» «всем». Долго делали. Все было временное, переходное, строящееся, развивающееся. Ломали, потом реставрировали. То ставили памятники, то закапывали их

в землю. Запутали много человека до того, что он жил, не веря ни себе, ни другим, ни дню сегодняшнему, ни дню завтрашнему.

Но мы знаем, что в эти же годы были и другие люди, хотя их стремление во что бы то ни стало жить по совести и верить в честность и правду плохо подкреплялось извне. Тем не менее, я хорошо помню человека, который откалзался защищать диссертацию, когда узнал, что она построена на ложных фактах. Никому более эта истина известна не была, и защита наверняка завершилась бы банкетом. А он положил диссертацию в ящик стола и остался мээээсом. А был бы уже профессором.

Однако вернемся к тем, которых я назвала слабыми (что само по себе не порок и не преступление: вещь, достойная понимания и участия). Кто-то из них, «делая жизнь», выбрал Шварцнегера. Кто-то — обеспеченного соседа. Очень, очень многие ушли в рок-н-ролловое язычество, обеспечивающее определенное нравственное параметры. Можно только гадать: Гребенщиков — Дажьбог? Пугачева — Ярило? А кто Цой, Серов, Пресняков, Сандра, Мадонна — несть им числа? (Упадок кинематографа очевиден еще и тем фактом, что кроме Дмитрия Харатьяна, Тимофея Далтона и Митхуна Чакраборти выбирать некогда, не то, что раньше).

Цой. У него лицо — идея. А сам — как заведенная пружина. Человек, замкнутый в себе и замкнутый на себя. И при всем этом отдающий предпочтение вечным ценностям: «Я не хочу победы любой ценой. Я никому не хочу ставить ногу на грудь», «Я один, но это не значит, что я одинок», «Электрический свет продолжает наш день, и коробка

от спичек пуста. А на кухне синим цветком горит газ. Чай на столе. Сигарета в руке — эта схема проста». Какая же это песня? При чем тут песня? Это проповедь. Программа жизни. Мир с разветвленной сетью коммуникаций и связей. Все в нем уже создано: пол, потолок, состав воздуха, весы и меры. Входи (можно без стука) и оставайся. Что многие и делают, находя в этом мире утешение, компенсацию своих комплексов и просто жизненные прописи. Неужто бесплатно? Лукавлю: бесплатно у нас уже ничего не осталось. И здесь цены назначены: невозможность полного соединения со своим божеством, хотя он бывает в полуметре от тебя, что особенно больно; оскорбление божества другими людьми, саморазоблачение кумира. И девочки платят адовыми душевными муками, в отчаянии пишут письма: «Что же делать?».

А ничего. Если не может человек без «костыля», без опоры, без иллюзии, то зачем же их выбивать? Пусть витают миры, а мы — в них. Пройдет время. И однажды утром этот мир покажется нам тесен, как одежда, из которой вырос. И однажды утром пространство внутри души разрастется до таких размеров, что одному

божеству будет в нем пустынно и неуютно. Но в любом случае не стоит изгонять святого из придуманного рая. Бедные девочки часто делают это сами — своим прикосновением к настоящему Леонтьеву, Боярскому, Глызину... У нас много таких писем-свидетельств: желанная встреча обернулась катастрофой. Духовная реальность, в которой человек жил продолжительное время, рассыпалась. А с чем же жить дальше?..

Ну вот, себе я, по крайней мере, кое-что объяснила. Теперь самое трудное — разговор с Нелей...

Светлана Николаевна

Напоминаем: телефон доверия принимает звонки по понедельникам (кроме праздничных дней) с 17.00 до 20.00 по московскому времени. Номер в Минске: 20-41-30.

Постскриптум. Все-таки не могу не «пристегнуть» к отчету два письма, которые кому-то будут полезны.

1.

Когда я полюбила Томаса Андерса, начался весь этот кошмар. Я не хотела учиться, плала и курила, грубила... Но вот я узнала, что у него есть любимая жена, и задала себе вопрос: «А я смогла бы быть его женой?». И я взяла Нору в идеал, вообразила все ее достоинства. Бросила свои дурацкие привычки, все ужасное, что было со

мной, добилась уважения (хоть и с трудом), начала снова заниматься. Томас дал мне новую жизнь. Случилось чудо: я встретила парня, очень похожего на Томаса. Мне кажется, останься я той, которой была раньше, вряд ли нашла бы с ним контакт. Теперь я верю в себя.

Инна К.

2.

Жизнь сложилась так, что возникла необходимость в добром ангеле, в чем-то сильном, светлом. Затем этот ангел приобрел конкретные очертания вратаря нашей популярной команды. Он живет в Москве, в нескольких шагах от моего дома. Но пока мне не везет, я вижу его только по телевизору. Ко всему, что со мной происходит, отношусь очень спокойно. Я понимаю: самовнушение — великая сила, и с ее помощью можно вконец свихнуть себе мозги. Я знаю, что если встречу его, он вряд ли захочет со мной говорить. Милые мои, да, мы не косые, не хромы, не кривые (я, слава богу, почти красавица). Но мы серости. А он индивидуальность. Представьте себя «звездой», а его — туда, вниз, на свое место. Вот вы увидите его, серенького, в толпе поклонников. Подойдете? Так что есть два способа: или ему опуститься (скажем, «выйти в тираж», стать никем), или самой подняться, стать такой, чтобы он заметил и оценил. Никому не навязываю свое решение. Но я хочу хорошо окончить школу, медицинститут и стать спортивным врачом. И, быть может, мы встретимся уже как коллеги.

Юлия

по сути дела

Я знаю что в Московском гидромелиоративном институте есть факультет — космическая геодезия. Какие экзамены нужно сдавать и каких был конкурс в прошлом году!

Татьяна Шевцова,
г. Махачкала

Вы ошибаетесь, не в Московском гидромелиоративном, а в Московском институте геодезии, аэрофотосъемки и картографии на факультете прикладной космонавтики есть специальность «космическая геодезия». Вторая специальность этого факультета — «исследование природных ресурсов». В 1989 году абитуриенты факультета прикладной космонавтики сдали на вступительных экзаменах два конкурсных экзамена — математику устно и письменно и один внеконкурсный — сочинение.

Конкурс по поданным заявлениям на специальность «исследование природных ресурсов» составил 2,7 человека на место. На специальность «космическая геодезия» — 2,5 человека

на место. Однако хотим предупредить, что по этой специальности набор идет только среди юношей.

Ведущий рубрики —
директор Таллиннской школы
менеджеров
Владимир Тарасов

— Владимир Константинович, во вводной беседе (см. «Парус» № 9, 1989 г.) мы обещали читателям, что поможем им выявить у себя задатки делового человека, потенциального организатора производства. Но возможно ли это в 15—17 лет?

— Имя Роберта Оуэна вам что-нибудь говорит?

— Английский социалист-утопист...

— ...и великий менеджер, создатель серии эффективных управленческих приемов. Его деловой талант проявился уже в 17 лет. Есть еще аргумент — из нашего времени: 16-летний управляющий банком.

— Значит, прецеденты есть. Ну, что же, тогда, как говорится, ближе к теме. Как статья Роберта Оуэном?

— Для начала предлагаю приглядеться к себе, оценить свою роль в классе, группе, «команде». Если вы поймаете себя на том, что можете предсказать ход событий, прогнозировать, что выйдет из намерений других, строите планы и просчитываете варианты, у вас есть шанс стать деловым человеком.

— Не услышал слова «лидер», «сильная личность».

— Не всякий лидер — менеджер. Один — дитя среды, она ведет его. Второй — сам движитель, тянет свою «команду» за собой. Это потенциальный менеджер, он ориентирован на задачу, для решения которой нужно сплотить людей.

— А что вы скажете о юных «фарцах»?

— Поразмышляем? Их бизнес, безусловно, — живая экономика, живая психология. У «фарцов» развито умение понять

ситуацию, купить, оценить. Навыки, согласитесь, полезные. Но! Такой бизнес — правонарушение. И это, естественно, сказывается на личности. «Внутренний будильник» перестает звонить, когда стерлась грань между законом и уголовщиной. Да и сами они теряют чувство социальной безопасности.

— Так что же, ставим крест на «фарцах»?

— Я бы не был так категоричен. Им нужно дать шанс добиться успеха другим путем.

— У вас есть альтернатива?

— Кооперативы, где можно работать с 14 лет, быть равноправным партнером в деле. Центры НТТМ, любительские объединения.

— Вернемся к проблеме самоотбора.

— Так, теперь давайте оценим свой характер. Менеджер — человек рациональный, собранный. Вы не такой — что ж, это исправимо. Далее, для менеджера действие выше размышления. Отсекает самообман: себе не врет. А ведь большинство из нас страдают этим. Знаете, «эффект зеркала»: человек становится перед зеркалом, приосанивается, набирает воздух. Таким себя и запоминает. Через мгновение он вернется в привычное состояние. Менеджеру это противопоказано.

Вот на что обратите внимание: на умение «держат удар». Если вы склонны впадать в уныние из-за любой неудачи, то советую вспомнить, что «нет худа без добра». Неудача подчас продвигает больше, чем успех. Если все получается — тупик. Поражение, ошибка, вовремя осмысленная, открывают новые возможности. Удача и неудача — понятия субъективные. Классический пример: Том Сойер в качестве наказания за любовь к тетушкиному варенью красит

забор. Поначалу он жертва, предмет для насмешек. А что в итоге: мальчишки по очереди красят забор и за право заниматься этим всячески одаривают Тома. Вот менеджерский подход, эффективный управленческий прием.

— Интересно, кем стал этот мальчишка — писателем Марком Твенном или промышленником Генри Фордом? Все нужные качества налицо — деятельный, общительный, рискованный и т. д. Правда, учиться не любил. Точнее, не любил ходить в школу.

— А что, томы сойеры — фундамент американской экономики. Что касается школы... Вообще менеджер всегда ориентирован на учебу. Умею или не умею — зависит только от самого себя. И никаких претензий к окружающим. А учиться можно у каждого.

— Насчет окружающих. Они ведь подчас агрессивны к лидеру, особенно неформальному: «высоко выветается», «карьерист». И естественно стремление сломать личность. У социологов есть даже такой термин «террор среды».

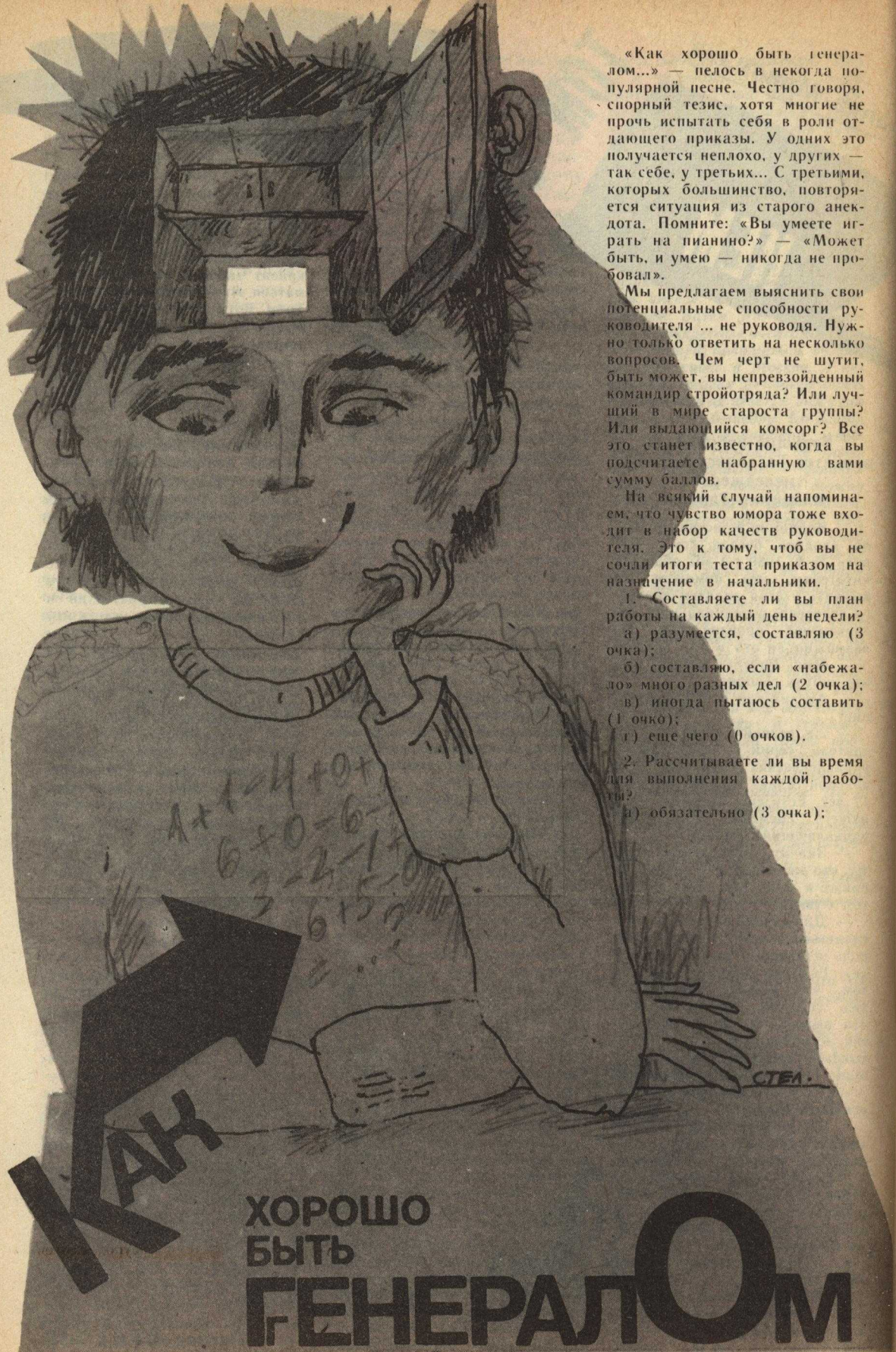
— Если говорить о сверстниках, лидер имеет и авторитет, и поддержку. Негативное отношение, скорее, у взрослых. Но здесь тоже не стоит становиться в позу, надо наводить мосты к старшим. Чтобы хорошо управлять другими, нужно научиться подчиняться самому. Вот распространенный в юности стереотип: если приказ мне не нравится, я его не выполняю. А поведение из будущего иное: если не буду выполнять, никогда не пойму, почему не получилось у меня что-то. Нельзя начинать с неповиновения, конфронтации.

Можно иногда «повольничать», но не раньше, чем вы научитесь подчиняться. Иначе вы не свободный человек, а просто раб своего неумения подчиняться. Это умение — тоже необходимое управленческое искусство.

Закончим эту беседу заданием: проанализируйте свой характер, поведение, роль в классе, группе, семье... Проверьте, что совпадает с необходимыми менеджеру качествами, что нет. Если что-то не получается или есть вопросы — пишите нам.

Спрашивал
Леонид МИНДЛИН

«Как хорошо быть генералом...» — пелось в некогда популярной песне. Честно говоря, спорный тезис, хотя многие не прочь испытать себя в роли отдающего приказы. У одних это получается неплохо, у других — так себе, у третьих... С третьими, которых большинство, повторяется ситуация из старого анекдота. Помните: «Вы умеете играть на пианино?» — «Может быть, и умею — никогда не проваливался».

Мы предлагаем выяснить свои потенциальные способности руководителя... не руководя. Нужно только ответить на несколько вопросов. Чем черт не шутит, быть может, вы непревзойденный командир стройотряда? Или лучший в мире староста группы? Или выдающийся комсорг? Все это станет известно, когда вы подсчитаете набранную вами сумму баллов.

На всякий случай напомним, что чувство юмора тоже входит в набор качеств руководителя. Это к тому, чтоб вы не сочли итоги теста приказом на назначение в начальники.

1. Составляете ли вы план работы на каждый день недели?

а) разумеется, составляю (3 очка);

б) составляю, если «набежало» много разных дел (2 очка);

в) иногда пытаюсь составить (1 очко);

г) еще чего (0 очков).

2. Рассчитываете ли вы время для выполнения каждой работы?

а) обязательно (3 очка);

б) да, хотя бы приблизительно (2 очка);

в) иногда, чаще всего, когда работы много, а времени мало (1 очко);

г) нет, не вижу в этом необходимости (0 очков).

3. Прежде, чем принять какое-либо серьезное решение, советуетесь ли с другими?

а) да, но только со старшими или с теми, от кого завишу (0 очков);

б) да, с каждым, кто, на мой взгляд, может дать хороший совет (4 очка);

в) иногда, да и то, если позволяет время (3 очка);

г) решение принимаю сам, а потом делаю вид, что советуясь, чтоб не обижались (2 очка);

д) нет, я же лучше знаю, что мне нужно (1 очко).

4. Если вам кажется, что вы что-то делаете лучше или быстрее других, а вам приходится выполнять совместную работу, не возникает ли у вас желание все сделать самому?

а) нет, так как, возможно, мне это действительно только кажется (1 очко);

б) нет, понимаю, что как бы я ни пыхтел, а вместе все же получится быстрее (3 очка);

в) возникает, но я об этом промолчу, чтобы никого не обидеть (2 очка);

г) понятно, возникает, но не буду же я один за всех пахать (0 очков).

5. Добиваетесь ли вы принятия всеми вашей точки зрения, даже если ее не разделяют?

а) да, если уверен, что абсолютно прав (3 очка);

б) да, чтобы не уронить свой авторитет (2 очка);

в) добиваюсь до тех пор, пока мне не приведут беспорные доказательства, что я не прав (4 очка);

г) нет, что толку спорить с идиотами... (1 очко);

д) нет, потому что большинство не может ошибаться (0 очков).

6. Как вы относитесь к критике и замечаниям в свой адрес?

а) спокойно обдумываю все, что услышал, и, если нахожу, что критика справедлива, стараюсь не повторять своих ошибок (3 очка);

б) сначала раздражаюсь, но, успокоившись, обдумываю, что из услышанного справедливо, а что нет (2 очка);

в) начинаю искать «бревно в глазу» у того, кто меня критикует (0 очков);

г) если замечания делает человек, которого я уважаю, то не злюсь, а в других случаях — просто не обращаю внимания (1 очко).

Теперь посчитаем набранную сумму очков.

16—20. У вас очень неплохие шансы стать руководителем. Вы, как правило, умело организуете свой рабочий день, не принимаете решений сгоряча, уважаете

многое из задуманного не доводите до конца. Вряд ли можно отнести к вашим достоинствам прямолинейность при отстаивании своей точки зрения. Порой вы чрезмерно эмоциональны, и немного больше рассудительности и сдержанности вам бы не помешало.

Хотя все это в некоторой степени компенсируется искренностью, желанием не «держат камень за пазухой», а также умением — пусть не сразу — признавать свои ошибки.

10—12. В отсутствии желания планировать свою работу вас не упрекнешь, как, впрочем, и в умении это делать. Даже если вы составляете план, то нет никакой гарантии, что будете ему следовать.

Странно, мнение о своих способностях у вас, мягко говоря, неплохое, и в то же время уверенности в том, что ваши решения — самые правильные, у вас нет. Отсюда шарахания: то вы упрямо стоите на своем, то сдаетесь при малейшем сопротивлении.

Критику в свой адрес воспринимаете чаще всего, как «происки врагов», хотя не всегда себе в этом признаетесь.

Для того, чтобы думать о руководящей работе, вам нужно чуть больше организованности, интереса к чужому мнению и чуть меньше думать о себе в деле (но не о самом деле).

0—9. Ваша главная беда — привычка ориентироваться на мнение «сверху». Даже если вы понимаете, что «верх» (начальник, учитель, родители, дворовый лидер и т. д.) не прав, вы не станете возражать, а уж тем более — не выполнять указания.

Отсюда и все остальное: раз можно следовать указаниям, то зачем думать самому, что-то там организовывать, спорить, «высовываться». К замечаниям в свой адрес вы относитесь не то чтоб равнодушно, они вас задевают, но менять что-либо вы все равно не станете. При совместной работе вы, как правило, выполняете только то, что вам поручено.

Однако если у вас появляется интерес к делу, то вы можете проявить и самостоятельность, и настойчивость, и организаторские способности. Вот и постарайтесь найти для себя такую «нишу».

чужое мнение, хотя всегда имеете свое. При выполнении совместной работы не «тянете одеяло на себя», в меру самокритичны. В общении с другими вы сдержанны и доброжелательны.

Единственное, на что следует обратить внимание, так это — некоторая склонность к компромиссам. Иногда она вызвана не столько интересами дела, сколько нежеланием портить отношения.

13—15. Пожалуй, для руководителя вы чуть-чуть разбросанны и неорганизованны. Из-за этого

СПОКОЙНО,
ТОВАРИЩИ!
НЕ ВСЕ СРАЗУ!

Рисунок Сергея
СТЕЛЬМАШОНКА

АДЬЮ

Лариса РЫСЬ

— Муська!
— Каринка!

Девчонки радостно обнялись, закружились, запрыгали по тесной прихожей, сбивая с вешалки плащи и куртки.

— Неужели приехала? — Оксанка, которую все почему-то называли Мусей, освободилась от объятий подруги и, улыбаясь, оглядела ее. — Подстриглась? В Москву ездила?

— Брось ты, в Москву... Сама обкарналась. Сзади чуть Юлька помогла... А «химию» девчонка знакомая в парикмахерской сделала.

— Здорово! Тебе идет!
— Ты тоже выглядишь на все сто.

Подруги не виделись несколько месяцев и теперь, подбирая сбитые на пол одежды, поглядывали друг на друга и беспричинно смеялись. Этой встречи обе они долго ждали. В первых числах мая открывался «пятак» — городская танцплощадка. Присутствовать в это время на дискотеке было делом чести. Недаром же Муська ехала в родной город за сотни километров. Неспроста в последних письмах Карины все чаще и чаще встречалось волшебное слово «пятак».

Девчонки прошли в комнату. Каринка подошла к шкафу, вытащила из его недр роскошный фиолетовый свитер и бросила его подруге:

— Мамка достала. Классный, правда?

— Вещь, — похвалила Муся, откладывая свитер в сторону. — А ты сама купила чего-нибудь? — И ее глаза замерли в вопросительном ожидании.

— А как же! — подмигнула Каринка. — Две бутылки «Мадеры» и одну — водки.

— Ух ты! — обрадовалась Оксанка. — И что делать будем?

— Не знаю... — пожала плечами Карина. — Заходи вечером за мной, как обычно.

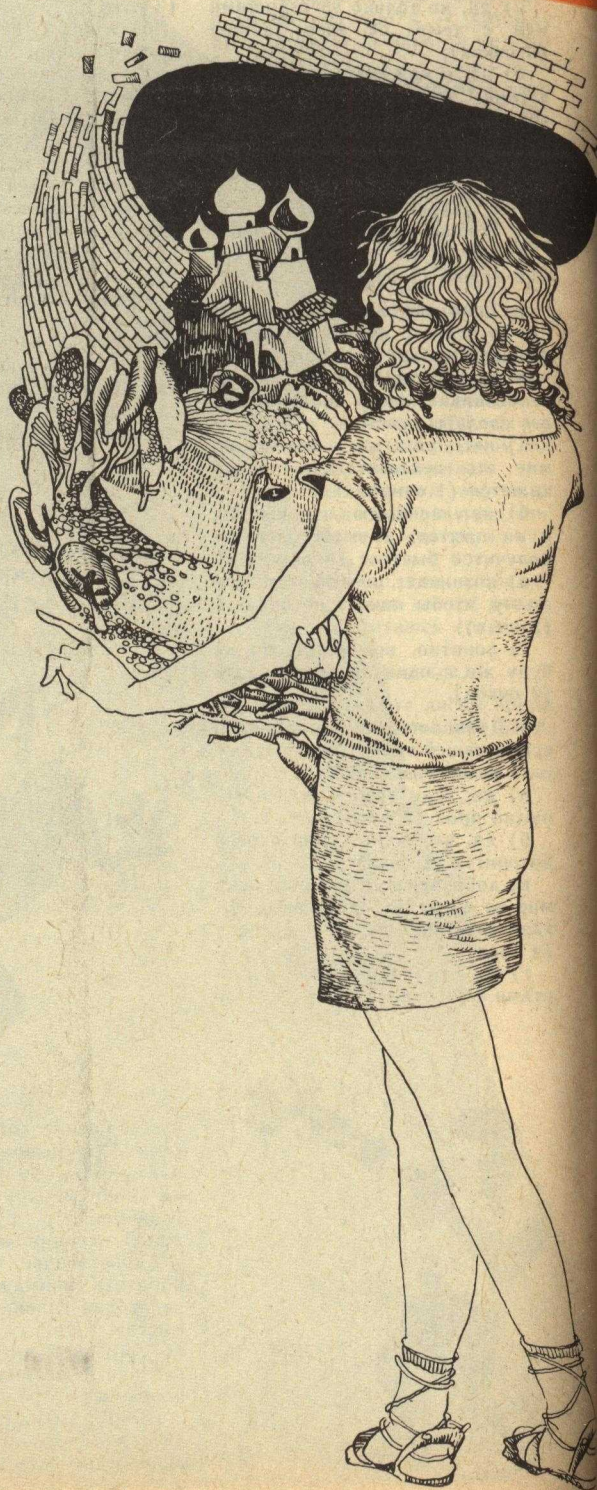
— А как же Ленка с Юлькой?

— Как, как... Увидишь их, пусть и они заходят. Только без них, конечно, лучше, а то нам мало будет.

— Значит, так, — собираясь домой, подвела итоги Оксанка. — Сумку свою я тебе оставляю — удобная, кстати. Возьмешь две бутылки «Мадеры», закуси какой-нибудь, а водку тогда на завтра оставишь. Завтра ведь тоже танцы.

Каринка поцеловала подругу в щеку и закрыла за Муськой дверь.

Родителей дома не было. Карина не спеша нарезала хлеб, колбасу, завернула бутерброды в бумагу и налила в бутылку из-под лимонада компот. Сложила все это в оставленную Оксанкой сумку, засунула туда две бутылки «Мадеры» и подумала, пряча поклажу в прихожей: «Хоть бы Юлька с Ленкой Муську не встретили, а то и вправду мало нам будет».

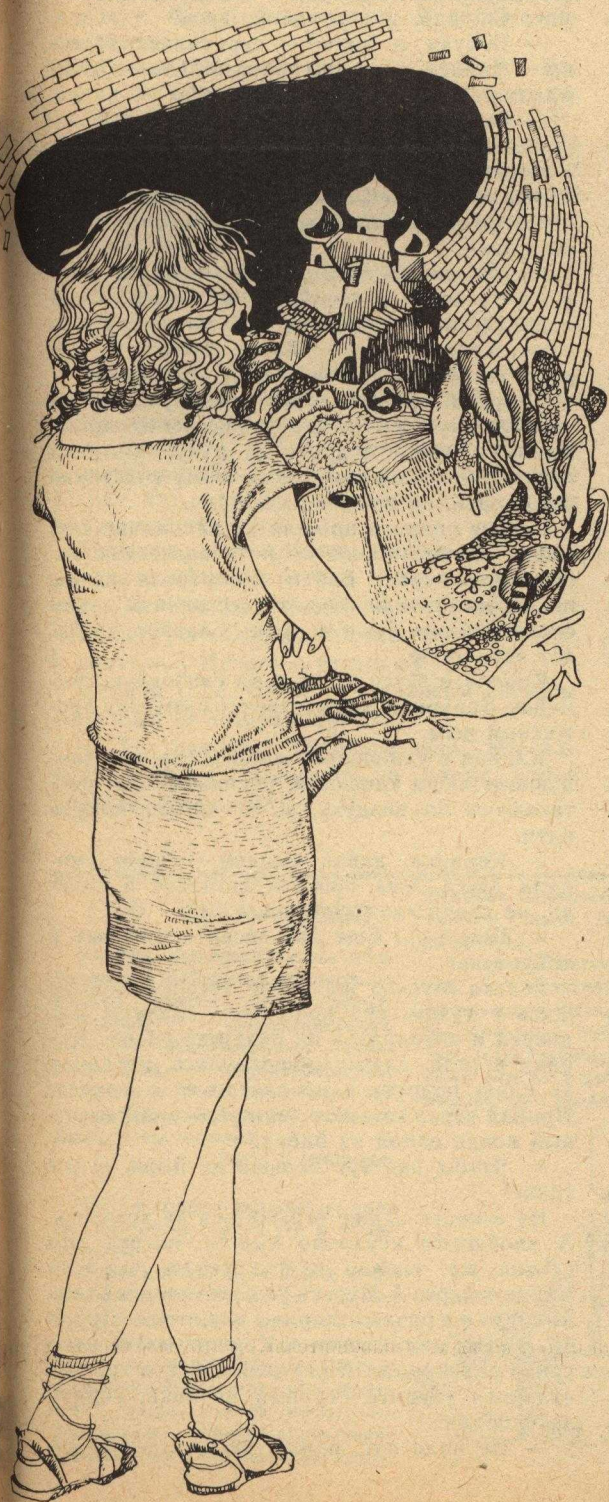

Меня зовут Лариса Рысь. Впрочем, это мой литературный псевдоним. Так говорят в таких случаях. Мне восемнадцать лет. И это, пожалуй, мое единственное достоинство. Больше ничем похвастаться не могу, а посылаю вам свой рассказ «Адю».

Не знаю, понравится ли он вам, но все, что написано в этом рассказе, произошло на самом деле. Карина и Муся-Оксана здравствуют и по сей день. Ладно, раскрою карты и скажу, что «Адю» написано по просьбе самих героинь.

О том, что с ними случилось, не знают ни в школе, ни дома. Закончу словами девушек: «Мы уже обожглись, так пусть же другие не повторяют наших ошибок». Может быть, вы сможете напечатать «Адю»!

Каринка подошла к зеркалу, взъерошила «мокрые» кудряшки и неожиданно ощутила какое-то непонятное беспокойство. Оно обдало холодом и булькнуло в живот. Девушка нахмурилась, не понимая, в чем дело, пожалала плечами и стала собираться на дискотеку.

Поставила плойку — подкрутить волосы, достала косметику. Косметика была хорошей и дорогой, но, что самое главное, — импортной. Отечественной, по примеру мамы, Карина не пользовалась. Пока нагревались электрошипцы, достала из шкафа ажурные колготки. Хотела надеть новенькие, с люрексом, но в последнюю минуту ее что-то остановило, и она натянула обыкновенную «сеточку». Примерила темно-синюю бархатистую юбочку, «вареную» кофточку, голубые туфельки на маленьком каблучке... Оценивюще взглянула на себя в зеркало, осталась довольна и даже поплясала с собственным отражением, бормоча под нос веселую песенку.

Снова подозрительный холодок зашевелился в ней и неприятно действовал на нервы. Каринка включила магнитофон и постаралась отогнать предчувствие. Вскоре ей надоело ждать Муську, она взяла сумку и отправилась к подруге домой. На улице ее остановил окрик:

— Карина! — к девушке торопливо шел высокий, модно одетый парень и издала махал ей рукой. — Привет! — улыбаясь, поздоровался он. — Я тебя зову, зову, а ты даже не слышишь. Ты на «пятак» сегодня идешь?

— Иду, а в чем дело? — Каринка посмотрела на часы. — Давай быстрее, мне некогда. Муська ждет.

— А ты сегодня с «пятака» с кем идешь?

— Еще не решила, Витенька, — кривляясь, томным голосом отвечала Каринка. — А что, есть желающие проводить?

— Слушай, — парень встряхнул крашеным чубом, — мы сегодня с Максом чуть позже дойдем. Вы без нас не уходите, ладно?

— Ну, если с Максом... — качая головой, улыбнулась девчонка, — тогда мы подумаем! — Она кокетливо помахала ручкой и пошла, цокая каблучками.

Оксану Карина встретила, свернув за угол дома. С удовольствием осмотрела ее наряд и тут же пожаловалась:

— Витьку сейчас встретила. Опять в конвоиры набивается.

— Плюнь, — посоветовала Муська. — Без него обойдемся.

— А он сказал, что с ним Макс будет.

— Ладно, посмотрим по обстоятельствам. Курить будешь?

— А что у тебя? Фу, гадость, выкинь ты ее. На мой, у меня «БТ».

Оксана затянулась и, выпустив тонкую струю дыма, объявила план действий:

— Прежде всего купим билеты на «пятак», потом пойдем к церкви и бухнем. У Ленки, оказывается, свое есть, она уже ушла с бабами куда-то, а Юлька вообще смылась и адреса не оставила.

Карина прикурила, приятный дым проник в легкие, и вновь что-то противное зашевелилось внизу живота.

— Муська, мне страшно! — неожиданно сказала она.

— Брось ты, — махнула рукой подруга. — Выпьем, первый раз, что ли? Девочек на дискотеке встретим, я их сто лет не видела.

Карина еще немножко поскулила и успокоилась. Вечер был очень красивым и теплым. Девушкам нравилось ловить на себе любопытные взгляды ребят и даже взрослых мужчин. А еще больше нравилось эти заманчивые взгляды не замечать.

На пути к «пятаку» девчонки встречали знакомых, кивали им, но поговорить ни с кем не останавливались. Не до того. Тяжелая сумка давила, не давая забывать о себе.

Купили билеты. Добрались до церкви и взобрались на высокий холм, где стояла белокаменная. Днем сюда приходили бабульки, молились, крошили голубям хлеб, а ближе к вечеру у церковного храма собиралась молодежь. Сюда забирались покурить, а еще чаще — выпить.

Вот и сейчас на скамейках сидели молодые парни и девушки, а над ними клубился сизый дым сигарет. Можно было выпить и здесь, но тогда бы пришлось с кем-нибудь обязательно поделиться. А не хотелось. Подруги пошли в обход церкви в поисках укромного уголка. Их маневр не остался незамеченным. Несколько взрослых парней, подождав минутку, двинулись за ними. Погоню, оглянувшись, заметила Муська. Девчонки спустились с холма и скрылись в переулках домов.

— Выпить спокойно не дадут, — хмыкнула Оксанка. — Волки голодные.

Девушки перешли шумную улицу, минули несколько старых двухэтажных домов и вышли на тихую улочку, за которой простирался тополиный парк. В неухоженном парке стоял краеведческий музей.

Обогнув здание, подруги зашли в укромный закуток с видом на речку. Место обоим понравилось. Оксана соорудила сиденья. Карина вытащила из сумки бутылки и закуску. После долгих мучений Муська протолкнула пористую пробку вовнутрь. То же самое повторилось и со второй бутылкой.

— Давай покурим, — предложила чуть захмелевшая Муська. Ее левая рука выделяла замысловатые фигуры в такт доносившейся мелодии.

— Я танцевать хочу.

Покурили и выпили еще немного.

— Как у тебя дела в техникуме? — спросила Карина.

— Нормально, — вздохнула Оксана. — Должно быть, окончу с красным дипломом, — и, посмотрев на бутылку, сказала: — Я больше не могу.

— Надо! — приказала Каринка. — Как договаривались: бутылка — тебе, бутылка — мне. Слушай, а кто такой Дрон?

— Откуда я знаю? — скривилась Муська. — Чихать я на них хотела! Он — Дрон-младший, а я — Муся-старшая!

— Выпьем за Мусек!

— Выпьем.

Остатки вина запивали компотом. Бутерброды лежали нетронутые. Последние граммы никак не хотели вливаться, а выливать их было жалко.

— Ну, шо-о-о, пойдем? Подымешься? Держись за меня и все будет в ажуре! — она подняла ногу, задрав и без того короткую юбку, и захохотала: — Вот я, Муська, в ажуре, а ты, подруга, нажралась, как кабан.

Девушки прошли через огромную, но многолюдную в этот час городскую площадь, Каринка, таща подругу за руку, смотрела перед собой, каждому встречному счастливо улыбалась, но лиц не различала.

Вскоре подруги пришли на танцплощадку, минуя скривившихся от неудовольствия бабок-контролеров. Бабки посмотрели вслед, но не остановили. Видимо, сегодня в таком состоянии они были не одни. Главное, за билет заплачено.

Карина и Муся уселись на свободную скамейку. Закурили, торжественно выпуская ароматный дым.

Карина с удивлением наблюдала, как танцующие люди качаются, расплываются, растекаются по воздуху, и не хотела никуда идти.

— Каринка, давай выйдем, — слабо умоляла Муся. Она бросила сигарету и сидела, не сводя глаз с выхода.

— Шас-с-с... Еще две песни проиграют и пойдем.

Только Муська ждать не хотела. Собравшись с духом, она поднялась, сделала шаг вперед и повалилась на сидящих рядом. Карина встала, слегка пошатнулась, потянула за плащ подругу и поволокла ее к выходу. Пройдя через контроль, они услышали яростный вопль одной из бабок:

— Чтобы вас тут больше не было, сучки такие!

Ну и пусть. Даже огрызаться не хотелось. А вообще-то неудачно вышли, потому что сейчас же, словно из-под земли, выросли милиционеры. А Муська уже на холодной земле сидит и в разные стороны кланяется. Дурно ей. В речи милиционеров Карина только одно слово разобрала: медвытрезвитель, и тут же, стараясь убедить стражей порядка, горячо заговорила:

— Не надо нас, пожалуйста, в вытрезви-

тель! Я вас очень прошу, не надо! Мы сейчас уйдем!

— Ты-то уйдешь, — усмехнулся милиционер, — а вот она вряд ли, — и на Муську кивает. Та, бедная, сидит, как Ванька-встанька, и ничегошеньки не соображает.

Карина ее быстро подняла и из горпарка с горем пополам, сама на каблучках спотыкаясь, вывела. Так мы далеко не уйдем, подумала она, сбрасывая Мусю на лавочку. Чуть здесь поспим, и дальше отправимся.

Сколько они просидели на лавочке, Каринка не помнила, а проснулась она от того, что кто-то сильно тряс ее за плечо. Открыла глаза — рядом сидит незнакомый парень в кожаной курточке. Ой, а старбон! Лет под тридцать, даже лысина на голове проблескивает. Глазки такие маслянистые, сам улыбается:

— Не сидите здесь, девушки, — говорит, — а то вас милиция заберет.

«Может, и заберет, — думает Карина, — но наплевать».

Во второй раз она очнулась от того, что почувствовала: кто-то перед ней стоит. Приоткрыла глаз: некто в сером плаще.

— Девчонки, заберет ведь вас милиция, в вытрезвитель отвезет, — а сам смеется. — У нас тут машина недалеко, давайте мы вас домой подвезем.

Машина — это хорошо. Самим ни за что не дойти. Карина встала. Никто никуда не шел. Та, что рядом сидела, отбивалась от чьих-то рук: «Отвали отсюда, козел... Уйди, я сказала... Ничего я не знаю».

Карина села. Опять стала носом клевать. Кожаный ее за руку трясет:

— Тут недалеко квартира есть. Мы вас туда отвезем, выспитесь, а потом домой поедете, согласны?

Так плохо... Так противно... Отпустите... Не трогайте...

— Вылезай! Приехали, — чей это голосок такой, приторный и гадкий? — Осторожно, не падай!

— Пусти, сама пойду, — Каринка высвободила руку и попробовала оглядеться вокруг. Справа — «газик» милицейский, слева — мужик какой-то. Старбон вонючий! Ой, впереди Муську ташат, у нее ноги по земле так и волочатся. И опять темно, и вновь тишина...

...Карина открыла глаза: лестница, Муськины ноги. Еще ноги. И куда-то идут. Куда? Зачем? Карина, похоже, тоже идет. Нет, это другим так кажется. На самом деле она просто ноги поднимает: бум-бум... Кто тут, скажите, пожалуйста, постно лыбится? А Муську так и унесли.

Комната какая-то... Фу, какой свет яркий! Стол накрыт. Салаты, салаты... Что за праздник? Диванчик. Надо посидеть. Бух! А народу-то сколько! Или это просто так кажется? Ерунда... Лиц, ну, ва-а-аше не разобрать! Да не мельтешите вы, не мельтешите!

Кто там орет в соседней комнате? Господи, так визжит, как будто его режут.

— Сиди спокойно, — чья-то сильная рука вдавила Карину в скрипучие пружины.

Противный диван. Жесткий. Мотать надо отсюда, и как можно скорее мотать. Пока, мальчики! Сказала или подумала? А может, и подумала, и сказала?

— Сиди, я тебе говорю! — и по виску чем-то тяжелым — бамс!

Опять, что ли, фонари зажгли? А может быть, это дождь пошел?

А почему такой теплый и липкий?

Между прочим, наш город и без огня хорош...

Красивый наш город, очень красивый!

по сути дела

Иногда, как прочитаешь объявление «Требуется рабочие...», голова кругом идет. Пишут: «Требуется абербандщики». Или — «Изготовители заквасок». Или — «Кабестанщики». А что это такое и с чем это едят! Догадывайся, как хочешь. Может, вы знаете!

Рита, г. Кишинев

Честно говоря, раньше не знали, пришлось заглянуть в справочники.

Оказывается, есть такие специальные станки: абербандные. Применяются они на текстильном производстве, где делают ткань с национальными орнаментами. Чтобы получить орнамент, ткань нужно несколько раз красить. Абербандщик перекрывает так называемыми пере-

вязками определенные участки основы ткани после каждого крашения.

Теперь об изготовителе заквасок. Это специалист молочной промышленности. Для того, чтобы получить кефир, ацидофилин, простоквашу, творог, в молоко вносятся добавки, которые называются заквасками. Эти до-

бавки делают в лаборатории, а занят их производством как раз изготовитель заквасок.

И, наконец, кабестанщик. Кабестан — это лебедка с барабаном, то есть грузоподъемная машина. Применяется он в складах, при швартовке судов, подъеме якорей. Управляет им кабестанщик.

870 **ЮЛИЯ РАХИМКУЛОВА**, г. Уфа
Творчества нет. Так, всякая ерунда. Однако что-то постоянно удерживает от того, чтобы сжечь всю эту муть. Интересно, что? Скорее всего, юношеское тщеславие. «Надежды юношей питают»... И девушек тоже. Вообщем хочется самореализоваться, а то взорвусь изнутри. Вот и реализуюсь на полную катушку: пишу стишки, рассказы, малую картинку (бездарные). И еще музыку сочиняю. Это как раз делаю более или менее профессионально — учусь в 10 классе музыкальной школы при Институте искусств.

Вот примерно такая я. А теперь читайте стихи.

ЗЕЛЕНОГЛАЗКА

«Зеленоглазка!» — кричало мне эхо,
Бродя в лабиринте стандартных построек.
«Зеленоглазка!» — кричало мне эхо.
Но я не знала, что это такое.
Я слишком хотелаestroю твою
Быть, мой зеленый таинственный мир,
Считая себя фигурой на сцене...
Но нет, я — мишень,
Остальное — тир.
«Зеленоглазка!» — недавно опять услышала.
Искала дорогу,шла тропинку.
Зашла в чей-то дом. Кто звал меня? Кто же?
Нет. Это просто заело пластинку.

ПОСВЯЩАЕТСЯ НЕИЗВЕСТНОМУ ЖИТЕЛЮ СЛАВНОГО ГОРОДА УФЫ

А ты идешь, такой похожий
на Джона Леннона, прохожий.
А навстречу я идущу
Одинока, как веник в углу.
Ты меня не заметил, наверное,
Потому как мимо прошел
И совсем в неизвестность ушел.
А мне стало так грустно безмерно,
И теперь в моих снах по ночам
Ты идешь по Бродвею гордо,
Но, мой милый, прости, это подло —
Оставлять без внимания дам!

871 **ДМИТРИЙ ЧУРАКОВ**, г. Сумгант
Как это ни банально звучит, но все же — привет вам со знойного Востока! Дошел-таки, наконец, до нас третий номер «Паруса». Даже испугался, когда прочел стихи Дмитрия Аджигитова! Может быть, потому, что мы тезки, наши стихи очень похожи. Но не в этом дело. Просто хочу, чтобы вы почитали и мои.

Зелень деревьев открыла глаза
Тем, кто спал в дождливый сезон.
Ты должна помнить, что я сказал,
Когда мне приснился фиолетовый слон.
Эта сказка могла быть с концом,
Если б северный ветер дул в четверг.
Боюсь, что я стал бы тогда подлецом
И чьи-то лизал каждый день сапоги.
Смотри мне в глаза. Читай по слогам:
«Все на пределе. Ожидается взрыв».
Со вчерашнего дня я не верю часам
И знаю точно, что я — примитив.
Нам незнакомо чувство стыда
И непонятен язык светофоров.

И если в постели случится беда,
Нас доктора посвятят в фантазеров.
Но зелень деревьев открыла глаза
Тому, кто хоть в чем-то что-то постиг.
«Я люблю тебя» — просто сказать,
Но у меня с утра заплетался язык.

872 Решила написать вам, потому что журнал нравится больше всех остальных молодежных изданий. Поможете? Нет уверенности в себе. Люблю землю, животных, руки чешутся по хозяйству, но что я знаю, что умею? Есть в моем характере черты, почти перечеркивающие все, — лень и слабоволие. И еще — страх, страх, страх «бумажками». Как ни странно, за мои 17 лет сравнительно небольшая «бумажная волокита» оставила в душе неизгладимое отвращение — до того, что 2 месяца не могу забрать документы из института, который бросила на 1 курсе... Сколько раз бралась за ум — клялась и божилась, слава богу, только себе, что буду заниматься, бегать по утрам и т. д., но тщетно — дальше нескольких раз дело не двигается. Знаю, если не сломаю себя — все пойдет прахом, а ведь я не такая уж «диванная», честно: почти с 13 лет в летние каникулы работала дояркой, хотя это оценит тот, кто сам бывал в этой шкуре; сдала на водительские права, рисую неплохо, работала с глиной, пишу стихи — все это моя мелкая душонка ставит себе в заслугу и наотрез отказывается от черной работы, предпочитая почивать на лаврах. Я никогда не работала в белом халате — это только в кино бывает, а в жизни — бьют тебя коровки грязными хвостами по лицу, а тебе и утираться некогда. До сих пор «дерусь» с ленью, но, как всегда, — с переменным успехом. Занимаюсь биологией, готовлюсь в ветеринарный. Если когда-нибудь мне суждено победить себя, любимыми силами постараюсь стать фермером.

Купава П.,
г. Ростов-на-Дону

* * *

Покрытые проседью старого мха,
Колоды сосновые дремлют.
Медвежьими лапами сон лопуха
Окутал притихшую землю.

МАСЛЕНИЦА

Зимний день сверкает, шумен.
Слышен звон колоколов.
В рясе праздничной игумен
Не жалеет людям слов.
Вербой полон перелесок,
Солнцем блещут купола,
И на лицах старых фресок
Краска ярко зацвела.

873 Высылаю вам свои стихи на всякий случай. И хотя мне безразлично, будут они напечатаны или нет, все же интересно посмотреть, что из этого выйдет...

Елена БОЛОШКО, 17 лет,
г. Минск

День удавился и завис,
Хрипя намыленной веревкой.
С крыш воробьи глядели вниз,
Топорща пухлые головки.
В их глазах-бусинках цветочком
Недоуменье распустилось,
И запоздалый стыд за то,
Что крошкой с ним не поделилась.

874 «Пишу в надежде услышать ваше мнение...»

Так вроде начинать надо! Или нет. Лучше так: «Сегодня мне 16, за окном снег и я совсем одна. Как горько!». Ладно. Ты, «Парус», поймешь. Давай без этого трепя. Думала написать что-нибудь этакое «душеспасительное». Ах, как романтично! Она написала письмо, его опубликовала популярная рубрика популярного журнала, и он откликнулся. Они поняли и полюбили друг друга. Красиво, не правда ли? Все ваши абоненты рассчитывают на это. И я, кстати, тоже. Эй, вы, романтичные рыцари и парни с длинными челками, клоните или не клоните! Могу фото выслать! Скажете — стыдно, девочка... А что! Чем я хуже других! Разве что тем, что рука не поворачивается слезливое письмо написать. Слезливое, по-моему, это действительно стыдно! А еще стыдно, мне кажется, по другим городам счастья искать, не попытавшись взглянуть в то, что у тебя под носом. Да что там говорить...

Юля, 16 лет,
г. Тирасполь

875 Почему мы сегодня любим только себя, считая окружающих низкими, глупыми, смешными! Почему считаем честность недоступной, а совесть — ненужной! Почему собственное невежество и внушенные идеи ставим выше других личных мнений! Почему смешными нам кажутся наивные, мечтательные, слабые! Зачем люди — рабы привычек, принципов и своих начальников! Почему мы чаще всею не видим собственной глупости! Эти вопросы долго пришлось вынашивать в себе. И вот — выплеснулись-таки наружу. Хотелось бы получить письма с ответами.

Николай,
Московская область

876 Мы настолько погрязли в буднях, что о возвышенном даже подумать некогда. А я считаю любовь возвышенным чувством, хоть и почти не верю в ее существование. Любить, всецело отдаваясь своему чувству, умеет только женщина, мужчины на такое просто неспособны. Наверное, так было задумано природой: ты любишь, тебя обманывают... А о том, что «любовь спасет мир», даже говорить не приходится...

Елена, 19 лет,
г. Мурманск

877 Этим летом мы закончили 10 классов и получили справки о том, что прослушали курс средней школы. Не пугайтесь, нас не так уж и много на класс — всего двое. Да, мы отличаемся от всех этих примерных девочек и мальчиков. Но лучше быть последними в учебе, зато жить как хочется. И, как ни странно, в городе уважают именно таких, как мы, хоть и называют «крутыми», «блатными», «простыми» или просто хулиганами. Да, скрывать нечего... Но вот сейчас мы вас обескуражим: а ведь надоела эта «красивая жизнь»! Не потому, что сигареты и алкоголь отрицательно влияют на здоровье, и даже не потому, что стало страшно попасть в места лишения свободы (уже есть приводы в милицию). Просто надоело, и все тут! Устроились на работу — куда же еще с нашими справочками! Можете, среди ваших читателей найдутся те, кто сумел начать новую жизнь по-настоящему! Расскажите, что получилось.

С уважением и надеждой
В. Ш. и Д. Д.,
Коми АССР

878 По письмам подростков в «Парус» заметили: «опускание» начинается у всех одинаково: компания, выпивки, мальчишки... Заканчивается по-разному. Мы вот оказались в колонии. Переступив этот порог, потеряли все. И оттаиваем только тогда, когда приходят письма из дома, от тех, кто не отказался от нас. Лишь тогда возвращается вера в себя, в людей. Очень хочется не потерять ощущение, что ты — человек. Поэтому и торопимся сказать тем,

кто в письмах в редакцию спрашивает, как вырваться из не самой хорошей компании. Надо один раз собрать все свои силы и сказать «нет!!!». Кроме самого себя в этой ситуации тебе никто не поможет. Это из собственного опыта...

Лена, 17 лет,
Люда, 18 лет

879 ...По ночам гоняли на мотоциклах, ходили на дискотеки и везде, где появлялись, вызвали скандал. Два года я считала, что только так и надо жить. В институт провалилась. Пошла в медучилище, хоть общение с больными людьми вызвало у меня отвращение. Но однажды на практике в клинике помогла старушке дойти до палаты и услышала: «Спасибо, доченька! У тебя доброе сердце». Мне раньше никто не говорил таких слов. И вдруг я поняла, что мое призвание — делать людям добро, что я по-другому больше не смогу.

Казалось, я нашла свое место. Но все не так просто. С прежними друзьями разошлась. Живу странно: задыхаюсь от переполняющих меня мыслей и чувств, а поделиться не с кем...

Лена М., 19 лет,
г. Москва

ПОМОГИТЕ ТАЛАНТУ!

880 В одной из статей музыкального критика А. Троицкого прочитал: «...у нас нет традиции играть быстро, у нас нет традиции играть «грязно». Так вот, я знаю парня, который еще в начале восьмидесятых в совершенстве владел этой манерой. Не собираюсь изображать его ангелом: эгоистичен, тяжело сходится с людьми, живет, перебиваясь случайными заработками. Но он талантливый поэт и не менее талантливый музыкант. Ему не нужна слава, не нужны огромные деньги, он мечтает всего-навсего записать магнитоальбом и проверить, что из этого выйдет: способен он на что-либо в самом деле или нет. Неужели во всем Союзе не найдется желающих предоставить для этого аппаратуру! Он достаточно грамотен, чтобы записаться самостоятельно.

О моем письме он не знает — не хочу зря обна-

деживать человека. Предложения, если они возникнут, направляйте через редакцию мне.

Сергей,
Волгоградская область

УГОЛОК КОЛЛЕКЦИОНЕРА

Группа любителей стендового моделирования авиационной техники (в масштабе 1:72) берется организовать для всех заинтересованных банк информации. В него войдут: адреса моделлистов, желающих установить контакт с коллегами из других городов, чертежи авиамоделей, технические идеи и самые разные технологические советы. Обращайтесь по адресу:

220103, г. Минск,
ул. Калиновского,
д. 59, кв. 29.
Григорий Гитлиц

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ БЮРО «ВОЗВРАЩАЙСЯ».

881 Мы встретились в поезде. Всю дорогу разговаривали, смеялись. Мне было удивительно хорошо. В его глазах я увидела человеческое участие, понимание, теплоту, искренность. Он рассказывал об Афганистане, оставшемся болью в сердце. А потом... потом мы расстались. Так получилось.

Я хочу, чтобы он услышал меня и две мои афганские песни! Знаю только, что зовут его Виктор, живет в Минске.

Наталья

882 Этим ребятам мы искали где только можно. Ты, дорогой «Парус», наша последняя надежда. На весенних каникулах мы ехали в Кишинев вместе с футбольной командой из Витебска. В пути познакомились, разговорились. Казалось, что мы старые друзья и знаем друг друга лет сто. Очень быстро пролетела дорога. Надеяться встретиться в Кишиневе. Не встретились. В памяти лишь имена: Слава, Вова, Коля, Сергей. Ребята, отзовитесь!

Таня и Алла,
г. Орша

С письмами рубрики работали Анна Шабанова, Юлия Росина, Мария Макась.

АТЕЛЬЕ «ОТ РИНЫ»

принимает клиентов, желающих примерить понятие об остроумных вещах. Консультирует художник-модельер Марина АНТОШКЕВИЧ

Поздней осенью или зимой говорить об острой моде можно, к сожалению, лишь в теоретическом аспекте. Верхнюю одежду мы меняем не часто. Стоит она недешево, и главной ее функцией считается все же наше теплообеспечение. А соответствие скоротечному сезонному поветрию — это уже как придется...

Зимние аксессуары тоже не в состоянии кардинально поднять уровень «модности». Их набор совсем иной, чем летом. Это уже не колечки, браслеты, гривны, кулоны и прочая бижутерия, не косынки и не сумочки, а шарфы, шапки, варежки, гетры, муфты. И если они хотя бы сочетаются по цвету и стилю с главной вещью — пальто, шубой, курткой, то, можно считать, надели на нас не только с пользой.

И тем не менее, относясь к теплым вещам с заведомой консерватив-

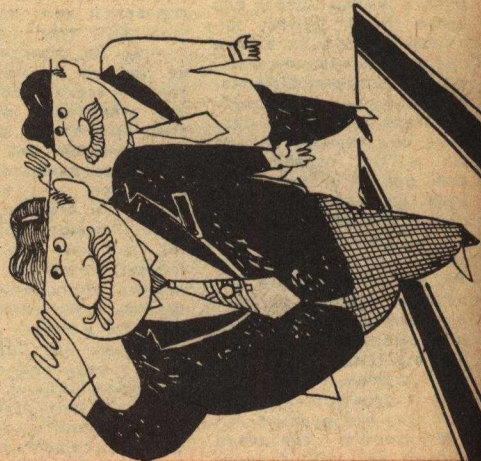
ностью, мы упускаем шанс взлететь на гребень осенне-зимней моды. А сейчас она такова, что для реванша достаточно будет всего одной новой вещи, которая послужит вам и в следующих сезонах.

Речь идет о БРЮКАХ-ЮБКЕ. Они (или она) — экзотика нынешнего сезона. А в будущем, риску предпринять, станут универсальной одеждой, как и брюки, пережившие революционную феминизацию.

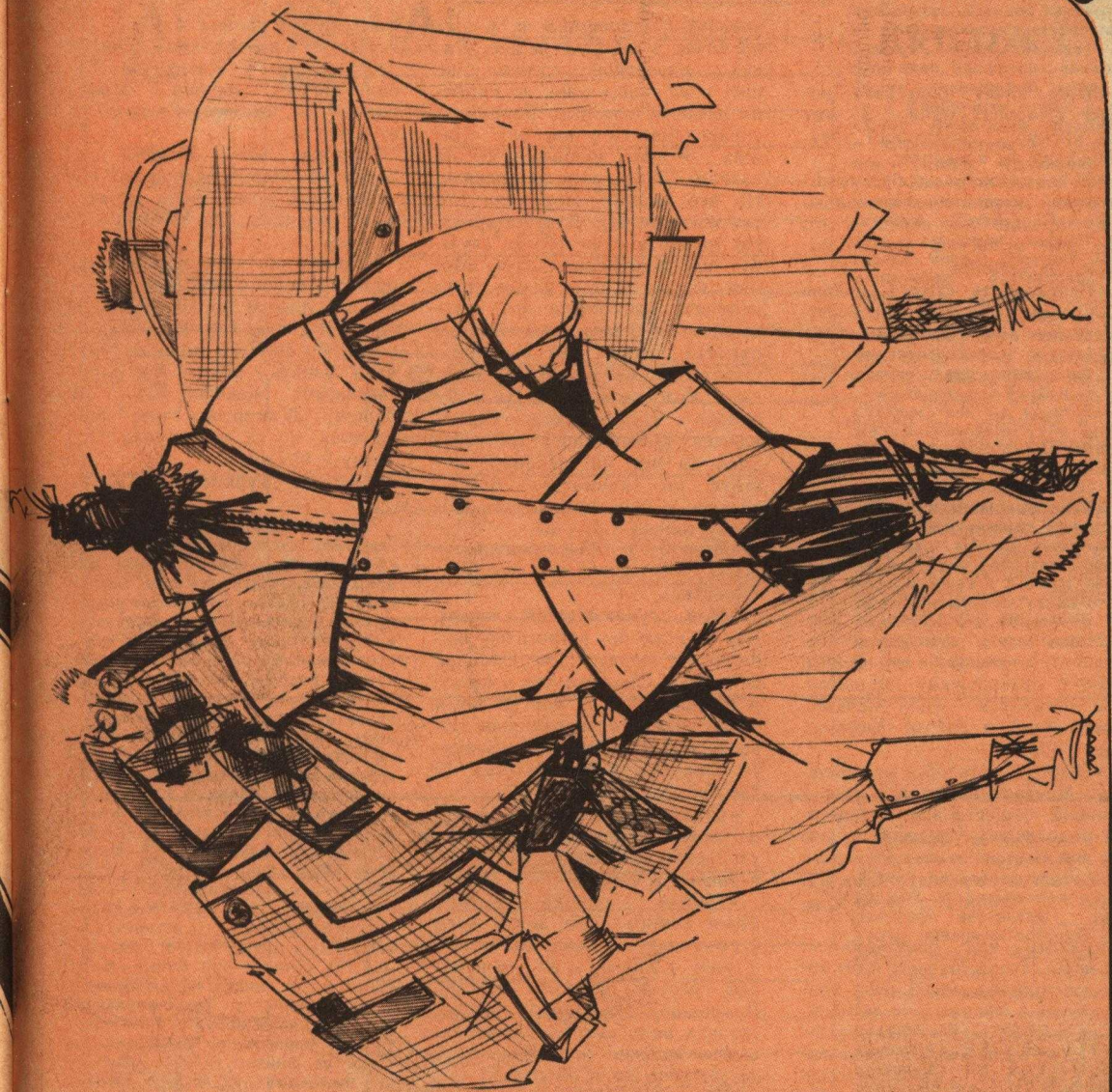
Главная прелесть брюк-юбки заключена в их функциональности, как ни парадоксально. Совсем не похоже на «беспользные» экстравагантности летних нарядов, правда? Брюки-юбка шире обычных брюк, значит, в сильные холода без ущерба для силуэта под них можно будет поддеть что-нибудь тепленькое. В то же время это не юбка, покорная всем ветрам и требующая более или менее романтического облика в целом. Этот «смешанный» туалет уживется и с сапожками на шпильке, и с «дубликами» на рифленной подошве. Длинна его подбирается с учетом обуви и силуэта верхней одежды и тоже, конечно, меняется от выделителя к выделителю, как и ширина. Мини можно надеть на вязаные рейтузы, минди — если в комплекте куртка и обувь с коротким верхом.

Куртки, пальто, плащи по-прежнему объемные, с усиленным плечевым поясом. «Талия» опущена почти до колен.

Чтобы в такой одежде ребята и девчонки не пугали друг с другом, как пингвинов, советуем девушкам надевать подчеркнута женственные го-

ловные уборы. Не забудьте и о том, что на фоне снега отлично играют яркие цвета.

Сегодня, к сожалению, я не могу предложить вам фотографии удачных осенне-зимних моделей. Увы, ни один шитый комплект меня еще не удовлетворил настолько, чтобы с чистым сердцем рекомендовать его в качестве образца для подражания. В своих письмах, к слову, вы часто просите выкройку представленных моделей. Делать вкладыши на уровне «Бурда моден» мы, к сожалению, еще не научились, а делать хуже было бы нечестно по отношению к читателям.

Сейчас в магазинах и ателье много хороших тканей, бедна их цветовая гамма, будто серость осенних улиц заволокла и прилавки. С выбором зимних аксессуаров вообще беда. Что ж, приходится «агитировать» вас за модели, которые пока еще «живут» на бумаге... Если вам удастся нечто такое овеществить, я с удовольствием отмечу, что полку «острых модников» прибыло нынешней зимой.

МАРИНА

ВЗГЛЯД

Обзор анкет июньского номера «Паруса» начнет в этот раз письмо с солдатским треугольником на конверте:

«Наш замполит любит почитать мой журнальчик несколько дней, прежде чем передать его мне. Вот и листаю шестой номер с опозданием:

«Перекричать страх» — очень понравилось. Этот парень знает, что делает и чего хочет. За очерк «Десятка».

«По сути дела» — в этот раз лучше, чем раньше. Откровенно и деловито. 10 баллов.

«Контрольная» — читаю с удовольствием и практикуюсь на себе. «Десятка».

«Беспроигрышная лотерея?» — вроде интервью с передовиком производства: вот это у нас хорошо, вот это плохо, это обсуждаем, а воз и ныне там. Меня лично не переубедили. Уверен: в институт поступают сто процентов только за деньги либо с прекрасными знаниями. Все остальные — если повезет. Поставил 3, а вот за оформление — 10.

«Газета» Малой редколлегии. Мечтаю, чтобы и у нас в Минске существовало общество милосердия. Не знаю, сумею ли я в нем работать, но деньги обязательно переведу. Для начала — в Ленинград. А за «Газету» — 8.

«Работа над ошибками» — на месте Игоря Муфеля я бы тоже выучил эстонский. Вот увидел у вас в оформлении лотерею на родной мове — был страшно рад, сослуживцам показал: вот написано по-белорусски! «Десятка».

«Испытание» — ничего так.

знакомо. Дедовщина и у нас на точке в порядке вещей. Каюсь, наперекор системе не шел и не пойду уже, до дембеля немного осталось. Борцов за справедливость у нас нет. «Чижи» летают здорово. Честно говоря, меня так не гоняли. Но все молчат. Понимаю, что так жить нельзя. В душе кричу. Но только в душе. Ташу службу, как положено «деду». Может, я трус в этом плане (хотя получить по морде от сильнейшего не боюсь, да и сам дам сдачи)?... Таких, как я, — большинство, и мы в этом не виноваты. Условия жизни... Да и все пороки «гражданки» сказываются. «Испытание» не побудило во мне ни желания востать, ни задуматься. Вывод: чего-то в нем не хватает. Поэтому только 5 баллов.

«Вместе с Малгожатой» — жаль, что кончилась рубрика «Десятка».

«Мой сумасшедший папа». Черту, если бы встретился, набили бы морду. Для главаря, кстати, он слишком хил и прост. А его команда, на мой взгляд и опыт, немного неправдоподобна. В жизни все жестче. «Бедного папочку» жалко до слез. 10 баллов.

«Стихотворная тропа». Больше люблю лирические стихи или уж остросоциальные. И чтобы в рифму. 5 баллов.

«Трубка мира» — задело! Меня самого дома ждут жена с сынишкой. У жены было 170, у меня — 250, но и на эти небольшие деньги прожить трудно. Возможно, тоже пойду вагоны грузить ради денег, а хотел бы иметь, конечно же, интересную профессию. За «Самсоздат» «детятка».

«Ищу друга» — на этот раз

тоже всего 5 баллов.

«Детям о взрослых» — искренне рад, что у Касьянова все более-менее хорошо. Прекрасный он человек! Ставлю 10 от радости.

«Ателье «от Рины» — полезно не только девушкам. По секрету: я тоже умею вязать, мама научила. За модели — 7 баллов.

«Камертон» — на мой взгляд, он не только о музыке. Смешны эти вздохи по Шатунову и т. п. «Битлз», конечно же, хорошо, но сколько можно? Приятно узнать, что у нас прогрессирует женский рок. В общем, «Камертон» мне понравился, но не на все 120. Поэтому 9 баллов.

АНДРЕЙ, Туркменская ССР.

Оценки нам показались доказательными, взгляд на журнал армейского парня — обоснованным, доброжелательность земляка подкупала. К сожалению, мы не часто имеем возможность проследить, как «работают» публикации «Паруса», поэтому рады любому вдумчивому разбору, который вы нам прислали или еще пришлете. А для объективности — средние баллы за июнь: «Камертон», С. Шидловская «Я хочу быть с тобой» — 9,02; «Авторский лист», И. Андрианова «Мой сумасшедший папа» — 8,80; «Контрольная» — 8,79; «Линия огня», В. Маслюков «Испытание» — 8,47; «Повод для знакомства», А. Никитина «Перекричать страх» — 8,14; «Вместе с Малгожатой» — 7,43; «Трубка мира» — 7,28; А. Росин «Беспроигрышная лотерея?» — 7,22; «Ищу друга» — 7,13; «Газета» — 7,12; «Ателье «от Рины» — 6,75; «Болеем за наших!», Е. Кашина «Приглашение к рок-н-роллу» — 6,74; «По сути дела» — 6,68; «Детям о взрослых», И. Павлючик «Еще не финиш» — 6,54; «Работа над ошибками», И. Муфель «Непонимание...» — 6,53; «Стихотворная тропа», С. Бурченкова — 6,23.

Парус

ЗВОНИТЕ:

20-31-27 — отдел трудового воспитания и профориентации; отдел писем

20-27-08 — отдел комсомольской жизни, идейно-политического и нравственно-го воспитания

20-22-56 — отдел литературы и эстетического воспитания

20-41-30 — секретариат

ПИШИТЕ:

220600, г. Минск, ГСП, ул. Коровяка, 12

Главный редактор Василий ДРАГОВЕЦ

Редакционная коллегия:

Геннадий БОЧАРОВ, Эдуард ДНЕПРОВ, Алексей ДУДАРЕВ, Виктор КОВАЛЕВ, Игорь КОН, Владимир КУДЛАШ, Нина КУРЗАНОВА, Олег МАНАЕВ, Валентин МАСЛЮКОВ, Валерий ПЛЮСКОВ (отв. секретарь), Александр ХАНДОГИН, Владимир ХАЧИРАШВИЛИ, Светлана ШИДЛОВСКАЯ, Ефим ШУР

Художественный редактор Валерий РУЛЬКОВ

Технический редактор Валентина ЖГУНЦОВА

Корректор Любовь БАИЧ

Издательство «Полымя» Государственного комитета Белорусской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.

Сдано в набор 14.08.89. Подписано к печати 6.10.89. АТ 05353. Формат 70 × 108. Офсетная печать. Усл. печ. л. 5,6. Усл. кр.-отт. 15.

Уч.-изд. л. 8,8. Заказ 341. Бумага офсетная № 4.

Тираж 1 000 000 (1 завод 1—400 000 экз.). Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии.

Адрес: 220041, г. Минск, Ленинский проспект, 79.

<div data-bbox="96 91 157 156" style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;">А</div> <p>ДАТА _____</p> <hr/> <p>ВРЕМЯ _____</p> <hr/> <p>МОНО</p> <p>☐ СТЕРЕО</p> <p>☐</p>	 Парус	<div data-bbox="375 91 437 156" style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;">А</div> <p>_____</p> <p>_____</p> <p>_____</p> <p>_____</p> <p>_____</p> <p>_____</p>	<p>Группа «Дети»: Роман Капорин, основатель и лидер группы (играл в «Мифах» и оркестре камерной музыки «Кон Анима») — саксофон, баян, бас-гитара, вокал; Игорь Рудик — клавишные, вокал (вместе с Капориным играл в группах «Союз Любителей Музыки Рок» и «Мануфактура»); Петр Струков — гитара, балалайка, вокал (экс-«Посещение», эти трое музыкантов — основные авторы композиций «Детей»); Леонид Терентьев — саксофон, кларнет, флейта, гитара, вокал; Дмитрий Ларионов — тромбон, бас-гитара, вокал; Александр Воробьев — барабаны.</p> <p>1-й альбом «Кесарево сечение» весной 1987 года привлек внимание невероятным сплетением буквально всех возможных жанров — от барокко до фьюжи и частушек, которые, как ни удивительно, все же «монтировались» в некий собственный стиль — а это уже немало — и иронией, которой пронизаны все тексты группы.</p> <p>За прошедшие два года произошло стремительное развитие коллектива — «Дети» успешно выступили на 6-м городском рок-фестивале, прошли в 3-й тур московского «Интершанса», стали открытием фестиваля битломании в Днепро-дзержинске. Итог: пластинка на фирме «Мелодия».</p>
<div data-bbox="96 468 157 533" style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;">Б</div> <p>ДАТА _____</p> <hr/> <p>ВРЕМЯ _____</p> <hr/> <p>МОНО</p> <p>☐ СТЕРЕО</p> <p>☐</p>	 Парус	<div data-bbox="375 468 437 533" style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;">Б</div> <p>_____</p> <p>_____</p> <p>_____</p> <p>_____</p> <p>_____</p> <p>_____</p>	

<div data-bbox="96 948 157 1012" style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;">А</div> <p>ДАТА _____</p> <hr/> <p>ВРЕМЯ _____</p> <hr/> <p>МОНО</p> <p>☐ СТЕРЕО</p> <p>☐</p>	 Парус	<div data-bbox="375 948 437 1012" style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;">А</div> <p>_____</p> <p>_____</p> <p>_____</p> <p>_____</p> <p>_____</p> <p>_____</p>	<p>Приехав из Сибири в столицу поступать в театральное училище, Жанна Агузарова так и не смогла убедить экзаменаторов в том, что обладает актерским талантом. Театр, наверное, потерял. Зато выиграла эстрада. Растущая в Москве популярность группы «Браво», в которой выступала Жанна, подтверждала, что музыканты идут правильной дорогой, — в столице пробили час рок-н-ролла. После выступления на московской «Рок-панораме-86», как говорится, «она проснулась знаменитой». И закрутился калейдоскоп: приглашение на профессиональную сцену, «копейка» Аллы Пугачевой, зарубежные гастроль, запись пластинки.</p> <p>А кроме этого, точнее, параллельно — учеба на народном отделении в музучилище им. Ипполитова-Иванова. Очень скоро при таком бурном росте «Желтые ботинки» — песня, с которой певица дебютировала, — стали исполнительнице малы.</p> <p>Сегодня «Браво» выступает без Жанны, а у Жанны своя, новая группа «Арбат». Певица намерена и дальше удивлять зрителей необыкновенными костюмами и прическами, собирается создать новый стиль в рок-музыке, кстати, поступило уже несколько предложений сниматься в кино...</p>
<div data-bbox="96 1325 157 1389" style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;">Б</div> <p>ДАТА _____</p> <hr/> <p>ВРЕМЯ _____</p> <hr/> <p>МОНО</p> <p>☐ СТЕРЕО</p> <p>☐</p>	 Парус	<div data-bbox="375 1325 437 1389" style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;">Б</div> <p>_____</p> <p>_____</p> <p>_____</p> <p>_____</p> <p>_____</p> <p>_____</p>	

Вырезав эти вкладыши, вы сможете оформить футляры своих магнитофонных кассет

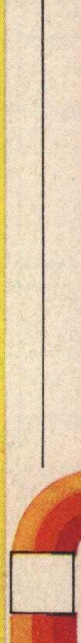

gemu

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6

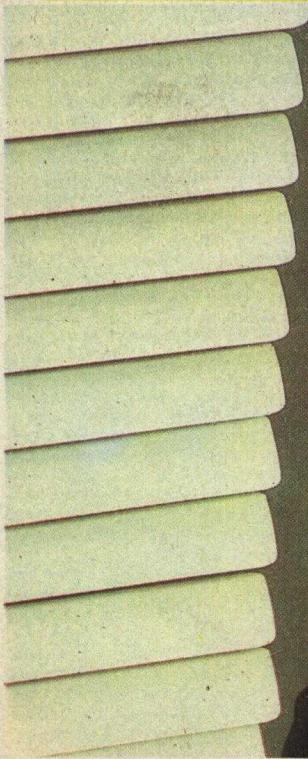
ДЕТИ

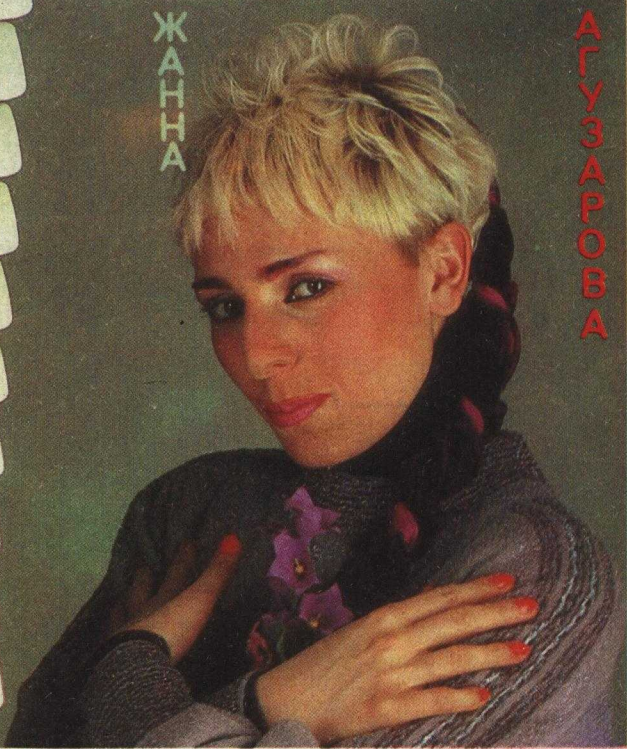
Индекс 70795 «Парус», 1989, № 11, 1—64. Цена 30 коп.

А

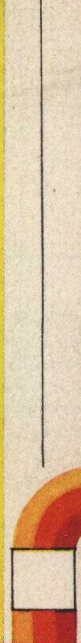
Б

ЖАННА

АГУЗАРОВА

А

Б